

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ISSN 2500-0217

ИНСТИТУТ
ПРАВА

Уфимский университет науки и технологий

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

2 (80)
2025

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Журнал выпускается с 2005 года

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации

Псевдобланкетные термины в российском уголовном законе и их влияние на судебную практику

Правовое регулирование создания и использования дипфейков

Участие гражданского общества в мониторинге правоприменения в России

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ГАБОВ
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург);

ЮДИН
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахитович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

319 off., 131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ФС77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Andrey V. GABOV

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

RU

- 5 **Нечкин А.В., Руденко В.В.**
Участие гражданского общества
в мониторинге правоприменения в России
- 14 **Петров А.В.**
Идеи преобразования государственного
устройства Российской империи в период
правления Александра I (посвящается
200-летию восстания декабристов 1825 года)

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 22 **Архиереев Н.В.**
Правовое регулирование создания
и использования дипфейков
- 31 **Степанов М.М.**
Развитие правовой основы обеспечения
государственной безопасности России:
ретроспективный анализ
- 39 **Юсупов Р.Г., Тимербулатов Т.А.**
Соотношение понятий «национальная
безопасность» и «государственная
безопасность» в праве. Место ФСБ России
в обеспечении государственной безопасности

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- 52 **Михайлова Е.В.**
Внесудебное взыскание задолженностей
по жилищно-коммунальным платежам
на основании исполнительной надписи
нотариуса: постановка проблемы

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 59 **Акиев А.Р.**
Теоретико-прикладные основы
криминалистического обеспечения
предупреждения преступлений против
семьи и несовершеннолетних
- 68 **Епифанов А.Е.**
Участие специалиста в следственных
и процессуальных действиях
(аспекты уголовного судопроизводства)
- 75 **Кострова М.Б.**
Псевдобланкетные термины
в российском уголовном законе
и их влияние на судебную практику

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES**

EN

- 5 **Nechkin A.V., Rudenko V.V.**
Participation of Civil Society in Law
Enforcement Monitoring in Russia
- 14 **Petrov A.V.**
Ideas for Transforming the State Structure of the
Russian Empire During the Reign of Alexander I
(Dedicated to the 200th Anniversary of the
Decembrist Revolt of 1825)

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 22 **Arkhiereev N.V.**
Legal Regulation of Creating and
Using Deepfakes
- 31 **Stepanov M.M.**
The Development of the Legal Framework
for Ensuring State Security in Russia:
A Retrospective Analysis
- 39 **Yusupov R.G., Timerbulatov T.A.**
The Correlation of the Concepts "National
Security" and "State Security" in Law.
The Place of the Federal Security Service
of Russia in Ensuring State Security

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 52 **Mikhailova E.V.**
Extrajudicial Collection of Debts on Housing
and Communal Payments by Virtue of
a Notary's Writ of Execution:
Problem Statement

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 59 **Akiev A.R.**
Theoretical and Applied Foundations
of Criminalistic Support for the
Prevention of Crimes Against the
Family and Minors
- 68 **Epifanov A.E.**
Specialist Participation in Investigative
and Procedural Actions (Aspects of
Criminal Proceedings)
- 75 **Kostrova M.B.**
Pseudo-Blanket Terms in the Russian
Criminal Law and Their Impact
on Judicial Practice

86 **Попова Е.М.**
Уголовно-правовая концептуализация категории «должностное полномочие» как необходимая предпосылка для единообразного разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации

96 **Харисова З.И.**
Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

106 **Белкин Д.С.**
Тенденции развития мирных средств разрешения международных споров в контексте международного строительного контрактного права

113 **Караман А.А.**
Европейский курс как угроза государственности Молдовы. Исторические и правовые аспекты

123 **Скирда М.В.**
К вопросу о перспективах и рисках межгосударственного сотрудничества под эгидой ООН в области борьбы с преступностью с использованием новых технологий

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

132 **Абдрахманова Л.Н.**
Основания принятия решения о привлечении специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам

139 **Лессард А.Б.**
Источники экспертного света как инструментальный метод обнаружения зубов и костных останков человека: особенности и проблемы применения при производстве осмотра места происшествия

150 **Макушев Д.Е.**
Административно-правовые средства обеспечения общественной безопасности в сфере оборота оружия

157 **Ушаков В.Н.**
Правовые, социальные и экологические аспекты реализации права на благоприятную окружающую среду в России

86 **Popova E.M.**
Criminal Law Conceptualization of the Category "Official Authority" as a Necessary Prerequisite for a Uniform Delineation of the Crimes Provided for by Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation

96 **Kharisova Z.I.**
Criminalistic Characteristics of Crimes Related to Illegal Access to Computer Information

INTERNATIONAL LAW SCIENCES

106 **Belkin D.S.**
Trends in the Development of Peaceful Means for International Dispute Resolution in the Context of International Construction Contract Law

113 **Karaman A.A.**
The European Course as a Threat to the Statehood of Moldova. Historical and Legal Aspects

123 **Skirda M.V.**
On the Prospects and Risks of Interstate Cooperation in Combating Crime with the Use of New Technologies under the auspices of the United Nations

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

132 **Abdrakhmanova L.N.**
Grounds for Deciding on the Involvement of a Specialist in Criminal Proceedings

139 **Lessard A.B.**
Expert Light Sources as an Instrumental Method for Detecting Human Teeth and Bone Remains: Features and Problems of Application in the Production of Accident Scene Examination

150 **Makushev D.E.**
Administrative Law Means of Ensuring Public Safety in the Area of Trafficking in Arms

157 **Ushakov V.N.**
Legal, Social and Ecological Aspects of the Implementation of the Right to a Favorable Environment in Russia

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.1

Original article

НЕЧКИН Андрей Вадимович
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия,
e-mail: super.nechkin@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3032-9240>

NECHKIN Andrey Vadimovich
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia.

РУДЕНКО Валентина Викторовна
Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия,
e-mail: emikh.valentina@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>

RUDENKO Valentina Viktorovna
Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

УЧАСТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В МОНИТОРИНГЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

PARTICIPATION OF CIVIL SOCIETY IN LAW ENFORCEMENT MONITORING IN RUSSIA

Аннотация. Актуальными задачами в рамках дальнейшего развития правовой системы Российской Федерации являются разработка единого общедоделерального кодифицированного нормативного правового акта, регулиющего вопросы проведения правового мониторинга, в том числе мониторинга правоприменения, а также разработка действенных механизмов участия институтов гражданского общества в мониторинге правоприменения для повышения его реальной эффективности. Цель: определение путей совершенствования законодательства Российской Федерации по вопросам участия институтов гражданского общества в мониторинге правоприменения и развития института общественного мониторинга правоприменения. Методы: юридической компаративистики, толкования юридических норм, формально-юридический и правовой герменевтики. По итогам проведенного исследования авторы пришли к выводу, что в России предусмотрена возможность участия граждан и общественных объединений в мониторинге правоприменения, однако юридические механизмы реализации данной возможности не установлены, общественность привлекается к мониторингу крайне редко. Вместе с тем участие общественности в мониторинге может повысить его эффективность и обеспечить учет интересов широких слоев населения. Авторы полагают, что

Abstract. An urgent task within the framework of further development of the legal system of the Russian Federation is the development of a unified federal codified normative legal act regulating the issues of legal monitoring, including law enforcement monitoring. The development of effective mechanisms for the participation of civil society institutions in law enforcement monitoring to increase its real effectiveness also remains an actual task. Purpose: to determine ways to improve the legislation of the Russian Federation on the participation of civil society institutions in law enforcement monitoring and to develop the institution of public monitoring of law enforcement. Methods: legal comparativistics, interpretation of legal norms, formal-legal and legal hermeneutics. Results: based on the results of the study, the authors conclude that in Russia there is an opportunity for citizens and public associations to participate in law enforcement monitoring, but legal mechanisms for implementing this opportunity have not been established, the public is extremely rarely involved in monitoring. At the same time, public participation in monitoring can increase its effectiveness and ensure that the interests of the general public are taken into account. The authors believe that the improvement of the

совершенствование действующей нормативной правовой базы, регулирующей осуществление мониторинга правоприменения в Российской Федерации, должно идти по пути принятия единого федерального закона о правовом мониторинге в Российской Федерации, в котором можно было бы урегулировать и вопросы участия широкого круга институтов гражданского общества.

Ключевые слова: мониторинг правоприменения, правовой мониторинг, гражданское общество, граждане, общественный мониторинг, эффективность права

Для цитирования: Нечкин А.В. Участие гражданского общества в мониторинге правоприменения в России / А.В. Нечкин, В.В. Руденко. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 5–13.

current regulatory framework governing the implementation of law enforcement monitoring in the Russian Federation should follow the path of adopting a unified federal law on legal monitoring in the Russian Federation, which could also regulate the participation of a wide range of civil society institutions.

Keywords: law enforcement monitoring, legal monitoring, civil society, citizens, public monitoring, effectiveness of law

For citation: Nechkin A.V., Rudenko V.V. Participation of Civil Society in Law Enforcement Monitoring in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp.5–13. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.1.

ВВЕДЕНИЕ

В России накоплен 14-летний опыт проведения мониторинга правоприменения. Вместе с тем количество проведенных институтами гражданского общества мониторингов правоприменения незначительно, а механизмы привлечения общественности на законодательном уровне не закреплены.

Привлечение общественности к мониторингу правоприменения – это не только один из аспектов права граждан на участие в управлении делами государства, элемент общественного контроля, часть механизма обеспечения гласности деятельности органов публичной власти, но и важный элемент информационной основы мониторинга. Чем больше источников информации в ходе него будет проанализировано и чем больше субъектов будет привлечено, тем объективнее будет картина об объекте мониторинга. Именно поэтому важно выстраивать взаимодействие всех участников процесса мониторинга, в частности взаимодействие государственных и общественных структур, что позволит органам публичной власти получить объективную информацию об анализируемых правовых явлениях.

В 2020 г. в Санкт-Петербурге были приняты Рекомендации по организации мониторинга правоприменения и прогнозирования последствий принятия законодательных актов в сфере обеспечения национальной без-

опасности в государствах – участниках СНГ¹. Несмотря на ограниченную сферу их применения, принципы, обозначенные в данных рекомендациях, по сути, являются общими для мониторинга правоприменения в любой сфере общественных отношений. Среди них указаны принцип полноты информационной базы, что предполагает получение информации в том числе от общественных учреждений и организаций, средств массовой информации, от граждан, и принцип достоверности информации, используемой в ходе мониторинга, предусматривающий использование объективной информации, полученной из проверенных источников. Кроме того, мониторинг должен быть реализован на основе принципа оснащенности, что применительно к анализируемому вопросу означает обеспечение механизмов участия общественности в его проведении.

Целью настоящей статьи является определение путей совершенствования законодательства Российской Федерации по вопросам участия институтов гражданского общества в мониторинге правоприменения и развития института общественного мониторинга пра-

¹ О Рекомендациях по организации мониторинга правоприменения и прогнозирования последствий принятия законодательных актов в сфере обеспечения национальной безопасности в государствах – участниках СНГ : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27.11.2020 № 51-26 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

воприменения, для чего ставятся следующие исследовательские задачи: 1) анализ текущего правового регулирования в Российской Федерации обозначенных вопросов; 2) изучение опыта регламентации данных вопросов в зарубежных государствах; 3) разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Согласно Положению о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденному Указом Президента РФ², при подготовке предложений к проекту плана мониторинга федеральные органы исполнительной власти, иные федеральные государственные органы и органы государственной власти субъектов Российской Федерации учитывают предложения институтов гражданского общества и средств массовой информации о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмене) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, поступившие в соответствующий орган.

Таким образом, в Российской Федерации на сегодняшний день не исключена возможность участия институтов гражданского общества в мониторинге правоприменения, что необходимо для обеспечения гласности деятельности органов публичной власти, развития механизмов общественного контроля, повышения объективности и всесторонности результатов мониторинга, активизации деятельности гражданского общества в России в целом. Однако на практике в силу инертности гражданского общества в России и обозначенных далее особенностей российского законодательства подобное участие осуществляется редко.

Так, например, отдельные авторы справедливо отмечают, что «отсутствует нормативное закрепление института гражданского общества и его характеристика как субъекта общественных отношений в сфере мониторинга правоприменения» [1, с. 25], а само

«отсутствие понятия "институт гражданского общества" порождает юридико-лингвистическую неопределенность» [2, с. 40].

Причем положения разработанных Министерством юстиции РФ Рекомендаций по вопросам организации деятельности по мониторингу правоприменения, предусматривающие, что к этой деятельности «целесообразно привлекать как можно более широкий круг профессиональных юристов, представителей научной школы, правозащитных и общественных организаций, бизнес-сообщества, средств массовой информации»³, также не конкретизируют содержание понятия «институт гражданского общества», ограничиваясь простым перечислением его отдельных разновидностей.

Нельзя особо не отметить, что Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, наделяя институты гражданского общества правом обращаться к федеральным органам исполнительной власти, иным федеральным государственным органам и органам государственной власти субъектов Российской Федерации с предложениями о принятии (издании), изменении или признании утратившими силу (отмене) законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, не определяет форму и процедуру подачи подобных предложений. На практике такое положение не может не создавать известные трудности, с учетом обсуждаемых предложений, которые на сегодняшний день орган государственной власти может просто не заметить или намеренно проигнорировать, что в современном правовом государстве недопустимо. Следует согласиться с тем, что «гармоничное и последовательное развитие права в текущей ситуации требует значительных совместных усилий институтов гражданского общества и органов государственной власти» [3, с. 117].

Именно поэтому далеко не случайно, что при осуществлении мониторинга правоприменения, согласно положениям утвержденной Правительством РФ методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации

² О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (в ред. от 09.10.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Рекомендации по вопросам организации деятельности по мониторингу правоприменения, сбора информации и привлечения лиц и организаций к процессу мониторинга правоприменения // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации, должна использоваться информация, поступившая из общественных, научных, правозащитных и иных организаций, а также от граждан, из средств массовой информации и иных источников⁴. Однако требования к общей формализации процедур предоставления, получения и использования информации, поступающей от институтов гражданского общества, для целей мониторинга правоприменения в Российской Федерации, к сожалению, все еще нуждаются в нормативном правовом закреплении.

Во многом подобное положение объясняется отсутствием единого кодифицированного акта общедоурального уровня – федерально-го закона по вопросам правового мониторинга в Российской Федерации. При этом следует отметить, что на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, например, Свердловской области и Ямало-Ненецкого автономного округа, приняты и довольно длительное время действуют специализированные законы, регулирующие вопросы осуществления правового мониторинга. В них, пусть и не безусловно, но все же регулируются вопросы форм учета мнения широкого круга институтов гражданского общества при осуществлении различных видов правового мониторинга, что, в свою очередь, может послужить основой для разработки федерального законодательства.

Справедливо также заметить, что возможность достаточно широкого участия институтов гражданского общества в осуществлении правового мониторинга, в том числе мониторинга правоприменения, позволяет говорить о построении модели невключенного правового мониторинга. В этой связи следует согласиться с тем, что «модели, предполагающие организацию невключенного правового мониторинга, в большей степени способны раскрыть потенциал мониторингового исследования, поскольку допускают возможность внешнего воздействия на государственные органы с экспертной позиции» [4, с. 5].

Вместе с тем, обсуждая участие институтов гражданского общества в осуществлении правового мониторинга в целом и монито-

ринга правоприменения в частности, нельзя обходить стороной положения Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁵, в котором предусматриваются различные формы общественного контроля. Среди них особо выделяются такие две формы, как общественный мониторинг – «осуществляемое субъектом общественного контроля постоянное (систематическое) или временное наблюдение за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия», и общественная экспертиза – «основанный на использовании специальных знаний и (или) опыта специалистов, привлеченных субъектом общественного контроля к проведению общественной экспертизы на общественных началах, анализ и оценка актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, проверка соответствия таких актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов требованиям законодательства, а также проверка соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций».

Вполне логично, что результаты общественного мониторинга и общественной экспертизы, уже в силу самого определения данных процедур, должны в обязательном порядке учитываться при осуществлении мониторинга правоприменения. Однако, к сожалению, в действующих нормативных правовых актах подобного прямого указания нет, что, безусловно, следует считать недостатком нормативного правового регулирования, который требует скорейшего устранения.

4 Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 (в ред. от 02.08.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Институт правового мониторинга⁶, а тем более институт мониторинга правоприменения характерен для стран СНГ, что связано с развитием в данных государствах в 2000-х годах концепции эффективности права [5; 6]. В других иностранных государствах термин «правовой мониторинг» не применяется – осуществляется экспертное сопровождение нормотворческой деятельности в различных формах [7] и используется институт оценки регулирующего воздействия (regulatory impact assessment) [8], который в России рассматривается как отдельное правовое явление и также предполагает вовлечение граждан и общественных объединений в его реализацию посредством организации публичных обсуждений. В России правовой мониторинг на этом уровне институционализации не получил, на федеральном уровне регулируется только мониторинг правоприменения, который, соответственно, имеет более ограниченный объект по сравнению с правовым мониторингом, но в силу особенностей процесса правового регулирования мониторинг правоприменения невозможно осуществлять без мониторинга правовых актов. В связи с этим представляется, что опыт регламентации мониторинга правоприменения может быть сопоставим с опытом регламентации правового мониторинга.

В Республике Казахстан вовлечение общественности в мониторинг началось с необходимости участия бизнеса в процессах государственного управления. В Стратегии «Казахстан – 2050»⁷ поставлена задача консолидации предпринимательства и выстраивание взаимодействия предпринимателей и государства, для чего была создана Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан. Впоследствии гл. 7 Закона «О нормативных правовых актах» дополнена ст. 43-2 в соответствии с Законом Республики

Казахстан от 4 июля 2013 г. № 130-V, согласно которой данный орган проводит общественный мониторинг нормативных правовых актов, затрагивающих интересы субъектов частного предпринимательства⁸. Новый Закон «О правовых актах» существенно изменил концептуальные основы правового мониторинга в Казахстане. В частности, в ст. 50 предусмотрено, что государственные органы проводят правовой мониторинг с учетом рекомендаций общественных и научных организаций, граждан. Статья 51 об общественном мониторинге скорректирована в 2021 г.⁹, когда был расширен перечень субъектов, осуществляющих общественный мониторинг, и теперь в нем могут принимать участие все заинтересованные лица. К компетенции общественных советов отнесено осуществление общественного мониторинга актов, затрагивающих права и свободы граждан. Сведения о проведенных общественных мониторингах должны размещаться на сайтах государственных органов.

Нормы Закона «О правовых актах» детализируются в Порядке проведения правового мониторинга в Республике Казахстан. В качестве источников информации, используемых в ходе мониторинга, указаны предложения Национальной палаты предпринимателей, объединений субъектов частного предпринимательства, а также экспертных советов по совершенствованию действующего законодательства Республики Казахстан, затрагивающие интересы субъектов частного предпринимательства; экспертные заключения Национальной палаты предпринимателей и экспертных советов; заключения (рекомендации) общественного мониторинга применения норм законодательства, проводимого общественными советами, а также некоммерческими организациями, гражданами по поручению общественных советов; результаты

6 Под правовым мониторингом понимается систематическая и комплексная деятельность уполномоченных органов и организаций по осуществлению сбора, анализа и обобщения информации о нормативных правовых актах и практике их применения в целях совершенствования правового регулирования.

7 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана от 14.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (обращения: 01.03.2025).

8 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан от 04.07.2013 № 130-V [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000130#z31> (дата обращения: 01.03.2025).

9 О правовых актах : Закон Республики Казахстан от 06.04.2016 № 480-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788 (дата обращения: 28.02.2025).

общественного мониторинга нормативных правовых актов (п. 17 закреплено право государственных органов привлекать целевые группы, в число которых входят общественные советы, общественные объединения и другие организации)¹⁰.

На практике в Казахстане используются различные организационные формы привлечения граждан и неправительственных организаций к мониторингу. Министерство юстиции совместно с Институтом законодательства Республики Казахстан проводит семинары-совещания и вебинары с привлечением общественности, созданы официальные группы в социальных сетях для обмена информацией по вопросам правового мониторинга, заключаются меморандумы о сотрудничестве, проводятся рабочие встречи с представителями неправительственных организаций по обсуждению аналитических справок, публикуются сборники аналитических справок по результатам проведения правового мониторинга [9].

Предпринятые в Казахстане попытки выстроить государственно-общественную модель правового мониторинга заслуживают положительной оценки, однако формализм анализируемых норм по-прежнему сохраняется. На сайте Палаты предпринимателей «Атамекен» опубликованы материалы по результатам общественного мониторинга государственных услуг, общественной антикоррупционной экспертизы, но отсутствуют материалы по итогам общественного правового мониторинга¹¹. Отчасти это обусловлено тем, что в Законе от 4 июля 2013 г. № 129-V «О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан»¹² к компетенции данного органа отнесен общественный мониторинг, без дифференциации регулирования применительно к его отдельным видам [10].

10 Порядок проведения правового мониторинга в Республике Казахстан (приложение к приказу Министра юстиции Республики Казахстан от 31.12.2024 № 1070) [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035616#z7> (дата обращения: 28.02.2025).

11 Национальная палата предпринимателей Республики Казахстан «Атамекен»: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://atameken.kz/ru/> (дата обращения 28.02.2025).

12 О Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 04.07.2013 № 129-V [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000129> (дата обращения: 28.02.2025).

Казахскими исследователями также отмечается проблема формального участия общественности в мониторинге и как вариант предлагается обязательное привлечение институтов гражданского общества к мониторингу на условиях социального государственного заказа [11, с. 102; 12, с. 84].

Сравнительно небольшой опыт проведения правового мониторинга имеется в Республике Беларусь, где мониторинг был закреплен законодательно в 2018 г. Вместе с тем, судя по информации, размещенной на национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь, данный инструмент повышения эффективности правового регулирования активно используется государственными органами республики, информация о проведении правового мониторинга отдельных актов размещается в открытом доступе с указанием контактов ответственного лица, на почту которого любой заинтересованный может направить свои предложения.

Согласно ст. 75 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах»¹³ в целях мониторинга проводятся публичные обсуждения, создаются рабочие группы, изучаются предложения государственных органов и иных организаций, в том числе общественных объединений, а также граждан, осуществляется обмен информацией между заинтересованными государственными органами и иными организациями, проводятся иные мероприятия. О возможности привлечения к правовому мониторингу научных организаций, общественных и иных заинтересованных лиц указывается в Инструкции о порядке проведения правового мониторинга¹⁴. Закреплен правовой механизм реализации данного положения: предусмотрена обязанность организатора правового мониторинга за пять рабочих дней до начала его проведения разместить на своем официальном сайте сообщение о проведении мониторинга, сформулированы

13 О нормативных правовых актах: Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11800130&p1=1&p5=0> (дата обращения: 01.03.2025).

14 О порядке проведения правового мониторинга: постановление Совета министров Республики Беларусь от 30.01.2019 № 65 [Электронный ресурс] // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=c21900065&ysclid=m7q3ntkrxw157704157> (дата обращения: 01.03.2025).

требования к содержанию таких сообщений (п. 8 Инструкции), оговаривается обязательность ответа в случае направления организатору мониторинга письменного обращения.

В Кыргызской Республике предусмотрено проведение мониторинга и оценки законов и решений Жогорку Кенеша с возможностью привлечения общественности. Согласно ст. 114-1 Регламента Жогорку Кенеша¹⁵ в целях контроля исполнения законов и решений Жогорку Кенеша комитеты имеют право запрашивать информацию, в том числе у различных организаций, привлекать представителей гражданского общества и независимых экспертов. Более того, предусмотрена возможность создания постоянно действующего общественного совета по проведению мониторинга принятия и исполнения законов (ст. 151). Однако такой совет не создан и, более того, наблюдается тенденция к ликвидации общественных советов при государственных органах, что объясняется их малоэффективностью¹⁶.

Участие общественности в правовом мониторинге обусловлено единством подходов к нему в указанных государствах, основанному на разработках Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, согласно которым необходимо выделять собственно субъектов правового мониторинга, в силу своей компетенции обязанных проводить мониторинг, и участников, которые вправе на свое усмотрение провести мониторинг или поучаствовать в нем в форме направления предложений, обсуждения его результатов и других видов деятельности [9]. Если в Киргизии положения о привлечении общественности имеют исключительно декларативный характер, то в Беларуси и Казахстане предприняты попытки создать юридические и фактические механизмы привлечения общественности к правовому мониторингу.

¹⁵ О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики : Закон Кыргызской Республики от 16.11.2022 № 106 [Электронный ресурс] // URL: <https://kenesh.kg/uploads/media.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁶ Садыр Жапаров упразднил общественные советы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.today.kg/news/859723/> (дата обращения: 01.03.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что в России предусмотрена возможность участия граждан и общественных объединений в мониторинге правоприменения, юридические механизмы реализации данной возможности не установлены. Фактически общественность привлекается к мониторингу крайне редко. Вместе с тем участие общественности в мониторинге может повысить его эффективность и обеспечить учет интересов широких слоев населения.

В качестве юридических механизмов могут быть использованы: 1) извещение о проведении мониторинга на сайтах органов публичной власти с указанием контактов ответственного лица для направления предложений; 2) привлечение граждан и общественных объединений к мониторингу правоприменения отдельных актов в обязательном порядке и выработка механизмов такого привлечения (например, документов стратегического планирования, актов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина); 3) закрепление механизмов осуществления общественного мониторинга правоприменения (например, на основе предоставления грантов гражданам и общественным объединениям, государственным и муниципальным заказам); 4) развитие форм взаимодействия Минюста РФ, общественных советов при государственных органах, научных и учебных организациях по вопросам мониторинга правоприменения.

Преобразования механизма мониторинга правоприменения в Российской Федерации потребуют усовершенствования действующей нормативной правовой базы, которая на федеральном уровне, к сожалению, представлена лишь подзаконными нормативными правовыми актами – фактически лишь Указом Президента РФ и постановлением Правительства РФ.

Полагаем, что совершенствование действующей нормативной правовой базы, регулирующей проведение мониторинга правоприменения в Российской Федерации, должно идти по пути принятия единого федерального закона о правовом мониторинге в Российской Федерации, в котором можно было бы урегулировать все обозначенные выше вопросы.

Причем нельзя забывать, что на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, например, Свердловской области и Ямало-Ненецкого автономного округа, приняты и довольно длительное время действуют законы, регулирующие вопросы проведения правового мониторинга, в которых, пусть и небезупречно, но все же регулируются вопросы форм учета мнения широкого круга институ-

тов гражданского общества при осуществлении различных видов правового мониторинга. Нельзя также забывать об уже действующем Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», положения которого придется гармонизировать с положениями вновь принимаемого федерального закона о правовом мониторинге в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Здоровцева А.А. Участие институтов гражданского общества в мониторинге правоприменения / А.А. Здоровцева // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы IV всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. – С. 24–26.
2. Здоровцева А.А. Мониторинг правоприменения как организационно-правовой инструмент противодействия коррупции / А.А. Здоровцева, Е.В. Тен // Актуальные проблемы современного права : сборник научных трудов / под ред. В.Е. Степенко. Вып. 1. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2016. – С. 37–42.
3. Сергиенко А.М. Правовая политика и механизм общественного мониторинга правовой системы / А.М. Сергиенко // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : материалы IX международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 2. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 115–122.
4. Блещик А.В. Правовой мониторинг в субъектах Российской Федерации: особенности регламентации / А.В. Блещик, В.В. Руденко // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 2. – С. 4–12.
5. Арзамасов Ю.Г. Концепция мониторинга нормативных правовых актов / Ю.Г. Арзамасов, Я.Е. Наконечный. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 208 с.
6. Горохов Д.Б. Правовой мониторинг: концепция и организация / Д.Б. Горохов, Е.И. Спектор, М.Е. Глазкова // Журнал российского права. – 2007. – № 5. – С. 25–38.
7. Кобец П.Н. Правовая экспертиза нормативных правовых актов – важнейшая стадия правотворческого процесса в государствах Европейского союза / П.Н. Кобец // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 118–122.
8. Поляков М.Б. Оценка регулирующего воздействия и регуляторная политика в Российской Федерации: учебное пособие / М.Б. Поляков. – Казань : ООО «Бук», 2024. – 176 с.
9. Правовой мониторинг : научно-практическое пособие. – Москва : Юриспруденция, 2009. – 293 с.
10. Казбаева А.Г. Роль и значение общественного мониторинга, проводимого Национальной палатой предпринимателей, в правовом мониторинге нормативных правовых актов / А.Г. Казбаева // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2016. – № 3 (44). – С. 78–82.

REFERENCES

1. Zdorovtseva A.A. Participation of Civil Society Institutions in Monitoring Law Enforcement. *Modern Trends in the Development of Private Law, Enforcement Proceedings and Methods of Legal Protection. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference.* Saint Petersburg Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia) Publ., 2018, pp. 24–26. (In Russian).
2. Zdorovtseva A.A., Ten E.V. Monitoring of Law Enforcement as an Organizational and Legal Instrument for Combating Corruption. In Stepenko V.E. (ed.). *Actual Problems of Modern Law. Collection of Scientific Papers.* Pacific National University Publ., 2016, iss. 1, pp. 37–42. (In Russian).
3. Sergienko A.M. Legal Policy and the Mechanism of Public Monitoring of the Legal System. *Current Issues of the Development of Statehood and Public Law. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference.* Saint Petersburg, 2023, vol. 2, pp. 115–122. (In Russian).
4. Bleshchik A.V., Rudenko V.V. Legal Monitoring in the Subjects of the Russian Federation: Features of Regulation. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches,* 2024, no. 2, pp. 4–12. (In Russian).
5. Arzamasov Yu.G., Nakonechny Ya.E. Concept of Monitoring Regulatory Legal Acts. Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 208 p.
6. Gorokhov D.B., Spektor E.I., Glazkova M.E. Legal Monitoring: Concept and Organization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law,* 2007, no. 5, pp. 25–38. (In Russian).
7. Kobets P.N. Legal Expertise of Normative Legal Acts Is the Most Important Stage of the Law-Making Process in the States of the European Union. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques,* 2022, no. 16, pp. 118–122. (In Russian).
8. Polyakov M.B. Regulatory Impact Assessment and Regulatory Policy in the Russian Federation. Kazan, Buk Publ., 2024. 176 p.
9. Legal Monitoring. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2009. 293 p.
10. Kazbayeva A.G. The Role and Significance of Public Monitoring, Conducted by the National Chamber of Entrepreneurs in Legal Monitoring of Regulatory Acts. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan = Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan,* 2016, no. 3 (44), pp. 78–82. (In Russian).

11. Дюсенов Е.А. Участие общественных организаций в проведении правового мониторинга в Республике Казахстан / Е.А. Дюсенов, О.С. Карахожаев // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2015. – № 4 (40). – С. 101–104.

12. Мониторинг законов Республики Казахстан: проблемы теории и практики : научно-аналитический отчет по теме фундаментального и прикладного научного исследования. – Астана : Институт законодательства Республики Казахстан, 2018. – 117 с.

11. Dyusenov Ye.A., Karakhozhayev O.S. Participation of Non-Governmental Organizations to Conduct Legal Monitoring in the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan = Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, 2015, no. 4 (40), pp. 101–104. (In Russian).

12. Monitoring of Laws of the Republic of Kazakhstan: Problems of Theory and Practice. Scientific and analytical report on the topic of fundamental and applied scientific research. Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan Publ., 2018. 117 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нечкин Андрей Вадимович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права;

Руденко Валентина Викторовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nechkin Andrey Vadimovich – Doctor of Law, Professor of the Chair of Constitutional Law;

Rudenko Valentina Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 23.04.2025.
The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 23.04.2025.

Научная статья
УДК 34
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.2

ПЕТРОВ Александр Васильевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: petrov_av2012@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6596-3762>

Original article

PETROV Alexander Vasilievich
Northwestern Branch of the Russian
State University of Justice,
Saint Petersburg, Russia.

ИДЕИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА I (ПОСВЯЩАЕТСЯ 200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 1825 ГОДА)

IDEAS FOR TRANSFORMING THE STATE STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING
THE REIGN OF ALEXANDER I (DEDICATED TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE
DECEMBRIST REVOLT OF 1825)

Аннотация. Начало правления Александра I российское общество связывало с проведением в государстве политических, экономических и социальных реформ. Крепостное право, ограничение гражданских свобод, необходимость структурных преобразований в управлении государством, формирование конституционализма и народного представительства – все эти вопросы стояли остро и требовали решения. Однако надежды на проведение коренных изменений не оправдались. Идеи естественного права эпохи Просвещения, Великая французская революция и победа России в Отечественной войне 1812 г. способствовали возникновению тайных организаций, наиболее известными из которых были Южное и Северное общества. Основные концепции преобразования Российской империи изложены в программных документах руководителей этих обществ – «Русской правде» П. Пестеля и «Конституции» Н. Муравьева. В них предлагалось два варианта политического устройства: республика (П. Пестель) и конституционная монархия (Н. Муравьев). Цель исследования: анализ идей о «революции сверху», реформаторских предложений о модернизации страны на разных этапах правления Александра I как факторов, во многом предопределивших идеи декабристов и их последователей. Методы: теоретический (диалектической логики), эмпирические (сравнения, описания), частнонаучный (историко-правовой). Результаты: исследование позволило выявить два направления политической и юридической мысли в период правления Александра I: правительственное («революция сверху») и неправительственное (дворянско-либеральное и революционно-дворянское).

Abstract. Russian society associated the beginning of the reign of Alexander I with political, economic and social reforms in the state. Serfdom, restrictions of civil liberties, the need for structural changes in the state administration, the formation of constitutionalism and popular representation – all these issues were acute and needed to be addressed. However, the hopes for fundamental changes in the state were not met. The ideas of natural law of the Enlightenment, the Great French Revolution, and Russia's victory in the Patriotic War of 1812 contributed to the emergence of secret organizations, the most famous of which were the Southern and Northern Societies. The main concepts of the transformation of the Russian Empire were set out in the program documents of the leaders of these societies – “Russkaya Pravda” (“Russian Truth”) by P. Pestel and “Constitution” by N. Muravyov. They proposed two variants of political structure: republic (P. Pestel) and constitutional monarchy (N. Muravyov). Purpose: to analyze the ideas of “revolution from above”, reform proposals for the modernization of the country at different stages of the reign of Alexander I as factors that largely predetermined the ideas of the Decembrists and their followers. Methods: theoretical (dialectical logic), empirical (comparisons, descriptions), specific scientific (historical-legal). Results: the study identifies two directions of political and legal thought during the reign of Alexander I: governmental (“revolution from above”) and non-governmental (noble-liberal, revolutionary-noble).

Ключевые слова: государственный конституционализм, конституционная монархия, Александр I, реформы, государственное устройство, Российская империя

Keywords: state constitutionalism, constitutional monarchy, Alexander I, reforms, state structure, Russian Empire

Для цитирования: Петров А.В. Идеи преобразования государственного устройства Российской империи в период правления Александра I (посвящается 200-летию восстания декабристов 1825 года) / А.В. Петров. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 14–21.

For citation: Petrov A.V. Ideas for Transforming the State Structure of the Russian Empire During the Reign of Alexander I (Dedicated to the 200th Anniversary of the Decembrist Revolt of 1825). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 14–21. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.2.

ВВЕДЕНИЕ

Идеи либеральных реформ в Российской империи в научной литературе традиционно связывают с правлением Александра I [1, с. 173–176]. С приходом к власти этого императора в государстве происходят изменения политического режима, формируются концепции преобразований, а необходимость конституционной реформы становится очевидной и начинает находить практическое воплощение.

Можно выделить два основных направления конституционных реформ:

- государственный (монархический) конституционализм (М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцев, П.А. Вяземский);
- дворянско-либеральный конституционализм (П. Пестель, Н. Муравьев) [2].

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ДВОРЯНСКО-ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА КАК ИДЕЙ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Еще в сентябре 1797 г. Александр I (тогда – наследник престола) заявил о намерении ввести в России конституционные учреждения. В своих записях он отмечал, что при его правлении потребуется создать народное представительство для разработки свободной конституции¹ [3, с. 22].

Одним из идеологов дворянского либерализма был А.Р. Воронцов, изложивший свои

политико-правовые взгляды в «Грамоте российскому народу», подготовленной для Александра I. Воронцов поддерживал курс императора на сотрудничество с дворянством, декларируя свободу выезда за границу, предлагал налоговые реформы и запрещал конфискацию крестьянского инвентаря [4, с. 64].

Что касается правительственного конституционализма, то его реализация началась с создания в июне 1801 г. Негласного комитета (известного также как Интимный комитет, Комитет общественного блага). Этот совещательный орган со статусом «непременного совета» занимался подготовкой государственных реформ и разработкой конституционного проекта. Комитету предстояло сначала проанализировать текущее положение дел, затем приступить к реформированию административной системы и, наконец, закрепить эти изменения конституционными гарантиями [5, с. 40].

Одним из первых результатов работы комитета стал проект реформы государственного аппарата. К коронации Александра I в 1801 г. была подготовлена «Всемиловейшая жалованная грамота», закреплявшая права личности, свободы подданных и улучшавшая положение крепостных крестьян. Этот документ можно считать одним из первых шагов к реформированию государственного строя и социальных отношений. Принципы, заложенные в нем, впоследствии использовались при разработке других конституционных проектов [6, с. 40–42].

В сентябре 1802 г. Александр I утвердил Высочайший указ Правительствующему сенату «О правах и обязанностях Сената», Манифест об учреждении министерств.

¹ Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии : сборник документов / сост.: А.В. Гоголевский, Б.Н. Ковалев. М. : Гардарики, 2000. 617 с.

В феврале 1803 г. по инициативе графа С.П. Румянцева был издан указ «О вольных хлебопашцах», разрешавший помещикам отпускать крестьян на волю с землей. Хотя условия освобождения оставались на усмотрение помещиков, что не решало проблему кардинально [7, с. 55], этот шаг значительно изменил положение крестьян в империи.

В Негласном комитете обсуждался проект Грамоты – манифеста, закреплявшего основные экономические и гражданские права подданных и принципы нового кодекса законов, который появился позже, в период правления Николая I, и известен как Свод законов Российской империи, составленный под руководством М.М. Сперанского. Кроме того, Негласный комитет рассматривал вопросы внешней политики, крестьянской реформы, создания Министерства народного просвещения, системы учебных заведений, военного образования и организации тайной полиции [8, с. 201–204; 9, с. 191–209].

Негласный комитет функционировал с 24 июня 1801 по 9 ноября 1803 г. Хотя проект Коронационной грамоты так и не был принят, идея конституционного строительства продолжала развиваться. Уже в 1802 г. М.М. Сперанский в работах «О коренных законах государства» и «Размышление о государственном устройстве империи» изложил свое видение государственного устройства России [5, с. 274, 305].

В 1803 г. по поручению Александра I М.М. Сперанский подготовил «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений» [5, с. 317]. Стоит отметить, что он активно участвовал в разработке манифестов, указов и других документов Негласного комитета. 23 февраля 1801 г. М.М. Сперанский был назначен управляющим экспедицией гражданских и духовных дел в канцелярии Непременного совета [5, с. 41].

В своих работах М.М. Сперанский использовал термин «конституция» в различных значениях. Так, анализируя монархическое правление, он предлагал исследовать «настоящий образ правления в России и ее конституцию» [5, с. 318].

В 1809 г. по заданию Александра I М.М. Сперанский подготовил проект «Введение к уложению государственных законов», где

рассматривал принцип разделения властей, государственное устройство, концепцию выборности. Он писал: «Внешним образом правления называю я те гласные и открытые постановления, грамоты, учреждения, уставы, коими силы государственные между собой в видимом равновесии» [5, с. 369], что в современной терминологии соответствует законодательной власти. Под «внутренним образом правления» М.М. Сперанский понимал баланс государственных сил, предотвращающий доминирование одной из них [5, с. 371]. То есть М.М. Сперанский сформулировал введение в России принципа разделения властей. В своих исследованиях он выделял три элемента коренных законов: права верховной власти; законы, производные от этих прав; права подданных [5, с. 277].

Верховную власть М.М. Сперанский рассматривал в трех аспектах: законодательная, исполнительная, судебная [5, с. 375]. Законодательный процесс, по его мнению, включал два этапа: разработка закона и его исполнение [5, с. 389].

В разделе «О правах подданных» М.М. Сперанский выделял: социальное разделение, гражданские и политические права. При этом все установления должны были объединяться в верховной власти [5, с. 378]. Таким образом, конституция как основной государственный закон, по М.М. Сперанскому, должна была быть дарована «сверху». Он подчеркивал, что, в отличие от других стран, где конституции принимались в ходе политической борьбы, в России она должна стать результатом «благодетельного вдохновения верховной власти» [5, с. 378].

Термин «государственный закон» у М.М. Сперанского часто заменял понятие «конституция» и означал фундаментальный акт, определяющий права и отношения всех сословий [5, с. 318]. Его взгляды на государственное устройство выражались в поддержке монархии, основанной «на истинной самодержавной конституции», где народное мнение служило бы ограничителем власти монарха [5, с. 350]. Другие формы правления М.М. Сперанский отвергал как «ложные и неосновательные».

Во «Введении к уложению государственных законов» изложена программа посте-

пенного перехода России к конституционной монархии. М.М. Сперанский определял коренные законы как положительные, постоянные и неизменные. Их исполнение обеспечивалось верховной властью [5, с. 380].

Конституцию Российской империи Сперанский представлял как акт, который одолжен «будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы» [5, с. 378]. Однако попытки заложить конституционные принципы не увенчались успехом: Александр I отверг предложения М.М. Сперанского. В научной литературе идеи, заложенные в проектах этого государственного деятеля, называют «государственным конституционализмом», «правительственным конституционализмом» [10]. Сам М.М. Сперанский использовал термин «добрая монархическая конституция» [5, с. 356].

Реформы не были реализованы, а их автор отправлен в ссылку. Тем не менее историки оценивают М.М. Сперанского как выдающегося государственного деятеля, реформатора, кодификатора, автора проектов государственного преобразования, инициатора создания Государственного совета и реорганизации министерств, основоположника современной российской юриспруденции [11, с. 74].

Новый этап конституционных идей связан с победой в Отечественной войне 1812 г. На Венском конгрессе 1815 г., где решался вопрос послевоенного устройства Европы, Александр I увязал польский вопрос с российским конституционным процессом. В ноябре 1815 г. была подписана конституция Царства Польского, ст. 31 которой устанавливала вечное народное представительство, двухпалатный сейм (сенат и палата депутатов). Польша получала: широкую автономию, собственное правительство и армию, польский язык как государственный, национальную валюту, гарантии свобод (слова, личности, равенства перед законом). Многие исследователи рассматривают конституцию Царства Польского как эксперимент, предваряющий введение конституции в России [2, с. 9–11].

В конце 1815 г. Александр I поручил Н.Н. Новосильцеву разработать проект рос-

сийской конституции. Работа над Государственной уставной грамотой Российской империи (далее – Уставная грамота) продолжалась до 1820 г. Этот документ считается первым официальным конституционным проектом [6, с. 40], а Н.Н. Новосильцева называют первым автором конституции в российской истории [6, с. 41]. Уставная грамота была написана на французском языке, а в общественном и научном обороте она известна в переводе графа П.А. Вяземского².

Определяя административно-территориальное устройство Российской империи, Уставная грамота вводила понятие наместничества. Каждое наместничество включало в себя определенное количество губерний. При наместнике учреждался совет наместничества в назначенном местопребывании, который структурно состоял из правительственного совета и общего собрания. При этом члены совета имели совещательный голос, а окончательное решение принимал наместник. В документе определялись полномочия совета наместничества: проведение экспертизы проектов частных законов и учреждений; проверка ежегодных отчетов, представляемых губернаторами наместнику; внесение замечаний по отчетам; право докладывать о выявленных нарушениях императору (через наместника и Государственный совет).

Особый интерес представляет роль общего собрания совета наместничества. Согласно Уставной грамоте в состав общего собрания должны были входить представители, выбранные от разных губерний.

Большое значение имел раздел Уставной грамоты о судебной власти, где провозглашались: независимость судей от любой власти, принцип «Без суда никто да не накажется», запрет на арест и лишение свободы без соблюдения закона. Эти положения свидетельствовали о серьезных изменениях в организации судебной системы.

Особое значение имела ст. 91, предоставлявшая российскому народу право иметь народное представительство – государственный сейм, состоящий из государя и двух палат – сената и посольской палаты. Законодательная власть осуществлялась государем при со-

² Государственная уставная грамота Российской империи Н.Н. Новосильцева [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/31000/> (дата обращения: 10.01.2025).

действию палат. Монарх имел право созывать и распускать сейм, вносить законопроекты в сенат или посольскую палату.

Ключевым положением Уставной грамоты было признание всякой собственности «священной и неприкосновенной». Анализ документа позволяет говорить о введении элементов народного представительства в управлении государством. Однако корона оставалась наследственной, и вся власть сосредотачивалась в руках монарха.

Уставная грамота стала значительным этапом в развитии российского конституционализма, сочетая в себе национальный опыт государственного строительства и передовые европейские идеи. Хотя этот проект так и не был утвержден императором, он послужил важным примером для последующего конституционного строительства.

Проекты того периода предполагали: ограничение (упразднение) самодержавия, отмену сословий и крепостного права, разделение властей, введение демократических прав и свобод.

Особую роль в развитии конституционных идей сыграло движение декабристов («дворянских революционеров»), объединенных в тайные общества: «Союз спасения», «Союз благоденствия», Общество соединенных славян, Южное и Северное общества. Их деятельность была обусловлена недовольством абсолютной монархией, сохранением крепостного права, необходимостью модернизации страны.

На мировоззрение декабристов повлияли идеи А.Н. Радищева, работы профессора А.П. Куницына, западная политическая мысль (Руссо, Монтескье, Констан), события Французской революции, опыт Отечественной войны 1812 г. Декабризм стал значительным общественно-политическим течением, провозглашавшим равенство перед законом и народ как источник власти [12, с. 136–144].

Как отмечает С.П. Вольф, в проектах декабристов П. Пестеля и Н. Муравьева сочетались элементы древнерусского республиканизма (Новгород, Псков) и новые принципы государственного устройства [6, с. 40–42].

В «Конституции» Н. Муравьева³ провозглашалось: народ – единственный источник

власти (гл. 1); гражданство как право участия в управлении через избирательное право, работа в органах власти (гл. 2). Определялись условия получения гражданства: возраст 21 год, постоянное жительство на территории Российской империи, здравие ума, непорочность перед законом. Гражданство утрачивалось в случаях принятия иностранного подданства, службы за рубежом без разрешения, судебного приговора, принятия наград от иностранных государств без согласия Народного веча. Гарантировались: равенство перед законом, свобода слова и печати, свобода вероисповедания, отмена крепостного права, отмена сословных привилегий («все люди – братья»), неприкосновенность собственности.

Земельный вопрос в «Конституции» Н. Муравьева решался следующим образом: помещичьи земли сохранялись, но крестьяне получали право на общинные земли, а последующие законы должны были урегулировать переход земли в частную собственность.

«Конституция» предусматривала упразднение сословий, право создания обществ и товариществ и запрет иностранных обществ в России.

Административное деление в «Конституции» предусматривало державы, области, уезды, волости.

«Конституция» провозглашала форму правления – конституционную монархию с разделением властей:

1) законодательная власть: Народное вече (Верховная дума и палата представителей), утверждение законов императором;

2) исполнительная власть: монарх, которому принадлежала верховная исполнительная власть;

3) судебная власть.

Верховная дума обладала полномочиями судить высших должностных лиц, участвовать в заключении мирных договоров, назначать верховных судей.

Согласно конституционному проекту Н. Муравьева верховная исполнительная власть принадлежала монарху: «Император есть Верховный Чиновник Российского Правительства». Власть его была наследственной, и он объединял в своей особе всю исполнительную власть. Полномочия императора охватывали практически все сферы государственной деятельности, однако он обязан

³ Проект «Конституции» Никиты Муравьева [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/NIKITA_W.HTM (дата обращения: 10.01.2025).

был предоставлять Народному вечу сведения о состоянии России при каждом съезде палат, отчитываться о принимаемых мерах.

Таким образом, Н. Муравьев представил конституционный проект, определяющий государственное устройство, форму правления (конституционная монархия), политический режим. И хотя этот проект не был принят Северным обществом в качестве официальной программы, для своего времени он являлся прогрессивным документом, отражавшим взгляды умеренного крыла декабристов. Известно несколько редакций конституционного проекта [13, с. 234–244], демонстрирующих эволюцию взглядов Н. Муравьева на федеративное устройство государства, отношение к самодержавной власти.

Другим значительным конституционным проектом стала «Русская правда» П. Пестеля⁴. Интересно, что первоначально (до 1820 г.) П. Пестель придерживался конституционно-монархических взглядов, но затем перешел на республиканские позиции. Для понимания эволюции его взглядов важно обратиться к работе 1817 г. «Практические начала политической экономии», где обосновывались постепенная отмена крепостного права, установление гражданских свобод, неприкосновенность личности и собственности, повышение производительности труда, необходимость всеобщего просвещения. Многие эти положения позднее вошли в «Русскую правду».

Основные принципы «Русской правды»:

1) цели общества: «Ежели члены не хотят общество уничтожить, то каждый из них должен уступить часть своего мнения» для достижения общего согласия (п. 1);

2) отношения народа и власти: «Правительство есть принадлежность народа и учреждается для его блага, а не народ существует для блага правительства» (п. 8);

3) права и обязанности: «Право без предварительной обязанности есть ничто» (п. 5);

4) структура власти: разделение на верховную власть и государственное правление (п. 8);

5) верховенство закона: государство должно управляться законами, а не «прихотями властителей» (п. 10).

⁴ Восстание декабристов : документы. Т. 7. «Русская правда» П.И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие / под ред. М.В. Нечкиной. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 695 с.

П. Пестель выделял две главные задачи: преобразование государственного порядка и создание нового свода законов (п. 10). Преобразование государственного порядка включало в себя изменение государственного устройства. Предполагалась территориальная целостность: Россия должна быть единым и неделимым государством (унитарная модель). Законодательная система предусматривала единую систему законов для создания эффективного механизма управления. В сфере национальной политики П. Пестель предлагал разделение народов на 10 разрядов с сохранением их особенностей (п. 3), постепенное слияние всех народов в единый русский народ (п. 16), обязательность русского языка на всей территории государства (п. 16).

В качестве социальных преобразований «Русская правда» предусматривала отмену сословий: все граждане равны перед законом; дворянство должно быть упразднено как сословие; дворянским собраниям предлагалось разработать план отмены крепостного права; упразднение купеческого сословия и гильдий; свобода предпринимательства; замена сословий понятием гражданства; прикрепление граждан к волостям (с ограничением свободы передвижения).

В «Русской правде» предусматривалось решение земельного вопроса, вводилось два вида собственности: общественный земельный фонд (частичная конфискация помещичьих земель) и частная собственность («фонд производства изобилия»); земля могла продаваться, покупаться, сдаваться в аренду; главная задача правительства – охрана частной собственности.

Представительная власть вводилась в виде системы народных собраний: земские собрания (выборы в наместные собрания); окружные наместные собрания (назначение представителей в Народное вече). Законодательная власть, согласно «Русской правде», была представлена Народным вечем.

Характерно, что права членов земских собраний ограничивались функцией выборщиков – они могли избирать только наместные собрания, образуя, таким образом, двухзвенную систему формирования высшей законодательной власти.

Декабристы потерпели поражение, и официальной государственной доктриной Рос-

сийской империи стала триада «православие, самодержавие, народность», что обострило дискуссии между славянофилами и западниками о путях развития страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует отметить, что идеи государственного и конституционного развития в Российской империи рассматриваемого периода развивались по двум основным направлениям:

1) правительственное (М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцев), в научной литературе обозначаемое как «государственный конституционализм», «правительственный

конституционализм», «добрая монархическая конституция»;

2) неправительственное (конституционные проекты декабристов Н. Муравьева и П. Пестеля), характеризующееся двумя подходами: конституционная монархия (Н. Муравьев), республика (П. Пестель).

Несмотря на различия в концепциях конституционного устройства, подходах к форме правления, моделях государственного устройства, принципах политического режима, всех авторов конституционных проектов объединяло осознание необходимости решения системного кризиса Российской империи, охватившего политическую, социальную, экономическую сферы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История России с древнейших времен до наших дней : учебник / Н.Л. Клименко, В.Г. Кошкидько, С.В. Пронкин и др. ; под ред. А.В. Сидорова. – Москва : Проспект, 2012. – 464 с.
2. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко. – Москва : Наука, 1989. – 240 с.
3. Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев / Н. Дружинин. – Москва : Изд. Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – 403 с.
4. Тонких В.А. История политической и правовой мысли России : учебное пособие / В.А. Тонких, Ю.Л. Ярецкий ; под ред. В.И. Жукова. – Москва : Владос, 1999. – 380 с.
5. Сперанский М.М. Юридические произведения / М.М. Сперанский ; под ред. В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2008. – 480 с.
6. Вольф С.П. Конституционные проекты декабристов сквозь призму подхода новой культурно-интеллектуальной истории / С.П. Вольф // Исторические, философские, политические, и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11-1 (49). – С. 40–42.
7. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России / П.А. Зайончковский. – Москва : Просвещение, 1968. – 293 с.
8. Филиппова Н.П. Протоколы Негласного комитета как лингвостилистическое явление / Н.П. Филиппова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3-1 (45). – С. 201–204.
9. Сафонов М.М. Протоколы Негласного комитета / М.М. Сафонов // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. – Ленинград : Наука, 1969. – С. 191–209.
10. Пронкин С.В. Правительственный конституционализм в России XVIII – начала XX века в отечественной историографии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / С.В. Пронкин. – Москва, 2012. – 51 с.

REFERENCES

1. Klimenko N.L., Koshkidko V.G., Pronkin S.V. et al.; Sidorov A.V. (ed.). History of Russia from Ancient Times to the Present Day. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 464 p.
2. Mironenko S.V. Autocracy and Reforms. Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century. Moscow, Nauka Publ., 1989. 240 p.
3. Druzhinin N. Decembrist Nikita Muravyov. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'noposelencev Publ, 1933. 403 p.
4. Tonkikh V.A. Yaretsky Yu.L.; Zhukov V.I. (ed.). History of Political and Legal Thought of Russia. Moscow, Vlados Publ., 1999. 380 p.
5. Speransky M.M.; Tomsinov V.A. (ed.). Legal Works. Moscow, Zercalo Publ., 2008. 480 p.
6. Vol'f S.P. Decembrists' Constitutional Projects Through Approach of New Cultural and Intellectual history. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2014, no. 11-1 (49), pp. 40–42. (In Russian).
7. Zayonchkovsky P.A. Abolition of Serfdom in Russia. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 293 p.
8. Filippova N.P. Proceedings of the Private Committee as a Linguo-stylistic Phenomenon. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2015, no. 3-1 (45), pp. 201–204. (In Russian).
9. Safonov M.M. Protocols of the Secret Committee. *Auxiliary Historical Disciplines*. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Vol. VII, pp. 191–209. (In Russian).
10. Pronkin S.V. Governmental Constitutionalism in Russia in the 18th – Early 20th Centuries in Russian Historiography. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2012. 51 p.

11. Казарин В.Н. Государственная деятельность М.М. Сперанского в новейшей российской научной журнальной периодике: взгляды и оценки / В.Н. Казарин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2022. – Т. 40. – С. 69–90.

12. Моцелков Е.Н. Конституционные идеи и проекты декабристов: современное прочтение / Е.Н. Моцелков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 2 (55). – С. 136–144.

13. Павлов В.Л. Философская и правовая ценность Конституции Никиты Муравьева / В.Л. Павлов // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 11. – С. 234–244.

11. Kazarin V.N. The State Activity of M.M. Speransky in the Latest Russian Scientific Journal Periodical Press: Views and Assessments. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2022, vol. 40, pp. 69–90. (In Russian).

12. Moshchelkov E.N. Constitutional Ideas and Projects of the Decembrists: Modern Reading. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2018, no. 2 (55), pp. 136–144. (In Russian).

13. Pavlov V.L. Philosophical and Legal Values of the Constitution of Nikita Murav'ev. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World*, 2017, no. 11, pp. 234–244. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrov Alexander Vasilievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure Law.

Статья поступила в редакцию 01.03.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025. The article was submitted 01.03.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 12.03.2025.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 347.12
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.3

Original article

АРХИЕРЕЕВ Николай Викторович
Арбитражный суд Республики Башкортостан;
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: nick.mr@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5471-8195>

ARKHIREEV Nikolay Viktorovich
Arbitration Court of the Republic of
Bashkortostan; Ufa University
of Science and Technology,
Ufa, Russia.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИПФЕЙКОВ**

LEGAL REGULATION OF CREATING AND USING DEEPPAKES

Аннотация. С развитием искусственного интеллекта появляются все больше технологий, разработанных на его основе, к числу которых относится технология дипфейка, позволяющая создавать и изменять аудиовизуальный цифровой контент с целью создания максимально реалистичных и правдоподобных изображений, которые не существуют в реальности. При этом цель, ради которой создается дипфейк, может быть законной или незаконной. Однако в любом случае дипфейки подрывают доверие к информации, поскольку вероятность того, что изображение, которое человек видит на экране устройства, существует лишь в электронном мире, возрастает в геометрической прогрессии. Цель: анализ правового регулирования создания и использования дипфейков, выявление пробелов и поиск способов сделать их безопасными. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: сформулированы предложения, реализация которых позволит исключить нарушения прав и законных интересов граждан при использовании дипфейков.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дипфейк, сеть Интернет, право, правовое регулирование, права и законные интересы граждан

Для цитирования: Архиреев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков / Н.В. Архиреев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 22–30.

Abstract. With the development of artificial intelligence, there are more and more technologies developed on its basis, including deepfake technology, which allows to create and modify audiovisual digital content in order to create the most realistic and believable images that are not true and do not exist in reality. Meanwhile, the purpose for which a deepfake is created may be legitimate or illegitimate. In any case, however, deepfakes undermine trust in information, since the likelihood that the image one sees on a device screen exists only in the electronic world increases exponentially. Purpose: to analyze the legal regulation of creating and using deepfakes, identify gaps, and find ways to make deepfakes safe. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the article formulates proposals, the implementation of which will make it possible to exclude violations of the rights and legitimate interests of citizens when using deepfakes.

Keywords: artificial intelligence, deepfake, Internet, law, legal regulation, rights and legitimate interests of citizens

For citation: Arkhиреев N.V. Legal Regulation of Creating and Using Deepfakes. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 22–30. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.3.

ВВЕДЕНИЕ

Технологии искусственного интеллекта стремительно развиваются, в частности расширяется применение генеративного искусственного интеллекта [1, с. 33], с использованием которого создаются дипфейки (англ. deepfake) – изображение, видео- или аудио-запись кого-то или чего-то, не существующего в реальном мире, либо отражающие несуществующие ситуации. Дипфейк изображения создается в результате работы генеративно-сопоставительной нейросети (Generative Adversarial Network) следующим образом: одна часть этой сети (генератор) пытается создать реалистичное изображение, а вторая (дискриминатор) пытается определить, подлинное оно или фальшивое. В результате такого «соревнования» появляется реалистичное изображение. Чем больше вычислительных мощностей, тем реалистичнее изображение и тем сложнее человеку или программам-детекторам определить его подлинность. Причем дипфейк – это не обязательно имитация реального субъекта или объекта, это может быть создание кого-то или чего-то реалистично выглядящего, но никогда не существовавшего.

Для создания дипфейков используют следующие методы:

- EBDР (Employment Based Digital Replicas, цифровые копии на основе занятости) – дипфейк создается непосредственно с участием человека;

- ICDR (Independently Created Digital Replicas, независимо созданные цифровые копии) – в этом случае оцифровывают фото или видеоматериалы.

Следует отметить, что, хотя отечественное законодательство не содержит определения слова «дипфейк», оно используется в различных актах. Так, в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313, указано, что интенсивное развитие перспективных технологий, в том числе генеративного искусственного интеллекта и больших языковых моделей, является не только революционным прорывом для повышения эффективности деятельности организаций, улучшения качества жизни граждан,

но и несет различные скрытые угрозы и риски, в частности позволяет быстро и практически бесплатно создавать дипфейки¹.

Банк России, анализируя основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг., отмечает, что динамичное развитие технологий искусственного интеллекта сопряжено с рядом технологических, экономических и этических рисков. Помимо традиционных для технологий рисков в области данных и информационной безопасности, для искусственного интеллекта характерны и новые риски, связанные с галлюцинированием моделей (выдачей ими ложных результатов), распространением дипфейков, а также риски ухудшения функциональных характеристик моделей. Отдельно в фокусе внимания регуляторов находятся вопросы этики и защиты прав потребителей, а также риски ограничения конкуренции и монополизации рынка².

СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИПФЕЙКОВ

Изначально дипфейки были созданы и использовались в незаконных целях (порнография, политический шантаж, мошенничество, фальсификация доказательств и др.), и до сих пор они являются одной из самых опасных угроз кибербезопасности. Следует отметить, что некачественные дипфейки легко определяются человеком и соответствующими программами и не представляют серьезной угрозы для общества. В пояснительной записке к законопроекту № 718538-8 о внесении изменений в УК РФ в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности авторы указывают, что «развитие компьютерных технологий привело к расширению возможностей по созданию видео- и аудиоматериалов на основе образцов изображений и голоса гражданина, искусственно воссоздающих несуществующие события. Ранее злоумышленники также

1 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (с изм. и доп. от 05.01.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг. (одобр. Советом директоров Банка России) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осуществляли, например, в целях клеветы, такие действия, как подделка фотографий, однако современные программно-аппаратные комплексы, а также использование нейросетей и искусственного интеллекта (технологии "дипфейк", "цифровые маски" и т. д.) позволяют создавать подделки, отличить которые от реальности неспециалисту практически невозможно»³.

Как справедливо указывает М.Б. Добробаба, сам по себе синтез изображений, видео или аудио при применении дипфейк-технологий может не иметь социально опасных целей и не затрагивать права других граждан [2, с. 114]. Поэтому эта технология нашла применение и в легальной сфере:

- развлечения (люди загружают в программу свои фото и получают различные изображения и видеоролики);
- кино (создание актеров, замена каскадеров, изменение их лиц, изменение лиц дублеров, воссоздание образов из прошлого, в частности умерших актеров, и т. д.);
- живопись;
- реклама и маркетинг (вымышленные персонажи, имитирование голосов знаменитостей);
- компьютерные игры (создание героев, в том числе на основе образа реального игрока);
- фэшн-индустрия (создание виртуальных моделей);
- дизайн;
- создание виртуальных консультантов (следующая ступень голосовых помощников) и многое другое.

Дипфейки могут и будут использоваться как аудиовизуальная часть цифрового двойника человека [3, с. 103].

На данный момент создание качественных и максимально реалистичных дипфейков достаточно дорого из-за несовершенства алгоритмов и их ограниченного распространения. Стоимость создания дипфейка зависит от ряда факторов:

- 1) статичное изображение или видеоролик;
- 2) создание вымышленного объекта или копии кого-либо или чего-либо реально существующего;
- 3) требования к качеству ожидаемого результата;

³ Пояснительная записка к законопроекту № 718538-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/757423-7> (дата обращения: 28.01.2025).

4) размер используемой вычислительной мощности.

И как это происходит со всеми новыми технологиями, очень быстро стоимость создания дипфейков снизится, а благодаря массовому распространению правовые вопросы их создания и использования станут более разнообразными.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИПФЕЙКОВ

Плюсы от использования дипфейков очевидны, и все они связаны в первую очередь с заменой людей на программный код. Это приводит к экономии бюджета – не нужно платить гонорары актерам и каскадерам, оплачивать оборудование для съемок, шить костюмы, создавать декорации и т. д. Не нужны консультанты – их заменят экраны или голограммы. Созданные образы и голоса можно использовать многократно. Известным личностям не нужно тратить время на съемки в кино или рекламе, достаточно дать согласие на создание своего дипфейка. И это будет выгодно как знаменитым актерам, так и заказчикам. В качестве примера можно привести использование образа Брюса Уиллиса, воссозданного по технологии дипфейка в рекламе отечественного оператора связи⁴.

Но для обычных людей, которых заменит искусственный интеллект, это только минусы: потеря работы или снижение заработка, увеличение конкуренции, отсутствие необходимости обучаться профессиям, связанным со съемкой (актеры, каскадеры, осветители и др.), что негативно повлияет на целые направления обучения. Это глобальная проблема, возникшая в связи с широким распространением искусственного интеллекта. Например, в 2023 г. в США прошла массовая забастовка актеров, в том числе из-за использования дипфейков при производстве кино⁵. Надо сказать, что в результате забастовки стороны смогли договориться.

⁴ Брюс Уиллис стал лицом «Мегафона» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/08/16/882179-bryus-uilliss-stal-litsom-megafona> (дата обращения: 16.01.2025).

⁵ Ясинский В. «Нам не оставили альтернативы»: американские актеры начали забастовку [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/nopolitics/article/1174055-aktery-gollivud-profsoyuz-zabastovka> (дата обращения: 16.01.2025).

Очевидно, что злонамеренное использование дипфейков незаконно и должно рассматриваться, прежде всего, в рамках уголовного права. В качестве примера подобного правового регулирования следует привести ст. 272.1 УК РФ, предусматривающую ответственность за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения. В настоящее время прорабатывается вопрос о признанииотягчающим обстоятельством использование дипфейков при совершении мошенничества⁶.

Вместе с тем справедливо мнение К.В. Шубенковой, что борьба законодателя с дипфейками не должна быть связана с прямым запретом на их применение. Ограничения призваны лишь защитить общество от последствий неправомерного использования этой технологии и обеспечить точность и правдивость публикуемой информации [4, с. 229].

Это мнение поддерживает и В.О. Калятин. Он считает, что потенциальная опасность технологии не должна приводить к запрету на ее использование, однако законодатель не должен игнорировать возникающие проблемы. По его мнению, действующее законодательство позволяет разрешать возникающие споры, однако во многих аспектах оно становится все менее эффективным [5, с. 103].

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДИПФЕЙКОВ

Использование дипфейков, не нарушающее уголовный закон, тоже нуждается в правовом регулировании, прежде всего в рамках гражданского права.

При создании и использовании легального контента могут быть допущены различные нарушения. Необходимо рассмотреть правовые механизмы их недопущения и устранения.

Следует согласиться с Е.А. Свиридовой, что в настоящее время отсутствие правового регулирования использования технологии дипфейка создает риск нарушения прав граждан на

изображение и может нанести ущерб личной и профессиональной репутации [6, с. 120].

Цели правовой регламентации дипфейков:

- защита прав граждан, изображения которых используются;
- защита прав потребителей измененного контента;
- защита прав правообладателей первоисточников дипфейков;
- защита прав правообладателей дипфейков.

Защита прав граждан, изображения которых используются. Говоря о защите прав граждан, изображения которых были использованы при создании дипфейка, следует упомянуть ст. 151.1 («Охрана изображения гражданина») и 152.2 («Охрана частной жизни гражданина») ГК РФ. Согласно ст. 152.1 ГК РФ обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. Такое согласие не требуется, если изображение гражданина получено при съемке, которая проводилась в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования либо когда гражданин позировал за плату.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» даны разъяснения, которые, как представляется, заполняют пробелы правового регулирования использования дипфейков⁷. Так, за исключением случаев, предусмотренных подп. 1–3 п. 1 ст. 152.1 ГК РФ, обнародование изображения гражданина, в том числе размещение его самим гражданином в сети Интернет, и общедоступность такого изображения сами по себе не дают иным лицам права

⁶ Гонка голосовых вооружений. В Минцифры планируют жестче наказывать кибермошенников за дипфейки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7516456> (дата обращения: 20.02.2025).

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на свободное использование изображения без согласия изображенного лица.

Согласие публичного лица необходимо, если единственной целью обнародования и использования его изображения является удовлетворение обывательского интереса к частной жизни этого лица либо извлечение прибыли.

Факт обнародования и использования изображения лица подлежит доказыванию тем, кто запечатлен на таком изображении. При этом обязанность доказывания правомерности обнародования и использования изображения гражданина возлагается на лицо, его осуществившее.

В силу положений ст. 152.2. ГК РФ не являются нарушением сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

Таким образом, можно констатировать, что в России существует достаточная нормативная база, применимая к созданию и использованию дипфейков изображений.

Отдельно следует рассмотреть дипфейк голоса. Исторически сложилось, что отношение к голосу иное, чем к изображению. Голос легко изменить или спародировать, у многих людей похожие голоса, чем часто пользуются производители рекламы. Существует большое количество артистов, чья творческая работа – говорить голосами знаменитостей. В фильмах актеры часто говорят не своим голосом, а кинофильмы, мультфильмы, рекламу в каждой стране озвучивают разные люди на своем языке (актеры озвучивания, актеры дубляжа).

В российском праве отсутствуют специальные нормы, защищающие голоса людей. Представляется, что общество и законодатель не видят особой проблемы в копировании голосов. На наш взгляд, с правовой точки зрения имитирование (копирование) голоса человека мало отличается от имитации голоса искусственным интеллектом. Поэтому какая-либо целесообразность в правовой регламентации дипфейков голосов в настоящее время отсутствует. В то же время незаконное одновременное использование голоса и изображения

должно учитываться уполномоченными органами и судами при разрешении конфликтных ситуаций, поскольку эффект заблуждения от такого дипфейка гораздо больше, чем от голоса и изображения по отдельности. Как пишет М.Б. Добробаба, поскольку российское законодательство об авторском праве не охраняет голос, перед законодателем также встают вопросы: относится ли голос человека к персональным данным? кто обладает правом на синтезированный голос – владелец оригинала или тот, кто воссоздал этот голос? [2, с. 115]. Также следует согласиться с Н.Ф. Бодровым и А.К. Лебедевой, что с правовой точки зрения технология генерации речи находится на стыке с биометрической идентификацией по голосу [7, с. 31]. Этот факт должен быть учтен при разработке правового регулирования создания и использования дипфейков голосов.

В России предпринимаются попытки защитить голоса людей. Так, в сентябре 2024 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 718834-8, предлагающий дополнить ч. 1 ГК РФ статьей 152.3, устанавливающей охрану голоса как объекта личных неимущественных прав гражданина по аналогии с изображением гражданина, в том числе в случаях имитации голоса или путем синтеза речи в режиме реального времени. В пояснительной записке авторы указывают, что «в результате активного развития технологий синтеза речи и их массового использования во всех сферах экономики и общественной жизни, в том числе при озвучивании контента (аудиовизуальные произведения, лекции, аудиокниги, подкасты, клипы, музыкальные произведения), автоматизации работы операторов колл-центров, голосовых систем навигации и голосовых помощников, возникают правовые вопросы, требующие законодательного решения.

При недобросовестном использовании технологий синтеза речи возникают неблагоприятные правовые последствия для граждан. В частности, искусственный интеллект, обучившись на аудиозаписях реального голоса, может в дальнейшем его имитировать, и "производные" записи могут быть использованы способом, неприемлемым для человека – обладателя голоса, поскольку получение его согласия прямо не предусмотрено законодательством. Таким образом, нарушается право гражданина самостоятельно решать, как рас-

поряжаться записями собственного голоса, в том числе с целью их использования для создания продуктов на основе технологий синтеза речи. Голос за счет высоты, диапазона, силы, тембра и других особенностей является уникальной характеристикой человека, позволяющей идентифицировать его личность»⁸.

Заслуживает внимания отзыв Правительства России, согласно которому вопросы, затрагиваемые законопроектом, уже урегулированы законодательством Российской Федерации, поскольку:

- голос относится к нематериальным благам, принадлежащим гражданину от рождения;
- изъятие из оборота и уничтожение материальных носителей, содержащих голос гражданина, удаление записи голоса гражданина из сети Интернет, а также пресечение или запрещение ее дальнейшего использования и распространения охватываются такими способами защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение или запрещение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (абз. 3 ст. 12 и п. 2 ст. 150 ГК РФ);

- в соответствии со ст. 3 и 11 Федерального закона «О персональных данных» запись голоса гражданина является обработкой его биометрических персональных данных, которая, по общему правилу, может осуществляться только с его согласия. В случае осуществления такой записи с нарушением установленных правил обработки персональных данных граждан в соответствии со ст. 24 указанного федерального закона вправе требовать компенсации причиненного морального вреда независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных убытков, а также привлечения нарушителя к административной ответственности;

- в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 1304 ГК РФ запись голоса гражданина представляет собой фонограмму, то есть любую исключительно звуковую запись исполнений или иных звуков либо их отображений, в связи с чем права гражданина в отношении такой записи как

⁸ Пояснительная записка к законопроекту № 718834-8 [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8#bh_histras (дата обращения: 09.02.2025).

объекта прав, смежных с авторскими, могут быть защищены по правилам ч. 4 ГК РФ⁹.

С такой позицией Правительства России можно было бы согласиться, однако она не учитывает особенность дипфейка голоса. При его создании за основу берется живой голос человека, однако он используется не для обработки и изменения, а как эталон, с которым сравнивается искусственно синтезированная звуковая дорожка, несущая заложенное автором дипфейка содержание. При обработке живого голоса объектом изменения остается этот самый голос без изменения содержания текста (в данном случае речь не идет о монтаже аудиозаписи, когда происходит склейка отдельных фрагментов и в результате появляется аудиозапись с иным смысловым содержанием).

Если права гражданина все же были нарушены, он имеет право:

- потребовать от нарушителя удалить дипфейк добровольно, в том числе путем изъятия материальных носителей, содержащих дипфейк, из оборота;
- потребовать возмещения убытков и компенсации морального вреда;
- обратиться в суд с аналогичными требованиями;
- обратиться в суд с диффамационным иском.

Представляется, что говорить о нарушении прав человека дипфейком возможно только в том случае, когда человека можно идентифицировать на этом измененном или созданном изображении. В дальнейшем создатель дипфейка должен доказать, что он правомерно использовал изображение человека либо использовал изображение иного лица. Следует отметить, что использование двойников знаменитостей – частый прием, когда двойники монетизируют свою схожесть с публичными фигурами¹⁰. Да и в целом можно

⁹ Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой, Р.В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д.В. Бессарабовым [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8#bh_histras (дата обращения: 09.02.2025).

¹⁰ Балыкина Т. «Надоело смотреть»: директор раскрыл причины суда Жукова с двойником [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/longread/1262603-nadoelo-smotret-direktor-raskryl-prichiny-suda-zhukova-s-dvoynikom> (дата обращения: 02.02.2025).

сказать, что дипфейки – это проблема знаменитостей, поскольку на использовании их изображений и голосов в гражданском обороте можно заработать или, точнее, сэкономить.

Защита прав потребителей измененного контента. Защита потребителей измененного контента – довольно непростой вопрос с учетом того, что именно их дипфейки пытаются ввести в заблуждение. Представляется, что легализация дипфейков, создание понятных правил их использования сделают дипфейки безопасными. Речь идет о создании единой системы, которая не позволит манипулировать людьми, о том, чтобы потребитель знал, что он видит или слышит дипфейк. Этот вопрос решается в комплексе следующим образом.

1. Путем нанесения метки (водяного знака) создателем дипфейка.

2. Путем верификации (подтверждения подлинности) контента, по результатам которой контенту может присваиваться специальная метка, что, конечно, не может означать соответствие изображения действительности, поскольку существуют иные способы изменения изображений, без использования искусственного интеллекта (постановочное фото или видео, фотомонтаж и др.).

3. Путем обнаружения дипфейков программами-детекторами либо запрета размещения на онлайн-платформах и рассылки в социальных сетях (удаление), либо предупреждения пользователя. Например, видеохостинг YouTube реализовал собственные правила в отношении дипфейков¹¹:

– информирование зрителей о том, что контент является измененным, путем нанесения на контент или видеоплеер особой метки;

– от создателей требуется раскрывать, когда они создали измененный или синтетический контент. За нарушение этого правила создатели могут быть подвергнуты удалению контента, отстранению от партнерской программы или другим санкциям;

– синтетически созданное видео, демонстрирующее реалистичное насилие, подлежит удалению независимо от наличия маркировки;

– сгенерированный искусственным интеллектом или другой синтетический или изме-

ненный контент, который имитирует идентифицируемую личность, включая ее лицо или голос, может быть удален на основе запроса на конфиденциальность. Рассматривая запрос на удаление контента, платформа проверяет, является ли контент пародией или сатирой, можно ли однозначно идентифицировать человека, сделавшего запрос, а если в нем присутствует государственное должностное лицо или известная личность, то к подобным запросам устанавливаются повышенные требования;

– музыкальный контент, созданный с помощью искусственного интеллекта, который имитирует уникальный голос артиста, может быть удален. При рассмотрении подобных запросов подлежит учету, является ли контент предметом новостного репортажа, анализа или критики синтетического вокала.

Платформа TikTok ранее запрещала контент, который может ввести пользователей в заблуждение, искажая правду о событиях, или нанести значительный вред объекту видео. В 2023 г. компания изменила правила, определив, что весь реалистичный контент, сгенерированный и отредактированный с помощью искусственного интеллекта, должен быть четко обозначен как таковой либо в подписи к видео, либо в виде наложенной наклейки¹².

4. Путем возложения на операторов онлайн-платформ и владельцев социальных сетей обязанности использовать программы-детекторы.

Защита прав правообладателей первоисточников и дипфейков. Вопрос защиты прав и законных интересов правообладателей дипфейков представляется актуальным, поскольку несет в себе серьезную коммерческую составляющую. Гораздо проще взять за основу реальное изображение и создать нечто новое, чем самостоятельно отыскивать привлекательный образ. Однако следует отметить, что алгоритмы создания дипфейка изображения различные:

1) программа генеративного искусственного интеллекта обучена на значительном количестве изображений (фотографии, картины и т. д.) и в зависимости от запроса поль-

11 Наш подход к ответственным инновациям в области ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.youtube/inside-youtube/our-approach-to-responsible-ai-innovation/> (дата обращения 09.02.2025).

12 TikTok bans deepfakes of nonpublic figures and fake endorsements in rule refresh [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/2023/3/21/23648099/tiktok-content-moderation-rules-deepfakes-ai> (дата обращения: 09.02.2025).

зователя осуществляет компиляцию изображений, в результате чего появляется новое изображение. Причем на одинаковый запрос пользователя программа, как правило, генерирует разные изображения. По сути, пользователь в итоге лишь выбирает понравившееся. Представляется, что определить и, главное, доказать факт использования охраняемого изображения будет практически невозможно, если программа по какой-либо причине не изменит первоисточник либо изменения будут минимальными;

2) в программу загружается конкретное изображение, которое подвергается обработке, в результате чего появляется новое изображение.

В обоих случаях появляются иные объекты авторских прав – производные или составные произведения.

С этим выводом не согласен А.М. Постарнак. Он утверждает, что согласно положениям ч. 4 ГК РФ дипфейк нельзя признать отдельным объектом авторского права как производное произведение, поскольку действующее законодательство относит к субъектам творчества исключительно людей, соответственно, продукт, созданный искусственным интеллектом, не имеет защиты, так как не является результатом авторского (человеческого) труда [8, с. 270].

Мы не разделяем это мнение в силу причин, изложенных далее.

Говорить о нарушении прав правообладателей первоисточников можно в случае, когда дипфейк не отличается от оригинала, то есть, по большому счету, изображение дипфейком не стало. В этом случае подлежат применению существующие правовые механизмы охраны результатов интеллектуальной деятельности и защиты авторских и смежных прав.

Следует отметить, что в самом словосочетании «правообладатель дипфейка» заложено определенное противоречие. Является ли дипфейк и иной контент, созданный искусственным интеллектом, объектом гражданских прав? В науке эти споры до сих пор не утихают. Представляется, что главное – это степень участия человека в создании дипфейка, объеме его творческого вклада. Скорее всего, в каждом конкретном случае суду придется выяснять, как создавался дипфейк.

Аналогичной позиции придерживается и А.Н. Артемова. По ее мнению, ключевым при определении охраноспособности такого произведения является наличие минимального творческого вклада человека, который будет признаваться автором данного произведения [9, с. 49].

В России уже есть прецеденты, когда дипфейк признали объектом авторского права¹³. Как указал Девятый арбитражный апелляционный суд, оставляя в силе решение суда первой инстанции, любой профессиональный участник рынка программного обеспечения имеет базовое представление о принципах работы технологии дипфейка. Такое преобразование не исключает тот факт, что исходный видеоряд создан творческим трудом авторов. При этом суд отклонил доводы ответчика, согласно которым созданный видеоролик не является объектом авторского права по причине использования технологии дипфейка, отметив, что это дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способ их создания.

Отдельного обсуждения требует вопрос о том, кто является правообладателем дипфейка – собственник (разработчик) программы или пользователь, который составил описание изображения, максимально точно указав, каким он хочет его видеть. В законодательстве этот вопрос не урегулирован. Видимо, единственным выходом из ситуации до появления правовых норм будут пользовательские соглашения между разработчиком и пользователями специализированных программ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующее в России правовое регулирование вполне применимо к созданию и использованию дипфейков. В то же время целесообразно обязать их создателей и распространителей, в том числе владельцев развлекательных и торговых площадок, информировать потребителей об использовании дипфейков, что позволит потребителям принимать осознанные решения и исключить случаи введения их в заблуждение.

¹³ Решение Арбитражного суда города Москвы от 17.11.2023 по делу № А40-200471/23-27-1448 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb> (дата обращения: 09.02.2025).

При рассмотрении споров о правах на дипфейки в число обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, будут входить способ создания дипфейка, что являлось первоосновой дипфейка, объем творческого

вклада разработчика. В зависимости от этого дипфейк может быть признан объектом авторского права, а его создатель получит защиту государства в случае нарушения прав и законных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архиев Н.В. Тенденции правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта в Российской Федерации / Н.В. Архиев // Российская юстиция. – 2025. – № 1. – С. 32–40.
2. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека / М.Б. Добробаба // Lex Russica. – 2022. – № 11 (192). – С. 112–119.
3. Архиев Н.В. Проблемы правового статуса цифрового двойника (суррогата) физического лица / Н.В. Архиев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 166, № 6. – С. 97–108.
4. Шубенкова К.В. Правовые проблемы охраны цифрового образа личности в РФ / К.В. Шубенкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 226–230.
5. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? / В.О. Калятин // Закон. – 2022. – № 7. – С. 87–103.
6. Свиридова Е.А. Правила использования технологичный дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования / Е.А. Свиридова // Современное право. – 2024. – № 3. – С. 119–123.
7. Бодров Н.Ф. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования / Н.Ф. Бодров, А.К. Лебедева // Юридические исследования. – 2023. – № 11. – С. 26–41.
8. Постарнак А.М. Анализ зарубежного правового регулирования дипфейков: проблема защиты интеллектуальной собственности / А.М. Постарнак // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6 (182). – С. 269–273.
9. Артемова А.Н. Авторское право в эпоху нейросетей / А.Н. Артемова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 3. – С. 47–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архиев Николай Викторович – председатель Арбитражного суда Республики Башкортостан; кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkhiereev Nikolay Viktorovich – Chairman of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan; Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 09.04.2025. The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 09.04.2025.

REFERENCES

1. Archiereev N.V. Trends in the Legal Regulation of the Creation and Application of Artificial Intelligence in the Russian Federation. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2025, no. 1, pp. 32–40. (In Russian).
2. Dobrobaba M.B. Deepfakes as a Threat to Human Rights. *Lex Russica*, 2022, no. 11 (192), pp. 112–119. (In Russian).
3. Arkhiereev N.V. Defining the Legal Status of an Individual's Digital Twin (Surrogate). *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2024, vol. 166, no. 6, pp. 97–108. (In Russian).
4. Shubenkova K.V. Legal Issues of Protection of the Digital Image of the Person in the Russian Federation. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2022, no. 10, pp. 226–230. (In Russian).
5. Kalyatin V.O. Deepfake as a Legal Problem: New Threats or New Opportunities? *Zakon = Statute*, 2022, no. 7, pp. 87–103. (In Russian).
6. Sviridova E.A. Rules for the Use of Deepfake Technologies in the Law of the USA and the People's Republic of China: Adaptation of Foreign Experience in Legal Regulation. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2024, no. 3, pp. 119–123. (In Russian).
7. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The Concept of Deepfake in Russian Law, Classification of Deepfakes and Issues of Their Legal Regulation. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*, 2023, no. 11, pp. 26–41. (In Russian).
8. Postarnak A.M. Foreign Legal Regulation Analysis of Deepfakes: Intellectual Property Protection Issue. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2023, no. 6 (182), pp. 269–273. (In Russian).
9. Artemova A.N. Copyright in the Era of Neural Networks. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2024, no. 3, pp. 47–53. (In Russian).

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.4

Original article

СТЕПАНОВ Михаил Михайлович
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: stepanovtao@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5203-1867>

STEPANOV Mikhail Mikhailovich
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia.

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING STATE SECURITY IN
RUSSIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Аннотация. В современных условиях обеспечение государственной безопасности Российской Федерации приобрело особую актуальность. Важной предпосылкой повышения ее уровня является надлежащее правовое регулирование отношений в данной сфере. Совершенствование законодательства в области обеспечения безопасности государства возможно в том числе и на основе использования уже имеющегося отечественного опыта. Цель: провести анализ развития и современного состояния правовой основы обеспечения государственной безопасности России, сформулировать выводы и предложения, которые могут быть использованы для ее совершенствования. Методы: историко- и сравнительно-правовой, формально-юридический. Результаты: установлено, что термин «государственная безопасность» начал использоваться еще в дореволюционном законодательстве. В советский период он получил широкое распространение. Правовому регулированию отношений в сфере безопасности государства в СССР уделялось большое внимание, этому был посвящен ряд нормативных документов, изданных различными органами власти. Действующее законодательство Российской Федерации в области обеспечения государственной безопасности содержит ряд положений, схожих с теми, что были закреплены в актах СССР. Одной из основных проблем в регулировании указанных отношений в настоящее время является отсутствие легального определения термина «государственная безопасность». Его нормативное закрепление позволит разграничить понятия «государственная безопасность» и «национальная безопасность», будет способствовать повышению уровня обеспечения безопасности государства.

Abstract. In modern conditions, ensuring state security of the Russian Federation has become particularly relevant. An important prerequisite for raising its level is proper legal regulation of relations in this area. The improvement of legislation in the field of state security is possible, including through the use of existing national experience. Purpose: to analyze the development and current state of the legal framework for ensuring state security in Russia, to formulate conclusions and proposals that can be used to improve it. Methods: historical and comparative-legal, formal-legal. Results: the study establishes that the term “state security” dates back to pre-revolutionary legislation. During the Soviet period, it became widespread. Much attention was paid to the legal regulation of relations in the area of state security in the USSR, and a number of regulatory documents issued by various authorities were devoted to this. The current legislation of the Russian Federation in the area of state security contains a number of provisions similar to those that were enshrined in the acts of the USSR. One of the main problems in regulating these relations at the present time is the lack of a legal definition of the term “state security”. Its normative consolidation will make it possible to distinguish between the concepts “state security” and “national security”, will contribute to improving the level of state security.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, обеспечение государственной безопасности, правовое регулирование, правовая основа, Российская империя, СССР

Для цитирования: Степанов М.М. Развитие правовой основы обеспечения государственной безопасности России: ретроспективный анализ / М.М. Степанов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 31–38.

Keywords: security, national security, state security, ensuring state security, legal regulation, legal framework, Russian Empire, USSR

For citation: Stepanov M.M. The Development of the Legal Framework for Ensuring State Security in Russia: A Retrospective Analysis. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 31–38. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.4.

ВВЕДЕНИЕ

Безопасность – сложное и многоаспектное явление, имеющее исключительную важность для социума, поскольку является неотъемлемым условием его бытия. Только в состоянии, когда отсутствует (не угрожает) опасность или от нее есть защита, общество в целом, а также его отдельные институты могут существовать и стабильно и полноценно развиваться. В этом контексте безопасность представляет собой значительную социальную ценность, требующую охраны, в том числе с помощью правовых средств. Главным из них является нормативное регулирование соответствующих отношений, которое позволяет институтам публичной власти осуществлять деятельность по обеспечению безопасности.

В настоящее время суверенитет Российской Федерации, ее возможность проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику во многом обуславливаются существующим уровнем охраны государственной безопасности. Он напрямую зависит от качества правовой основы ее обеспечения. В связи с этим научное освоение данной категории приобретает особую актуальность. Для этого могут быть использованы различные методы исследования, в том числе историко-правовой.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В отечественном правовом поле термин «безопасность» получил широкое распространение. При этом в настоящее время отсутствует легальное определение данного понятия. Оно содержалось только в ранее

действовавшем и уже утратившем силу законодательстве. Так, Закон «О безопасности» 1992 г. понимал под безопасностью состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз¹.

Сейчас в законодательстве России термины «безопасность» и «национальная безопасность» используются как синонимы². И если понятие «безопасность» не получило нормативного закрепления, то определение национальной безопасности содержится в Стратегии национальной безопасности РФ³, где под ней понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны (п. 5). Под национальными интересами Российской Федерации понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

Федеральный закон «О безопасности» (далее – Закон о безопасности) закрепляет следующие виды безопасности: безопасность государства, общественная безопасность, эко-

1 О безопасности : Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

логическая безопасность, безопасность личности, а также иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации (ст. 1). К ним относятся, например, ядерная и радиационная безопасность⁴, химическая и биологическая безопасность⁵. В последнее время особую актуальность приобрела информационная (информационно-психологическая) безопасность⁶ [1]. Перспективным представляется обособление финансовой безопасности в качестве отдельного вида национальной безопасности [2; 3; 4; 5]. Не утрачивает своего значения и экономическая безопасность, особенно в ее соотношении с экологической безопасностью [6; 7].

Безопасность как явление имеет сложный, комплексный характер и включает в себя множество аспектов. Среди них особенно важны национальные интересы Российской Федерации, состояние защищенности которых и составляет основное содержание национальной безопасности.

Важно отметить, что в Стратегии национальной безопасности РФ перечислены интересы России только на современном этапе. Это означает, что национальная безопасность не является статичным явлением, постоянно

развивается. В результате ее эволюции некоторые аспекты безопасности могут устаревать и утрачивать свое значение, а некоторые, наоборот, становятся более актуальными, приобретают особую значимость. В то же время возникают новые, ранее неизвестные угрозы, необходимость защиты от которых приводит к появлению новых граней в обеспечении безопасности.

Важнейшим видом национальной безопасности является безопасность государства. Поскольку в действующем законодательстве термины «безопасность государства» и «государственная безопасность» являются синонимами, в настоящей работе они будут использоваться таким же образом. При этом следует заметить, что в правовой доктрине существует и точка зрения о содержательном различии этих понятий [8, с. 38].

Ключевой предпосылкой обеспечения государственной безопасности является надлежащее правовое регулирование связанных с ней отношений. При этом следует учитывать, что в отечественном законодательстве получила закрепление только правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В соответствии со ст. 5 Закона о безопасности ее составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Закон о безопасности и другие федеральные законы, а также иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности. Указанные нормативные акты образуют систему правового регулирования отношений в сфере национальной безопасности.

Необходимо отметить крайне неоднородный по форме и содержанию характер элементов национальной безопасности, что обусловлено сложностью и многоуровневостью предмета правовой регламентации. Их рассмотрение применительно к вопросам обеспечения безопасности государства следует начать с актов, содержащих нормы международного права.

⁴ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ, ст. 369 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об организации федерального государственного надзора в области ядерной и радиационной безопасности ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения и в области физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов на ядерных объектах: Указ Президента РФ от 13.02.2014 № 79 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента РФ от 13.10.2018 № 585 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

⁵ Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О Правительственной комиссии по вопросам биологической и химической безопасности Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 09.02.2005 № 64 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

⁶ О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 22.05.2015 № 260 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» и др.

Действующие международно-правовые акты в основном регулируют отношения, связанные с обеспечением национальной безопасности. При этом некоторые из них имеют отношение и к государственной безопасности. Например, Европейская конвенция о пресечении терроризма⁷, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁸, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма⁹.

В Российской Федерации правовое регулирование отношений в сфере безопасности государства осуществляется только на федеральном уровне. Так, ряд положений, связанных с обеспечением государственной безопасности, содержится в Основном законе¹⁰.

Достаточно фрагментарно вопросы безопасности государства рассматриваются в федеральных конституционных законах. Например, о ней несколько раз упоминается в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации»¹¹. Один раз понятие «безопасность государства» использовано в Федеральном конституционном законе «О военном положении» (п. 4 ст. 1)¹².

Основную роль в формировании правовой основы обеспечения государственной безопасности России играют федеральные законы. Такими законодательными актами являются Закон о безопасности, а также федеральные законы, регулирующие организацию и деятельность органов, обеспечиваю-

щих безопасность Российской Федерации¹³. Кроме того, необходимо указать УК РФ, КоАП РФ и УПК РФ, в которых содержатся охранительные и процессуальные нормы, регулирующие отношения, связанные с защитой безопасности государства и привлечением совершивших правонарушения в этой сфере лиц к юридической ответственности.

Отдельно следует выделить Стратегию национальной безопасности РФ, которая, хотя и является подзаконным актом, играет важнейшую роль в формировании правовой основы обеспечения государственной безопасности России. Ее значение обуславливается, во-первых, тем, что она утверждена Президентом РФ – высшим должностным лицом, на которое Конституцией возложена обязанность по защите безопасности государства. Во-вторых, именно Стратегия национальной безопасности РФ является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, а также цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности (п. 2 Стратегии национальной безопасности РФ).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДОКТРИНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время в отечественной юридической науке и практике доминирует негативная тенденция к отказу от использования категории «государственная безопасность» и подмене ее категорией «национальная безопасность». Основной причиной этого стала занимавшая до недавнего времени доминирующее положение либеральная модель развития России. Поскольку интересы личности имели приоритетное значение и превалировали над интересами государства и общества, то и в сфере безопасности главным ориентиром являлась безопасность личности, а безопасности государства уделялось необоснован-

7 Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS № 90). Заключена в Страсбурге 27.01.1977 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Заключена в Шанхае 15.06.2001 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196). Заключена в Варшаве 16.05.2005 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10 Например, ч. 5 ст. 13 (запрет на создание общественных объединений, цели или действия которых направлены на подрыв безопасности государства) и ч. 3 ст. 55 (возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности государства).

11 О Правительстве Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12 О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 О внешней разведке : Федеральный закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О государственной охране : Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но мало внимания. Зачастую государственная безопасность не рассматривалась как отдельный и важнейший элемент безопасности, а термин «государственная безопасность» не получил широкого распространения в научных работах и законодательстве Российской Федерации и заменялся термином «национальная безопасность». Иногда эти термины рассматривались как синонимы. В этой связи следует согласиться с точкой зрения, что в настоящее время правовое регулирование и практика обеспечения государственной безопасности значительно опережают юридическую науку [9, с. 220].

Отсутствие единого научного подхода к сущности и содержанию понятия «государственная безопасность», а также его соотношению с другими видами национальной безопасности препятствует закреплению определения этого понятия в действующем законодательстве Российской Федерации. В свою очередь, отсутствие легальной дефиниции и возникающая в связи с этим терминологическая неоднозначность негативно влияют на правовое регулирование отношений, связанных с безопасностью, препятствуют достижению единства правового регулирования в этой сфере. При этом произошедшие за несколько последних лет идеологические, политические, юридические и иные изменения в России привели к тому, что значение безопасности государства существенно выросло, а ее обеспечение стало одним из приоритетов государственной политики.

В соответствии с доминирующей в отечественной юридической науке точкой зрения государственная безопасность представляет собой сложную систему и характеризуется комплексным, многогранным содержанием. Ее элементами являются субъекты, объекты и угрозы государственной безопасности, совокупность сил и средств, необходимых для ее обеспечения [10, с. 16].

С указанной позицией трудно согласиться по следующим причинам. Во-первых, угроза как возможная опасность не может входить в состав государственной безопасности как системы, обеспечивающей от нее защиту. Угрозы находятся за ее контуром, пределами и требуют соответствующего реагирования на них. Во-вторых, субъектами государственной

безопасности являются только федеральные государственные органы, обладающие для этого компетенцией, силами, средствами и др. Поэтому выделения в качестве отдельного элемента сил и средств государственной безопасности, необходимых для ее обеспечения, не требуется. Субъект, не обладающий ими, не сможет обеспечить государственную безопасность. Таким образом, соответствующие силы, средства и др. – неотъемлемые атрибуты субъекта системы государственной безопасности. В-третьих, реагирование на угрозы государственной безопасности подразумевает определенную реакцию на них ее субъектов. Обеспечить государственную безопасность, не реагируя на угрозы ей, невозможно. Поэтому представляется необходимым включить в систему государственной безопасности в качестве одного из основных элементов, наряду с субъектами и объектами, функцию по ее обеспечению. Значение данной функции обуславливается тем, что она охватывает все ключевые сферы деятельности государства: политическую, экономическую, военную, социальную и др. Ее содержанием является совокупность (система) действий субъектов государственной безопасности, направленных на нейтрализацию возникающих опасностей и обеспечение состояния защищенности государства, общества и личности.

Следует отметить, что исключение угроз в качестве отдельного элемента из системы государственной безопасности не означает, что их изучению не должно уделяться внимание. Учитывая, что безопасность государства – важнейший компонент национальной безопасности, угрозы государственной безопасности представляют существенную опасность для всей системы безопасности Российской Федерации, а также для ее отдельных видов. Особенностью рассматриваемых угроз является их значительное количество и разнообразие, в связи с чем достаточно условно их принято подразделять на внешние и внутренние. Также необходимо отметить, что зачастую эти угрозы тесно связаны и находятся в причинно-следственной связи друг с другом, осуществляют синергическое взаимодействие, приводящее к непредсказуемым негативным последствиям для безопасности государства.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Впервые в отечественном законодательстве термин «государственная безопасность» был использован в подписанном Николаем I Манифесте от 13 июля 1826 г. [11, с. 704–706]. В последующем этот термин использовался в Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г.¹⁴ Однако до начала XX в. ни сам термин, ни правовое регулирование отношений в сфере обеспечения безопасности государства не получили широкого распространения. Лишь в период подготовки и в ходе Первой мировой войны были приняты некоторые акты, регулирующие деятельность органов государственной безопасности Российской империи [12; 13].

В конце XIX – начале XX в. в России начинается активное научное освоение проблем безопасности. В то время большой вклад в разработку ее теории внесли известные юристы – В.М. Гессен, С.А. Котляревский и Б.А. Кистяковский. Усилиями отечественных ученых к 1917 г. были окончательно сформированы либеральная и социалистическая теоретические модели безопасности [14, с. 16]. Однако в законодательство Российской империи данные научные разработки внедрены не были.

В Советском государстве вопросам правового регулирования отношений в сфере обеспечения государственной безопасности уделялось значительно больше внимания. Так, уже 7 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял постановление о создании Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем¹⁵, которая вскоре превратилась в главный орган обеспечения государственной безопасности в стране.

В советский период правовую основу обеспечения государственной безопасности составлял ряд нормативных документов, изданных различными органами власти. К ним можно отнести постановления Центрально-

го исполнительного комитета СССР¹⁶, указы Президиума Верховного Совета СССР¹⁷, законы СССР¹⁸, постановления Государственного Совета СССР¹⁹.

В соответствии со ст. 7 Закона СССР «Об органах государственной безопасности в СССР» (далее – Закон о безопасности СССР) правовую основу деятельности органов государственной безопасности составляли Конституция СССР, конституции республик, Закон о безопасности СССР и другие законодательные акты Союза ССР и республик, акты Президента СССР, постановления и распоряжения Кабинета министров СССР и правительств республик, а также издаваемые в соответствии с ними акты Комитета государственной безопасности СССР и органов государственной безопасности республик.

Следует отметить, что в СССР понятие «государственная безопасность» получило конституционное закрепление. Впервые оно было использовано в Конституции СССР 1936 г. Несколько раз государственная безопасность упоминается в тексте Конституции СССР 1977 г.

Основные направления деятельности по обеспечению безопасности государства закреплены в ст. 13 Закона о безопасности СССР: разведывательная и контрразведывательная деятельность, борьба с терроризмом и организованной преступностью, обеспечение сохранности государственных секретов, охрана государственной границы.

Интересно отметить, что действующее законодательство Российской Федерации в сфере безопасности имеет много общего с положениями, которые были закреплены в праве советского периода. Это обусловлено преемственностью между органами государственной безопасности России и СССР, схожим предметом правового регулирования, особенностями реализации функции обеспе-

16 Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ: 1917–1960 : справочник / сост., введ. и примеч. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова ; науч. ред. Р.Г. Пихоя. М. : Изд. МФД, 1997. С. 12.

17 Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.03.1954 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18 Об органах государственной безопасности в СССР : Закон СССР от 16.05.1991 № 2159-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19 О реорганизации органов государственной безопасности : постановление Государственного Совета СССР от 22.10.1991 № ГС-8 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14 Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. СПб., 1885. С. 261–266.

15 О создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем : постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 07.12.1917 // Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 13 дек.

чения безопасности государства. Например, ст. 8 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» называет следующие основные направления деятельности по обеспечению государственной безопасности России: контрразведывательная деятельность, борьба с терроризмом, борьба с преступностью, разведывательная деятельность, пограничная деятельность. Как видим, они практически полностью совпадают с направлениями деятельности по обеспечению государственной безопасности, которые содержались в ст. 13 Закона о безопасности СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим следующее: 1) термин «государственная безопасность» начал

использоваться в законодательстве России еще в первой половине XIX в.; 2) в советский период регулированию отношений в сфере безопасности государства уделялось значительное внимание; 3) законодательство Российской Федерации в сфере обеспечения государственной безопасности содержит ряд положений, схожих с теми, что были закреплены в нормативных актах СССР; 4) в действующем российском законодательстве отсутствует легальное определение термина «государственная безопасность»; 5) нормативное закрепление термина «государственная безопасность» позволит разграничить понятия «государственная безопасность» и «национальная безопасность» и будет способствовать повышению уровня обеспечения безопасности государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А.А. Вопросы правовой институционализации информационно-психологической безопасности / А.А. Смирнов // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65). – С. 170–181.
2. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы финансовой безопасности России / Т.Я. Хабриева // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 10. – С. 48–54.
3. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение / И.И. Кучеров // Журнал российского права. – 2017. – № 6 (246). – С. 69–79.
4. Нудель С.Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности / С.Л. Нудель // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 7. – С. 81–93.
5. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность и ее правовое регулирование: некоторые новые проблемы / Е.Н. Кондрат // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). – С. 170–176.
6. Герасимов А.П. О термине «экономическая безопасность» и его законодательном определении / А.П. Герасимов, Е.В. Пономарева // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 1 (35). – С. 103–111.
7. Жаворонкова Н.Г. Проблемы обеспечения экологической и экономической безопасности при реализации государственной политики / Н.Г. Жаворонкова, Г.В. Выпханова // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 4 (50). – С. 38–43.
8. Ирошников Д.В. Государственная безопасность как правовая категория / Д.В. Ирошников // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 35–42.
9. Блатин С.В. Государственная безопасность Российской Федерации: становление и современное содержание понятия / С.В. Блатин // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 219–223.

REFERENCES

1. Smirnov A.A. Issues of Legal Institutionalization of Information and Psychological Security. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 3 (65), pp. 170–181. (In Russian).
2. Khabrieva T.YA. Legal Problems of Financial Security in Russia. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = The Herald of Commercial Justice of Russia*, 2016, no. 10, pp. 48–54. (In Russian).
3. Kuchеров I.I. Elements of the Financial Security and its Legal Support. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 6 (246), pp. 69–79. (In Russian).
4. Nudel S.L. Criminal Policy of the Russian Federation in the Field of Ensuring Financial Security. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 7, pp. 81–93. (In Russian).
5. Kondrat E.N. Financial Security and its Legal Regulation: Some New Problems. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2016, no. 4 (46), pp. 170–176. (In Russian).
6. Gerasimov A.P., Ponomaryova Ye.V. On the Term “Economic Security” and its Legislative Definition. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2014, no. 1 (35), pp. 103–111. (In Russian).
7. Javoroncova N.G., Vipkhanova G.V. The Problems of Ensuring Environmental and Economic Security while Implementing State Policy. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2017, no. 4 (50), pp. 38–43. (In Russian).
8. Iroshnikov D.V. State Security as a Legal Category. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2013, no. 3, pp. 35–42. (In Russian).

10. Ирошников Д.В. Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности (теоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Ирошников. – Москва, 2011. – 26 с.
11. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1 / Н.К. Шильдер. – Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1903. – 800 с.
12. Зданович А.А. Организационное строительство отечественной военной контрразведки (1914–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.А. Зданович. – Москва, 2003. – 232 с.
13. Егизаров А.Г. Организационно-правовые основы деятельности органов военной контрразведки Российской империи и ее особенности на Кубани : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.Г. Егизаров. – Краснодар, 2010. – 198 с.
14. Гордиенко В.В. Безопасность России в условиях глобализации (криминологические и социально-правовые проблемы) : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Гордиенко. – Москва, 2005. – 64 с.
9. Blatin S.V. State Security of the Russian Federation: Formation and Contemporary Contents of Definition. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, 2014, no. 4, pp. 219–223. (In Russian).
10. Iroshnikov D.V. Legal policy of the Russian Federation in the Sphere of State Security (Theoretical Aspect). *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2011. 26 p.
11. Shilder N.K. Emperor Nicholas I, His Life and Reign. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1903. Vol. 1. 800 p.
12. Zdanovich A.A. Organizational Development of National Military Counterintelligence (1914–1920). *Cand. Diss. Moscow*, 2003. 232 p.
13. Egizarov A.G. Organizational and Legal Foundations of the Activities of Military Counterintelligence Agencies of the Russian Empire and Their Specifics in Kuban. *Cand. Diss. Krasnodar*, 2010. 198 p.
14. Gordienko V.V. Russia's Security in the Context of Globalization (Criminological and Socio-Legal Problems). *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2005. 64 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанов Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepanov Mikhail Mikhailovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Legislative Research.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025. The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 12.03.2025.

Научная статья
УДК 340.113+342
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.5

Original article

ЮСУПОВ Рахимьян Галимьянович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: yusupovr.g@yandex.ru,
<https://orcid.org/8061960R>

YUSUPOV Rakhimian Galimianovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ТИМЕРБУЛАТОВ Тагир Алифович
Башкирский институт социальных
технологий (филиал) Образовательного
учреждения профсоюзов высшего
образования «Академия труда
и социальных отношений»,
Уфа, Россия,
e-mail: timerbulatov.t.a@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0007-7183-8117>

TIMERBULATOV Tagir Alifovich
Academy of Labor and Social Relations, Bashkir
Institute of Social Technologies (branch),
Ufa, Russia.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В ПРАВЕ. МЕСТО ФСБ РОССИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

THE CORRELATION OF THE CONCEPTS "NATIONAL SECURITY" AND "STATE SECURITY" IN LAW. THE PLACE OF THE FEDERAL SECURITY SERVICE OF RUSSIA IN ENSURING STATE SECURITY

Аннотация. Анализ правовых основ деятельности органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России), в частности объектов безопасности, находящихся в их поле зрения, требует однозначного понимания каждого ключевого термина. В правовых документах определены не все эти термины, а в теоретических исследованиях предложены различные подходы к их толкованию. В частности, в теории неоднозначно оцениваются пределы распространения полномочий ФСБ России. Вследствие этого не сложилось единого мнения о правовом статусе Службы. Ее предлагают считать либо органом государственной, либо органом национальной безопасности. Цель работы: сопоставить разобщенные теоретические взгляды на проблему и определить место ФСБ России в системе обеспечения безопасности. Методы: системного и структурно-функционального анализа, сравнительно-правовой и формально-юридического. Результаты: установлены различия между некоторыми близкими понятиями, которые в научной литературе используются для обозначения объектов безопасности, входящих в сферу полномочий ФСБ России (конституционный и государственный строй, территориальная и государственная целостность, суверенитет и независимость и др.); выявлены признаки

Abstract. The analysis of the legal basis of the activities of the bodies of the Federal Security Service of the Russian Federation (hereinafter – the FSB of Russia), in particular the security objects in their view, requires a clear understanding of each key term. Legal documents do not define all these terms, and theoretical studies propose different approaches to their interpretation. In particular, the theory is ambiguous as to the limits of the extension of the powers of the FSB of Russia. As a consequence, there is no consensus on the legal status of the Service. It is proposed to be considered either a state or national security body. The purpose of the study: to compare disparate theoretical views on the problem and to determine the place of the FSB of Russia in the security system. Methods: systemic and structural-functional analysis, comparative-legal and formal-legal methods. Results: the article establishes differences between some similar concepts that are used in scientific literature to designate security objects falling under the authority of the FSB of Russia (constitutional and state system, territorial and state integrity, sovereignty and independence, etc.); it identifies the characteristics of such security objects. The article concludes that the FSB of Russia is vested with a strictly defined scope of powers that do not exceed the limits of one of the strategic directions

таких объектов безопасности; сделан вывод, что ФСБ России наделена строго определенным объемом полномочий, не выходящих за пределы одного из стратегических направлений обеспечения безопасности, выделенных в Стратегии национальной безопасности РФ, а именно обеспечения государственной и общественной безопасности. При этом обеспечение государственной безопасности является приоритетным. Общественный компонент обеспечения безопасности системой ФСБ России проявляется в случаях совокупного эффекта.

Ключевые слова: ФСБ России, национальная безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, государственный строй, государственный суверенитет, независимость государства, государственная и территориальная целостность

Для цитирования: Юсупов Р.Г. Соотношение понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» в праве. Место ФСБ России в обеспечении государственной безопасности / Р.Г. Юсупов, Т.А. Тимербулатов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 39–51.

of ensuring security, highlighted in the National Security Strategy of the Russian Federation, namely ensuring state and public security. At the same time, ensuring state security is a priority. The public component of ensuring security by the Russian FSB system arises in cases of cumulative effect.

Keywords: Federal Security Service of Russia, national security, state security, public security, state system, state sovereignty, state independence, state and territorial integrity

For citation: Yusupov R.G., Timerbulatov T.A. The Correlation of the Concepts “National Security” and “State Security” in Law. The Place of the Federal Security Service of Russia in Ensuring State Security. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 39–51. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.5.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование вопросов, связанных с регулированием деятельности органов ФСБ России, должно опираться как минимум на четкие теоретические представления об объектах безопасности. Безопасность как объект – широкое понятие, которое в полном объеме не входит в сферу полномочий ФСБ. Обеспечением безопасности в рамках государственных полномочий занимаются различные службы, и помимо ФСБ России к их числу относятся МВД РФ, Министерство обороны РФ и др.

На первый взгляд, объект безопасности для ФСБ России определен в самом названии Службы – Российская Федерация, то есть государство. К слову, признано, что это ведомство является преемником Комитета государственной безопасности СССР [1, с. 25]. Заметим, что в названии советского ведомства не только присутствует название государства, но и уточняется объект безопасности, чего нет в российской ономастической вариации. Это обстоятельство породило разночтения в научной литературе. Есть мнение, что ФСБ России – орган национальной безопасности [2, с. 95–96]. Есть и другое мнение,

что такая позиция является «главной ошибкой исследователей», ибо ФСБ России – орган государственной безопасности [3, с. 70]. По смыслу публикации Д.А. Абубекеровой национальная безопасность и государственная безопасность – тождественные понятия [4], а по мнению Т.В. Владимировой, государственную и национальную безопасность отождествляют «в России многие» [5, с. 19].

Из сказанного следует, что среди теоретических аспектов исследуемой проблемы стоит выделить терминологический аспект.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРАВЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Прежде всего уточним, в чем заключается разница между национальной безопасностью и государственной безопасностью.

Национальная безопасность определена в п. 5 Стратегии национальной безопасности РФ (далее – Стратегия) как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод гражд-

дан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. Поскольку речь идет о национальных интересах Российской Федерации, документ определяет и это понятие: «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Ориентируясь на приведенные официальные определения, констатируем, что национальная безопасность распространяется на личность (личная безопасность), общество (общественная безопасность) и государство (государственная безопасность).

В п. 26 Стратегии обозначены стратегические национальные приоритеты: 1) сбережение народа России; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество. Отметим важный момент: если национальная безопасность в Стратегии определена, то государственная упоминается без определения и в устойчивом сочетании «государственная и общественная безопасность». Причем по целям государственной и общественной безопасности, изложенным в п. 46 Стратегии, можно составить представление о сущности этого расширенного понятия. защите подлежат конституционный строй, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность Российской Федерации, основные права и свободы человека и гражданина, гражданский мир, политическая и социальная стабильность в обществе, традиционные российские духовно-нравственные ценности и т. д. Не приводим весь перечень, поскольку, на наш взгляд, раздел государственного и общественного компонентов очевиден.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.11.2024).

Таким образом, разница между национальной безопасностью и государственной безопасностью существует: национальная безопасность – более широкое понятие, объединяющее несколько видов безопасности, включая государственную; государственная безопасность в Стратегии в отдельную категорию не выделена и упоминается в связке с общественной безопасностью.

ОБЪЕКТЫ, СУБЪЕКТЫ, УГРОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Приведенные фрагменты Стратегии позволяют перейти к следующему вопросу – к выявлению объектов государственной безопасности, то есть того, на что направлена защитная деятельность. Методом исключения выбираем конституционный строй, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность Российской Федерации. Суть государственной безопасности предлагаем понимать как обеспечение защищенности перечисленных объектов от внешних и внутренних угроз.

Теперь рассмотрим примеры трактовки государственной безопасности в научной литературе. Так, Я.В. Васильева определяет ее как «защиту государства от внутренних и внешних угроз, позволяющую ему обеспечивать свою независимость во всех сферах жизнедеятельности, целостность территории и обороноспособность, конституционный строй, конституционные права и свободы человека и гражданина» [6, с. 58]. По мнению Д.В. Ирошникова, государственная безопасность – это «состояние защищенности государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета от внутренних и внешних угроз» [3, с. 65]. Даже на малом количестве примеров видим, что расхождения со Стратегией имеются. В первом определении упомянута обороноспособность, что логично, но в Стратегии оборона выделена в самостоятельное стратегическое направление национальной безопасности со своими целями и задачами. А защита конституционных прав и свобод человека и гражданина, на наш взгляд, имеет отношение к общественной и личной безопасности. Во втором определении

упомянуты такие объекты безопасности, как государственный строй (в Стратегии – конституционный) и государственные органы.

Термин «государственный строй» является дискуссионным. Как пишет Д.А. Авдеев, в научной литературе распространено мнение, что государственный строй следует понимать как «способ функционирования государственной власти и соответствующую ему систему социальных, экономических и политико-правовых отношений, устанавливаемых и закрепляемых конституционным законом» [7, с. 26]. Остается разобраться, корректно ли подменять понятие «государственный строй» понятием «конституционный строй». Учтем, что конституционное право оперирует также понятием «общественный строй», определяет положение личности в общественной и государственной жизни [8, с. 23], из чего следует, что конституционный строй и государственный строй – не одно и то же.

Есть и другие подходы к толкованию понятия «государственный строй». Д.А. Авдеев предлагает различать формально-юридическую статичную модель государственного строя (закрепленную в Конституции) и динамичную модель (действительную, складывающуюся под влиянием меняющихся обстоятельств) [7, с. 26]. Опустим другие примеры (хотя с теоретической точки зрения они интересны), поскольку нам важно четко определить, как понимать государственный строй в контексте обеспечения государственной безопасности.

Компактное представление о понятии предложили Н.С. Шашина и В.В. Ходырев. По их мнению, государственный строй есть отражение политического режима, формы правления государства и формы государственного устройства. Причем политический режим (демократический, антидемократический) играет ведущую роль в формировании государственного строя – от него зависят и форма правления (монархия, республика), и форма государственного устройства (унитарная, федеративная) [9, с. 35]. Так же компактно государственный строй России определен в ст. 1 Конституции РФ: Российская Федерация есть «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Изучив вопрос, согласимся

с Д.В. Ирошниковым в том, что государственный строй логично считать объектом государственной безопасности.

Рассмотрим также предложение Д.В. Ирошникова считать объектом государственной безопасности государственные органы. Здесь отметим, что на момент публикации (2011 г.) действовала Стратегия национальной безопасности РФ 2009 г., в п. 37 которой указывалось на «деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц», направленную среди прочего «на дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей)»². В ныне действующей Стратегии такого тезиса нет, что не умаляет важность проблемы. К слову, проблема на самом деле не может считаться и не считается решенной. Достаточно сказать, что в России существует Федеральная служба охраны (ФСО), которой в первую очередь вверено обеспечение безопасности государственных органов и их представителей.

Полагаем, что указанную проблему в плане государственной безопасности можно считать более широкой. На наш взгляд, акцент стоит сместить с собственно государственных органов в сторону государственного устройства (в России – федеративного). Сразу оговоримся, что государственный строй и государственное устройство соотносятся как общее и частное. Признание государственного строя объектом государственной безопасности переносится на государственное устройство. Тем не менее данный вопрос заслуживает внимания.

Государственное устройство прямо связано с государственными органами и в целом с государственной властью, которая является одним из основных признаков государства. Собственно государственное устройство в широком смысле понимается как политико-территориальная организация государственной власти. Даже установленные в теории формы государственного устройства на

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277/page/1> (дата обращения: 25.11.2024).

практике не подразумевают однозначности. Разновидности есть у всех форм, как у унитарной (с единой системой высших органов власти), так и у федеративной (с двумя системами высших органов власти: федерация и субъекты федерации).

Федеративные государства могут быть построены либо по национально-территориальному, либо по территориальному принципу [10, с. 19]. В США или Австралии, например, национальный фактор априори не имел значения, ибо коренное население при установлении государственного устройства игнорировалось. А, скажем, в Бельгии этнический состав населения во многом повлиял на характер административно-территориального деления, формирование органов власти и их взаимодействие. Каждая страна в этом плане уникальна. В литературе можно встретить скептическое отношение к федерациям, построенным по национально-территориальному принципу. О нежизнеспособности таких государств рассуждал, например, Р. Галлисо, считая их уделом выяснение отношений и конфликты [11, с. 15]. Скажем больше: истории известны случаи, когда при формировании субъектов федерации национальный фактор осознанно игнорировался (использовался территориальный принцип), в результате чего каждый этнос был «растворен» в разных субъектах федерации без права доминирования. Так было, например, в Нигерии [10, с. 20].

Полагаем, версия о несостоятельности федераций с национально-территориальным устройством имеет несколько предвзятый характер. Во-первых, у межнациональных конфликтов слишком сложная природа, не всегда упирающаяся в национально-территориальное устройство федерации и, к слову, нередко связанная с влиянием извне. Во-вторых, все формы государственного устройства несовершенны, то есть имеют свои плюсы и минусы, в том числе в плане межнациональных отношений. Широко известны конфликтные позиции, например, Каталонии в Испании или Шотландии в Великобритании. Между тем речь идет не о федерациях, а об унитарных государствах. В-третьих, внутригосударственные конфликты могут иметь не только национальную природу. Тем не менее риски

национально-территориальных федераций игнорировать нельзя, как, кстати, нельзя игнорировать риски навязывания сугубо территориального устройства в многонациональных государствах.

Россия – федерация, построенная по национально-территориальному принципу. Конституция РФ признает равенство субъектов Российской Федерации, при этом между субъектами (республиками, областями, краями и пр.) существует разница. К тому же в России наций больше, чем национальных республик – субъектов Федерации [10, с. 34–35, 47]. К этому добавим, что опыт преодоления конфликтов на национальной почве в России имеется. Изложенное подтверждает, что государственное устройство является объектом государственной безопасности.

Теперь рассмотрим, как в теории понимаются объекты государственной безопасности, которые выделены из определений Стратегии: суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность.

Прежде всего обратим внимание на то, что в литературе понятие «суверенитет» (речь о государственном суверенитете) объясняется через понятия «верховенство», «полновластие», «самостоятельность», «независимость» и пр. [3, с. 67; 12, с. 13]. Соответственно, возникает вопрос о тождественности суверенитета и независимости. Поскольку в Стратегии эти понятия перечисляются как неравнозначные, необходимо разобраться, какая между ними разница.

Зависимость или независимость может быть от чего-то или кого-то (касательно суверенитета так вопрос не стоит). В теории государства подразумевается независимость от власти другого государства (или государств) и иного вмешательства извне. При этом предполагается, что в юридическом плане абсолютной государственной независимости не бывает, потому что существует международное право [13, с. 5]. Впрочем, в наши дни нормы международного права попираются в интересах сверхдержавы, претендующей на роль мирового гегемона и вмешивающейся во внутреннюю и внешнюю политику других государств. И это подчеркивает значение обеспечения государственной безопасности

в отношении объекта, именуемого государственной независимостью. На данном этапе подытоживаем: независимость государства обусловлена внешними факторами, но имеет прямое отношение не только к внешней политике этого государства, но и к проведению внутренней политики в пределах собственной территории без давления извне. Нормы международного права в определенном смысле можно рассматривать как ограничитель независимости государств, при этом важно понимать, что они едины для всех государств, их признавших, и при условии их соблюдения всеми участниками концепт государственной независимости не разрушается.

Суверенитет государства – понятие более широкое. Есть научные исследования, согласно которым государственная независимость – «элемент государственного суверенитета» [14, с. 78]. Уже на этом этапе становится понятно, что близкие по значению понятия, через которые в различных определениях объясняется государственный суверенитет, не обязательно синонимы (как в случае с независимостью). Это могут быть элементы государственного суверенитета. Другое дело, что в различных трудах перечень элементов может не совпадать.

Так, А.Л. Бредихин и Е.Д. Проценко в качестве элементов государственного суверенитета рассматривают независимость, верховенство и единство государственной власти, неограниченность суверенитета. Верховенство означает, что более высокого или равного уровня не существует. Верховенство государственной власти означает, что ее решения обязательны для всех, находящихся в пределах государства. «На территории одного государства, – пишут авторы, – может быть только одна верховная власть, над которой нет субъекта, имеющего возможность влиять на принятие ею решений» [13, с. 9].

Говоря о единстве государственной власти, А.Л. Бредихин и Е.Д. Проценко уточняют: «Система органов государства составляет в совокупности единую государственную власть» [13, с. 7]. Здесь требуются пояснения.

Не возникают вопросы, если речь идет об абсолютной/самодержавной монархии. В этом случае единство олицетворяет монарх. Но такая форма правления в подавляющем

большинстве государств ушла в прошлое. С развитием государственности в Западной Европе актуализировалась концепция разделения властей (с конца XVII в.). Суть ее удачно изложил Н.И. Грачев: разделение «единой по своей первоначальной сущности верховной власти» на три самостоятельные ветви (законодательную, исполнительную и судебную), а по сути замена монарха на государственный аппарат есть способ недопущения концентрации властных полномочий в одном верховном органе, «что служит организационно-правовой гарантией обеспечения прав и свобод личности». Нами исследуются элементы государственного суверенитета, и в этой связи обратим внимание на то, что Н.И. Грачев говорит о единстве именно верховной власти и ее разделении. Законодательную верховную власть олицетворяет «парламент, состоящий из одной или двух палат, исполнительную – глава государства и (или) правительство, судебную – высшие судебные инстанции» [15, с. 42]. Поскольку существуют разные формы государственного устройства, в том числе иерархичная федеральная, считаем, это важный момент. Как пишут А.Л. Бредихин и Е.Д. Проценко, единство суверенитета означает, что «в государстве не может существовать несколько суверенов», а значит, единым сувереном федерации является федерация, в то время как субъекты федерации «передали либо оставили свой суверенитет в пользу единого суверенитета федерации» [13, с. 8].

Отметим еще один важный момент. Только единство государственной власти способно обеспечить достижение целей и решение задач, стоящих перед государством и его народом. Но в условиях разделения властей и наличия властной иерархии для этого требуются согласованность и единство действий всех органов и уровней системы государственной власти, а значит, единый координационный центр, или непосредственный носитель верховной власти, «поддерживающий организационное, правовое и функциональное единство в построении и деятельности государственного аппарата» [15, с. 39–40]. Формат статьи не позволяет подробно рассмотреть, как сформирован этот институт в государствах с разными политическими традициями (вопрос освещен в статье Н.И. Грачева), но мо-

жем, опираясь на исторические факты, утверждать, что разрушение единого и независимого верховного центра власти ставило на грань разрушения или приводило к разрушению государства, в том числе империи (в частности, Российскую империю). К слову, распад СССР был мощно подпитан принятием в июне 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», находящейся в составе СССР.

Изложенное подводит к мысли, что суверенитет государства может быть обеспечен не только хорошо организованной, но и сильной властью. В этом плане интерес представляет выделенный А.Л. Бредихиным и Е.Д. Проценко элемент суверенитета, который в их статье обозначен как неограниченность.

В теории вопрос о неограниченности (абсолютизме) суверенитета обсуждается не одно столетие. Суть дискуссий в том, что фактические ограничители существуют. К ним можно отнести и международное право, и внутривластные обстоятельства различной природы. Если исходить из того, что суверен не ограничен ничем, то любой ограничитель, по мнению ряда мыслителей, приводит к тому, что «он а priori перестает быть сувереном» [12, с. 17]. Но этот строгий и безапелляционный подход обесценил саму идею государственного суверенитета, поскольку с ограничителями имеет дело любое государство. И даже оформился тезис, согласно которому суверенитет есть «категория метафизического порядка или плод воображения» [12, с. 43]. Между тем, вопреки подобным теоретическим воззрениям, сами государства оперируют этим понятием, используя его в том числе в официальных документах. Значит, вкладывают в него вполне определенный смысл. Теоретикам пришлось приспособиться и предлагать более гибкие толкования. Вариаций много: от оставления за сувереном монопольного права принимать политические решения, выходящие в чрезвычайных ситуациях за пределы им же установленного права, до возможности вести войну, способности влиять на другие государства и пр. Обобщенный вариант предложил В.В. Иванов. Автор, правда, называет суверенитет претензией на суверенитет, но характеризует явление достаточно емко, ука-

зывая на важное условие – наличие сильной власти. Сильная власть поддерживается населением, контролирует территорию государства, обеспечивая стабильность и порядок и, не допуская конкурирующих проявлений силы, эффективно управляет ею, а во внешнем плане надежно защищает государственную границу и утверждает себя «в качестве равноправного партнера, союзника, конкурента или гегемона». Понятно, что суверенитет подразумевает также принятие соответствующей декларации и внешнее признание, заключающееся, прежде всего, в установлении дипломатических отношений (формальный суверенитет). Отсутствие даже претензий на суверенитет В.В. Иванов представил как постоянную политическую и экономическую зависимость от другого государства (государств), международных организаций или транснациональных корпораций ввиду «бедности, интеллектуальной, технологической и инфраструктурной отсталости», оккупации части территорий, а также отсутствия формальных признаков суверенитета [12, с. 56, 61]. К слову, в последние годы стала очевидной возможность утраты государственного суверенитета даже развитыми странами.

Можно согласиться с тем, что абсолютно-го суверенитета не существует, поскольку есть ограничители. Но с практической точки зрения не признавать на этом основании суверенитет в принципе бессмысленно. Суверенитет, по мнению Е.Г. Шикановой, «не рассматривается в настоящее время, в отличие от прошлого, как неограниченный и абсолютный, а находится в определенных отношениях с другими основополагающими, общепризнанными принципами международного и конституционного права» [16, с. 275]. А на данном этапе уже ясно, что понимается под государственным суверенитетом как объектом государственной безопасности. Не будем разворачивать тему еще более подробно, но заметим, что государственный суверенитет как минимум обозначает независимость государственной власти от деструктивного влияния (внешнего и внутреннего) и самостоятельность в принятии решений.

Объектами государственной безопасности являются также государственная и терри-

ториальная целостность. Понятия очень близки по смыслу, но их необходимо различать.

Территория – пространственная категория. Соответственно, территориальная целостность – это неделимость пространства внутри установленных и официально обозначенных государственных границ. Постановка вопроса о защите территориальной целостности России связана с определенными сложностями, поскольку речь не только о том, что необходимо защищать границы и территорию внутри границ от внешних посягательств. Есть так называемые спорные территории. Япония, например, претендует на часть российских Курильских островов. Особая тема – ресурсная арктическая зона в Северном Ледовитом океане, где сосредоточены интересы прибрежных государств: России, США, Канады, Норвегии и Дании. Проблема в том, что международно-правовой статус Арктики до конца не урегулирован, а с 2014 г. (и особенно с 2022 г.) методично подрывалось сотрудничество арктических государств (отказ от сотрудничества с Россией в связи с событиями на Украине)³. Но при любых обстоятельствах, согласно Конституции РФ, «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» (п. 3 ст. 4).

Государственная целостность не выходит за пределы территориальной целостности, но рассматривается в другом контексте – как явление, связанное с государственным устройством и суверенитетом государства. Россия – федеративное государство, и ее территория, согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ, включает «территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними». Суверенные права Российской Федерации, согласно ч. 2 ст. 67, распространяются на континентальный шельф (имеется в виду континентальный шельф Российской Федерации) и исключительную экономическую зону (имеется в виду исключительная экономическая зона Российской Федерации, простирающаяся от исходных линий ее арктического побережья на 200 морских миль).

³ Вылегжанин А.Н. Статус Арктики: итоги 2024 года [Электронный ресурс] // МГИМО : сайт. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/arctic-2024/?yclid=m698wlg35287180274&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 16.01.2025).

К каждому из перечисленных территориальных объектов требуется особый подход, и к территориям российских регионов (особенно национальных) в том числе. Существует угроза возможных притязаний субъектов Российской Федерации на независимость, то есть на собственный суверенитет [16, с. 276], чему интенсивно способствуют третьи страны, стремящиеся разрушить государственную целостность России, которым, по словам Президента РФ, «вместо России нужно зависимое, угасающее, вымирающее пространство, где можно творить все что угодно»⁴. В этой связи в Конституции РФ среди основ федеративного устройства указана именно государственная, а не территориальная целостность (ч. 3 ст. 5).

В публикации А.А. Анохиной приведено несколько определений государственной целостности от разных авторов. Есть и такое: государственная целостность – «свойство, характеризующее наличие устойчивых взаимосвязей между гражданами и государством, единство власти на всей территории государства и территориальную целостность» [17, с. 332]. Это определение показательно демонстрирует разницу между государственной и территориальной целостностью.

Чтобы утвердиться или не утвердиться во мнении, что ФСБ России является органом государственной безопасности, рассмотрим еще два понятия – «угрозы государственной безопасности» и «субъекты государственной безопасности».

В Стратегии дано определение угроз национальной безопасности: «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации», которые, как мы знаем, связаны с потребностями личности, общества и государства. Соответственно, угрозы государственной безопасности следует толковать как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба государственным интересам Российской Федерации. На самом деле сложно однозначно разделить угрозы госу-

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 16.01.2025).

дарственной и общественной безопасности (Стратегия их и не разделяет), тесно связаны с ними угрозы безопасности экономической, информационной и др. Но стоит признать, что с практической точки зрения этот факт означает необходимость взаимодействия различных компетентных ведомств. Что же касается непосредственно угроз государственной безопасности, то под ними, с учетом изложенного, будем понимать угрозы государственному строю, суверенитету, независимости, государственной целостности Российской Федерации.

Еще один актуальный с теоретической точки зрения вопрос – о субъектах государственной безопасности. В теории признается, что основным субъектом является государство «в лице его органов» [3, с. 65]. Применительно к Российской Федерации речь, прежде всего, о том, что основным субъектом государственной безопасности может быть только сама Российская Федерация как единственный носитель суверенитета, что и отражено в Конституции РФ. Согласно п. «м» ст. 71 Конституции РФ безопасность находится в ведении Российской Федерации. Согласно п. 2 ст. 4 Федерального закона «О безопасности» основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент РФ⁵. Он же, опираясь на конституционную норму, в целях содействия в реализации своих полномочий формирует и возглавляет Совет Безопасности РФ. В перечень вопросов, рассматриваемых Советом Безопасности РФ, включены, в частности, «охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращение внутренних и внешних угроз» (п. «ж» ст. 83 Конституции РФ). Указанные документы регулируют отношения, касающиеся безопасности в целом, и в эту канву встроены отдельные отношения, касающиеся государственной безопасности. Но отметим важный момент: указанными документами установлены институты власти, определяющие политику в сфере государственной безопасности и на-

⁵ О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (с изм. и доп. от 10.07.2023 № 286-ФЗ) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417/page/1> (дата обращения: 29.12.2024).

правления ее обеспечения (Президент РФ, Совет Безопасности РФ).

Реализация политики в сфере государственной безопасности сосредоточена не в одном органе. Ею в пределах своих полномочий занимаются специально созданные федеральные службы. К их числу Д.В. Ирошников относит ФСБ России, Службу внешней разведки (СВР России), Федеральную службу охраны (ФСО России) [3, с. 68]. А Д.А. Абубекерова включает в этот перечень еще и Государственную фельдъегерскую службу (ГФС России) [4]. Поскольку ГФС России уполномочена обеспечивать доставку и сохранность в том числе секретных и совершенно секретных отправлений органов государственной власти, включая Президента РФ, согласимся с мнением Д.А. Абубекеровой. К этому добавим, что все перечисленные службы отнесены к органам исполнительной власти, руководство которыми осуществляет Президент РФ⁶. Деятельность этих служб регулируется не неким единым актом о государственной безопасности, а отдельными федеральными законами⁷.

На данном этапе заключаем, что понятие «государственная безопасность» наполнено реальным и актуальным содержанием. Оно не определено законодательно, но фигурирует в правовых документах и является объектом научных исследований. Это свидетельствует о том, что обеспечение безопасности самого государства обусловлено наличием множества внешних и внутренних угроз.

⁶ О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 (с изм. и доп. от 17.06.2024 № 522) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50541> (дата обращения: 29.12.2024).

⁷ О Федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024 № 249-ФЗ) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7696> (дата обращения: 29.12.2024) ; О внешней разведке : Федеральный закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ (с изм. и доп. от 04.08.2023 № 440-ФЗ) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8732> (дата обращения: 29.12.2024) ; О государственной охране : Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024 № 271-ФЗ) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9434> (дата обращения: 29.12.2024) ; О федеральной фельдъегерской связи : Федеральный закон от 17.12.1994 № 67-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024 № 250-ФЗ) [Электронный ресурс] // Президент РФ : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7331> (дата обращения: 29.12.2024).

ФСБ России в системе органов обеспечения безопасности Российской Федерации

Согласно ст. 1 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» (далее – Закон № 40) ФСБ России – федеральный орган исполнительной власти, сформированный как единая централизованная система под руководством Президента РФ, представляющая собой широкую сеть управлений, отделов и служб с особыми функциями. Помимо собственно федерального органа обеспечения безопасности, закон выделяет территориальные органы безопасности в субъектах Российской Федерации, органы безопасности в войсках, то есть в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях, пограничные органы безопасности в пограничной службе, другие органы безопасности, а также организации и подразделения, предназначенные для обеспечения деятельности всей системы ФСБ России: авиационные подразделения, центры специальной подготовки, подразделения специального назначения, образовательные и научные организации, военно-строительные подразделения, экспертные, судебно-экспертные, военно-медицинские подразделения и организации и др. (ст. 2). Органы ФСБ России уполномочены осуществлять контрразведывательную, разведывательную, пограничную деятельность, борьбу с терроризмом и преступностью, обеспечивать информационную безопасность и др. (ст. 8).

Обратим внимание: контрразведывательную деятельность осуществляют только органы ФСБ, поэтому она регулируется Законом № 40 и локальными нормативными правовыми актами. Остальные перечисленные направления деятельности осуществляют ФСБ России и другие федеральные органы государственной власти, не дублируя друг друга, а в пределах своих полномочий. Эти направления деятельности регулируются Законом № 40, другими федеральными законами, совместными нормативными правовыми актами о порядке взаимодействия, а также ведомственными нормативными правовыми актами. Например, разведывательная деятельность регулируется Федеральным законом «О внешней разведке» и

другими нормативными правовыми актами. В Федеральном законе «О внешней разведке» указано, что один из принципов разведывательной деятельности – «разделение полномочий» между федеральными органами, ответственными за безопасность Российской Федерации (ст. 4). Это прежде всего Служба внешней разведки РФ, а также органы внешней разведки Министерства обороны РФ и ФСБ России (ст. 11).

Взаимодействие ФСБ России с другими органами по остальным направлениям – тема широкая. Ограничимся лишь примерами угроз, попадающих в сферу внимания ФСБ: шпионаж, незаконный оборот оружия и наркотических средств, контрабанда, организованная преступность, незаконные вооруженные формирования, общественные объединения, нацеленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации (ст. 10 Закона № 40) и т. д. Среди обязанностей (в пределах ведомственных полномочий) – обеспечение безопасности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, сведений, составляющих государственную тайну, шифрованной, засекреченной связи субъектов Российской Федерации, объектов оборонного комплекса, атомной энергетики, приоритетных научных разработок, в том числе в сфере космических исследований, и т. д. (ст. 12 Закона № 40).

Некоторые исследователи подчеркивают, что полномочия ФСБ России распространяются на различные стратегические национальные направления, обозначенные в Стратегии, то есть не только на государственную и общественную безопасность, но и на информационную, экономическую безопасность, оборону, научно-технологическое развитие и пр. [2, с. 95].

Вновь обратимся к Закону № 40 и рассмотрим отдельные примеры.

Так, защита «экономических и иных законных интересов» Российской Федерации упоминается в ст. 11.1 «Пограничная деятельность». В рамках пограничной деятельности полномочия ФСБ по защите экономических интересов Российской Федерации сосредоточены в пределах приграничных территорий, а также территорий, которые Президент РФ назвал

«неоспоримым приоритетом для России»⁸, – в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Обеспечение экономической безопасности не упоминается в ст. 10 «Борьба с преступностью», но нет сомнений, что регулируемые этой статьей полномочия ФСБ по борьбе с такими угрозами, как контрабанда, промышленный шпионаж, незаконный вывоз ресурсов стратегического значения, коррупция и т. д., имеют к ней непосредственное отношение. Считаем, что особые возможности ФСБ России не могут не использоваться в борьбе с указанными угрозами, поскольку, напомним, состояние экономики определяет возможность государства поддерживать свою независимость и суверенитет. При этом обратим внимание на то, что ни в одной статье Закона № 40 понятие «обеспечение экономической безопасности» не упоминается, даже в перечне направлений деятельности органов ФСБ России (ст. 8).

Пункт «обеспечение информационной безопасности» в ст. 8 имеется. Пределы полномочий ФСБ указаны в ст. 11.2: в рамках государственной и научно-технической политики Российской Федерации информационная безопасность обеспечивается в том числе с использованием инженерно-технических и криптографических средств в отношении «информационно-телекоммуникационных систем, сетей связи специального назначения и иных сетей связи, обеспечивающих передачу шифрованной информации». Понятно, что у ФСБ в этом плане особые возможности. Этот государственный орган действует по принципу сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности, включая конспирацию (ст. 5), и имеет право «без лицензирования разрабатывать, создавать и эксплуатировать информационные системы, системы связи и системы передачи данных, а также средства защиты информации, включая средства криптографической защиты» (ст. 20). А еще понятно, что речь идет не об информации вообще, а об информации, имеющей государственное значение.

⁸ Путин назвал освоение Арктики неоспоримым приоритетом для России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20231211/arktika-1915137668.html?ysclid=m6req08pf126590171> (дата обращения: 10.01.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проявляющаяся в литературе тенденция объявлять ФСБ России органом национальной безопасности имеет право на существование, поскольку национальная безопасность обеспечивается в том числе этой Службой. Вместе с тем такое мнение представляется слишком натянутым, поскольку в системе государственных органов обеспечения национальной безопасности каждое звено имеет особые функции и сферу ответственности и только вместе они могут рассматриваться в национальном масштабе. Если посмотреть на вопрос с функциональной точки зрения, то следует учесть ряд моментов. Во-первых, деятельность ФСБ России не встраивается во все обозначенные Стратегией направления обеспечения национальной безопасности. Во-вторых, даже в близких в широком смысле функциях (разведка, борьба с преступностью и пр.) ФСБ России, согласно законодательству, взаимодействует со смежными государственными органами, но их полномочия не совпадают. В-третьих, ФСБ России обладает особыми обязанностями, правами и возможностями, которые в первую очередь позволяют реагировать на разноплановые действия зарубежных спецслужб и их ячеек в России, а также внутренних деструктивных сил, что объясняет служебное разветвление, вплоть до встраивания в структуру других силовых и гражданских ведомств, не нацеленное на вмешательство в их официальную деятельность. По этим признакам можно считать ФСБ России органом государственной безопасности.

Мы учли официальную терминологию, которая объединила государственную и общественную безопасность в рамках одного стратегического национального приоритета, и согласимся с тем, что для ФСБ России это не принципиально, ибо ряд ее функций (например, борьба с терроризмом) нацелены на одновременное обеспечение государственной и общественной безопасности. При этом мы учли высокий уровень защиты сведений о ФСБ России и поэтому считаем, что основная цель функционирования Службы – обеспечение государственной безопасности. Общественный компонент обеспечения безопасности возникает в случаях совокупного эффекта.

Наконец, мы учли, что ФСБ России – не единственный государственный орган, ответственный за обеспечение государственной безопасности.

Таким образом, в широком смысле ФСБ России можно считать элементом системы национальной безопасности Российской Фе-

дерации, а в узком – элементом системы государственной безопасности с полномочиями, которые сконцентрированы на интересах государства, но в определенном смысле связывают Службу с системой обеспечения общественной безопасности.

Список источников

1. Рыжак Н.И. Правовое регулирование деятельности спецслужб в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Н.И. Рыжак. – Москва, 2000. – 41 с.
2. Дошатов А.А. Роль федеральной службы безопасности РФ в системе национальной безопасности России / А.А. Дошатов, Н.В. Миронов // Молодой ученый. – 2019. – № 51 (289). – С. 93–96.
3. Ирошников Д.В. Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание / Д.В. Ирошников // Юридическая наука. – 2011. – № 2. – С. 65–70.
4. Абубекерова Д.А. Система органов обеспечения безопасности в Российской Федерации / Д.А. Абубекерова // Наука. Общество. Государство : электронный научный журнал. – 2016. – Т. 4, № 4 [Электронный ресурс]. – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/abubekeroval_da_16_4_05.pdf (дата обращения: 24.11.2024).
5. Владимирова Т.В. К вопросу соотношения национальной и государственной безопасности / Т.В. Владимирова // Социодинамика. – 2016. – № 6. – С. 18–28.
6. Васильева Я.В. Основы теории национальной безопасности : учебное пособие : в 2 ч. Ч. 2. Практические основы / Я.В. Васильева. – Вологда : Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина, 2023. – 207 с.
7. Авдеев Д.А. Государственное устройство и государственный строй: от старого формата к новому образу / Д.А. Авдеев // Современное право. – 2017. – № 10. – С. 24–27.
8. Конституционное право Российской Федерации : учебник / под ред. И.А. Умновой, И.А. Алешковой. – Москва : РАП, 2014. – 380 с.
9. Шашина Н.С. Система государственного и муниципального управления : учебно-методическое пособие / Н.С. Шашина, В.В. Ходырев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2012. – 222 с.
10. Кремянская Е.А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование : монография / Е.А. Кремянская. – Москва : МГИМО, 2015. – 146 с.
11. Галлиссо Р. Одолеть национализм или национализм одолеет нас / Р. Галлиссо. – Москва : РАН ИНИОН, 1993. – 112 с.
12. Иванов В.В. Теория государства. – Москва : Государственный университет – Высшая школа экономики, 2010. – 288 с.
13. Бредихин А.Л. Принципы и свойства государственного суверенитета / А.Л. Бредихин, Е.Д. Проценко // Академический юридический журнал. – 2016. – № 3 (65). – С. 4–12.

REFERENCES

1. Ryzhak N.I. Legal Regulation of the Activities of Special Services in the System of National Security of the Russian Federation. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 41 p.
2. Doshchatov A.A., Mironov N.V. Role of the Federal Security Service of the Russian Federation in the national security system. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2019, no. 51 (289), pp. 93–96. (In Russian).
3. Iroshnikov D.V. State Security of the Russian Federation: Concept and Content. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2011, no. 2, pp. 65–70. (In Russian).
4. Abubekerova D.A. Security Bodies System in the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2016, vol. 4, no. 4. Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/abubekeroval_da_16_4_05.pdf.
5. Vladimirova T.V. On the Question of Correlation Between the National and State Security. *Sociodinamika = Sociodynamics*, 2016, no. 6, pp. 18–28. (In Russian).
6. Vasilyeva Ya.V. Fundamentals of the Theory of National Security. Northwestern Institute (branch) of the Kutafin University Publ., 2023. Pt. 2. 207 p.
7. Avdeev D.A. State Structure and State System: from the Old Format to a New Sample. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2017, no. 10, pp. 24–27. (In Russian).
8. Umnova I.A., Aleshkova I.A. (eds.). Constitutional Law of the Russian Federation. Russian Academy of Justice Publ., 2014. 380 p.
9. Shashina N.S., Khodyrev V.V. The System of State and Municipal Government. Saint Petersburg University of Management and Economics Publ., 2012. 222 p.
10. Kremyanskaya E.A. Theory and Practice of Federalism: A Comparative Legal Study. MGIMO Publ., 2015. 146 p.
11. Gallisso R. To Overcome Nationalism or Will Nationalism Overcome Us. RAS INION Publ., 1993. 112 p.
12. Ivanov V.V. Theory of State. State University – Higher School of Economics Publ., 2010. 288 p.
13. Bredikhin A.L., Protsenko E.D. Principles and Properties of State Sovereignty. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2016, no. 3 (65), pp. 4–12. (In Russian).
14. Ragozina L.Yu. Independence as an Element of State Sovereignty. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University*, 2008, no. 2, pp. 74–80. (In Russian).

14. Рагозина Л.Ю. Независимость как элемент государственного суверенитета / Л.Ю. Рагозина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 74–80.

15. Грачев Н.И. Единство государственной власти как принцип государственного строительства / Н.И. Грачев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 6 (113). – С. 38–48.

16. Шиканова Е.Г. Территориальная целостность и суверенитет как основные объекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современный период / Е.Г. Шиканова // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3. – С. 273–279.

17. Анохина А.А. Конституционно-правовой анализ соотношения понятий «суверенитет», «независимость» и «государственная целостность» / А.А. Анохина // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 330–334.

15. Grachev N.I. Unity of the State Power as the Principle of State Construction. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2016, no. 6 (113), pp. 38–48. (In Russian).

16. Shikanova E.G. Territorial Integrity and Sovereignty as the Main Objects for Ensuring the National Security of the Russian Federation in the Modern Period. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo = Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2014, no. 3, pp. 273–279. (In Russian).

17. Anokhina A.A. Constitutional Legal Analysis of the Correlation and Interaction between the Terms and Concepts of “Sovereignty”, “Independence” and “State Integrity”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 330–334. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юсупов Рахимьян Галимьянович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права;

Тимербулатов Тагир Алифович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории, теории государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yusupov Rakhimian Galimianovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law;

Timerbulatov Tagir Alifovich – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Chair of Political Science, History, Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 09.03.2025; принята к публикации 10.03.2025. The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 09.03.2025; accepted for publication 10.03.2025.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья

УДК 347

DOI 10.33184/pravgos-2025.2.6

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна

Институт государства и права

Российской академии наук,

Москва, Россия,

e-mail: e.v.mihailova@bk.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>

Original article

MIKHAILOVA Ekaterina Vladimirovna

Institute of State and Law of the

Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia.

ВНЕСУДЕБНОЕ ВЗЫСКАНИЕ ЗАДОЛЖЕННОСТЕЙ ПО ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫМ ПЛАТЕЖАМ НА ОСНОВАНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

EXTRAJUDICIAL COLLECTION OF DEBTS ON HOUSING AND COMMUNAL PAYMENTS
BY VIRTUE OF A NOTARY'S WRIT OF EXECUTION: PROBLEM STATEMENT

Аннотация. Институт внесудебного взыскания посредством совершения нотариусом исполнительной надписи занимает особое место среди форм защиты субъективных гражданских прав и законных интересов. В последнее время обсуждается законопроект о применении данного института к взысканию задолженностей граждан и организаций по оплате жилищно-коммунальных услуг. Однако эта новелла может послужить не столько защите прав кредиторов, сколько усложнить процесс взыскания таких задолженностей. Цель: выявление последствий закрепления возможности внесудебного взыскания задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса. Методы: анализа и синтеза, дедукции и индукции, описания, толкования. Результаты: выявлены негативные последствия закрепления возможности внесудебного взыскания задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса. Исследование показало, что любое внесудебное взыскание противоречит конституционному положению, согласно которому никто не может быть лишен принадлежащего ему имущества иначе как по решению суда. К числу недостатков исследуемого института автор относит неопределенность в вопросе о том, кто будет оплачивать услуги нотариуса, а также требование, обращенное к должнику, о необходимости

Abstract. The institution of extrajudicial collection of debts through a notary's writ of execution occupies a special place among the forms of protection of subjective civil rights and legitimate interests. Recently, a draft law on the application of this institution to the collection of debts of citizens and organizations for the payment of housing and communal services has been discussed. However, this innovation may serve not so much to protect the rights of creditors as to complicate the process of collecting such debts. Purpose: to identify consequences of enshrining the possibility of extrajudicial collection of debts on housing and communal payments by virtue of a notary's writ of execution. Methods: analysis and synthesis, deduction and induction, description, interpretation. Results: the article reveals negative consequences of enshrining the possibility of extrajudicial collection of debts on housing and communal payments by virtue of a notary's writ of execution. The study shows that any extrajudicial collection is contrary to the constitutional provision that no one may be deprived of his property except by a court decision. The author also includes among the shortcomings of the institution under study the uncertainty in the question of who will pay for notary's services,

сти доказать обоснованность несогласия с совершенной нотариусом исполнительной надписью. Не учтено и то, что для совершения нотариусом исполнительной надписи необходимо письменное согласие обеих сторон спорного материального правоотношения, которое в действующих договорах на оказание жилищно-коммунальных услуг отсутствует.

Ключевые слова: защита гражданских прав, исполнительная надпись нотариуса, внесудебное взыскание, лишение имущества только по решению суда, приказное производство, оспаривание исполнительной надписи, состязательность, правосудие

Для цитирования: Михайлова Е.В. Внесудебное взыскание задолженностей по жилищно-коммунальным платежам на основании исполнительной надписи нотариуса: постановка проблемы / Е.В. Михайлова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 52–58.

as well as the requirement addressed to the debtor to prove the validity of disagreement with the notary's writ of execution. It is also not taken into account that in order for a notary to make a writ of execution, a written consent of both parties to the disputed material legal relationship is required, which is absent in the current contracts for the provision of housing and communal services.

Keywords: protection of civil rights, notary's writ of execution, extrajudicial collection, deprivation of property only by a court decision, order proceedings, challenging a writ of execution, adversarial nature, justice

For citation: Mikhailova E.V. Extrajudicial Collection of Debts on Housing and Communal Payments by Virtue of a Notary's Writ of Execution: Problem Statement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 52–58. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.6.

ВВЕДЕНИЕ

Защита нарушенных или оспоренных гражданских прав и законных интересов осуществляется в нашем государстве посредством отправления правосудия или использования альтернативных способов защиты. При этом правосудие по гражданским делам реализуется в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), а альтернативная защита – только путем рассмотрения гражданского дела в третейском суде (арбитраже). Это прямо закреплено в ст. 11 ГК РФ, в которой указано, что защиту гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляют суд, арбитражный суд или третейский суд.

Следует особо подчеркнуть, что использование альтернативного способа защиты допустимо исключительно при соблюдении законодательно закрепленного условия: на это должны быть согласны все участники правового конфликта. Согласие их фиксируется обязательно в письменной форме, и рассмотрение дела в третейском суде (арбитраже) возможно только по предъявлении этого соглашения (третейское, или арбитражное, соглашение).

Это совершенно правильное установление, поскольку в ст. 35 Конституции РФ четко закреплено: никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Помимо названных легальных способов защиты (судебный и третейское, или арбитражное, разбирательство) существует институт внесудебного урегулирования гражданско-правовых споров. Отдельно подчеркну, что речь идет не о защите права или законного интереса, а именно об урегулировании спора. Это совершенно разные понятия. Защита права означает определение третьим независимым, уполномоченным на это субъектом (государственный или третейский суд) того лица, чье право или законный интерес были оспорены или нарушены, а также лица, нарушившего или оспаривающего это право или интерес, и принудительное взыскание в том случае, если вынесенное по делу судебное решение не исполняется в добровольном порядке. Внесудебное урегулирование спора осуществляется самими сторонами путем взаимных уступок и компромисса и облекается в форму гражданско-правового соглашения, которое должно быть исполнено добровольно. Конечно, спорщики могут

обратиться за урегулированием конфликта к посреднику, в качестве которого может выступать любое лицо, чьему мнению они доверяют. Посредником может быть и медиатор. Однако в любом случае результатом внесудебного урегулирования будет гражданско-правовое соглашение, субъектами которого являются только сами стороны. В отличие от судебного решения или определения суда об утверждении мирового соглашения (судебное примирение) публично-правовыми свойствами соглашение об урегулировании спора не обладает – принудительно исполнено внесудебное соглашение быть не может.

От института внесудебного урегулирования гражданско-правовых конфликтов необходимо отличать внесудебное взыскание. Оно имеет принудительный характер и осуществляется минуя судебную систему. Внесудебное взыскание, разумеется, представляет собой крайне неблагоприятную для должника меру и имеет социально опасный характер. Оно возможно только в одном случае – при использовании исполнительной надписи нотариуса. Но для этого необходимо соблюсти ряд условий. Первое касается требований, по которым возможно принудительное взыскание по исполнительной надписи нотариуса. Они перечислены в ст. 90 Основ законодательства РФ о нотариате¹. Также постановлением Правительства РФ² установлено, что взыскание по исполнительной надписи нотариуса возможно по договорам хранения и проката.

АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТА О РАСШИРЕНИИ ПЕРЕЧНЯ ТРЕБОВАНИЙ, ПО КОТОРЫМ ВОЗМОЖНО ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ВЗЫСКАНИЕ ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА

Как видно, закон не содержит указания на то, что взыскание по исполнительной надписи нотариуса допускается по договорам в сфере жилищно-коммунального обслуживания. Несмотря на это, одной из последних законодательных инициатив стало представление

в Государственную Думу РФ законопроекта о внесудебном взыскании с граждан и организаций задолженностей в сфере жилищно-коммунальных услуг посредством исполнительной надписи нотариуса. Предлагается дополнить ст. 90 Основ законодательства о нотариате указанием на данные требования. Эта инициатива представляется неоднозначной по следующим причинам.

Прежде всего, как отмечено авторами законопроекта в пояснительной записке, «спецификой отрасли жилищно-коммунального хозяйства является широко распространенная практика заключения договоров, в том числе на поставку коммунальных ресурсов, не в письменной форме, а посредством совершения конклюдентных действий. У граждан отсутствует обязанность предоставлять сведения о себе, включая персональные данные. В связи с чем взыскатель часто не обладает актуальной информацией, позволяющей идентифицировать должника»³. Однако этот аргумент кажется сомнительным, поскольку право собственности на жилое помещение, как известно, подлежит государственной регистрации. Соответственно, проблем с определением собственника недвижимого имущества благодаря этому нет. В научной литературе также отмечается, что совершение нотариальных исполнительных надписей – удобный для кредитора способ защиты своих прав [1, с. 58]. Однако удобство кредитора не должно снижать уровень конституционно-правовых гарантий соблюдения прав должника.

В законопроекте сказано, что «особый порядок совершения исполнительной надписи для такой задолженности обеспечивает высокий уровень защиты прав должника». Это весьма спорно. Конечно, внесудебное взыскание может быть оспорено посредством обращения в суд. Но денежные средства уже списаны со счетов должника, который, если докажет незаконность взыскания, вынужден будет в судебном порядке возвращать «свое». И еще неизвестно, учитывая, что далеко не

1 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357.

2 Об утверждении перечня документов, по которым взыскание задолженности производится в беспорядке на основании исполнительных надписей : постановление Правительства РФ от 01.06.2012 № 543 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24, ст. 3181.

3 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (об исполнительной надписи нотариуса при взыскании задолженности в сфере жилищно-коммунального хозяйства) : законопроект № 680171-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/680171-8> (дата обращения: 26.01.2025).

все граждане обладают необходимыми для защиты своих прав юридическими знаниями, добьется ли успеха. Все это противоречит конституционному положению, согласно которому никто не может быть лишен принадлежащего ему имущества иначе как по решению суда (ст. 35 Конституции РФ).

Не следует забывать и о действующем в российском цивилистическом судопроизводстве принципе состязательности⁴. В случае внесудебного взыскания денежных средств должника сначала лишают принадлежащего ему имущества (причем на основании НЕСудебного акта), а потом предоставляют возможность доказать, что лишили его этого имущества незаконно, в то время как управляющая компания сама должна доказывать обоснованность заявленных ею требований.

Оппоненты могут парировать тем, что точно такая же ситуация складывается и при рассмотрении требования управляющей компании о взыскании задолженности в приказном порядке (как это происходит в настоящее время в соответствии со ст. 122 ГПК РФ). Но аналогии здесь нет. Приказное производство – это правосудие. Взыскание по вступившему в законную силу судебному приказу законно, поскольку в полной мере отвечает ст. 35 Конституции РФ. При этом заявление должником возражения относительно вынесенного судебного приказа является безусловным основанием к его отмене.

Но что еще важнее – если судебный приказ подлежит безоговорочной отмене на основании простого возражения должника (по действующему гражданско-процессуальному законодательству он не обязан предоставлять суду какие-либо доказательства, обосновывающие его несогласие с приказом), то в соответствии с законопроектом для отмены исполнительной надписи нотариуса должник должен в течение семи дней с даты доставки ему уведомления представить нотариусу доказательства, подтверждающие факт исполнения нарушенного обязательства или

⁴ Пункт 1 ст. 56 ГПК РФ устанавливает: «Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом».

принятие судом к своему производству спора, предметом которого является задолженность, для взыскания которой взыскатель обратился к нотариусу за совершением исполнительной надписи (ч. 5 ст. 94.5 законопроекта). Возникают закономерные вопросы: а если у должника имеются иные причины несогласия с внесудебным взысканием с него задолженности? почему именно должник должен обращаться в суд и с каким требованием, если он сам является стороной, нарушившей обязательство по оплате коммунальных услуг? Обращаться в суд должно лицо, чье право или законный интерес нарушены⁵.

Согласно буквальному толкованию законопроекта при отсутствии судебного производства по данному требованию и обоснований должником его несогласия с принудительным списанием с него долга он все равно будет во внесудебном порядке лишен своих средств, а уже после ему нужно будет самому обращаться в суд с иском заявлением об оспаривании действий нотариуса и возвращать свои деньги. Это крайне неблагоприятная ситуация для гражданина. Помимо этого, если потребитель и докажет незаконность внесудебного взыскания, какое-то время его денежные средства будут неправомерно находиться у третьих лиц (управляющей компании). Следовательно, можно вести речь о возмещении потребителю полученного им в этой связи имущественного ущерба. Об этом пишет, например, А.А. Мишин [3, с. 137].

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Чрезвычайно важно, что договоры на обслуживание в сфере ЖКХ, действительно, довольно часто не заключаются в письменной форме и, соответственно, не содержат условия о применении к данным отношениям

⁵ Как известно, «отличительная черта гражданских прав состоит в том, что они предоставлены в полное распоряжение своих обладателей. ...Каждый волен осуществлять свое частное право или не осуществлять, сохранять его за собою или отрекаться от него, требовать признания его обязанными лицами или мириться с неисполнением ими соответствующих его прав обязанностей» [2, с. 95–96].

института внесудебного взыскания посредством исполнительной надписи нотариуса. А это согласие, в силу действующего законодательства, необходимо. В самом законопроекте это указано, его разработчики предлагают дополнить ст. 90 Основ законодательства РФ о нотариате соответствующим пунктом⁶. Непонятно только, как нотариусы приступят к исполнению своих обязанностей, поскольку в действующих договорах в сфере ЖКХ такого условия нет, а значит, взыскание уже сформированной на сегодняшний день задолженности по исполнительной надписи нотариуса по ним будет незаконным. Следовательно, придется разрабатывать новые формы договоров на обслуживание в сфере ЖКХ. Граждане и организации должны будут принять содержащееся в них условие о внесудебном взыскании с них задолженностей. Для этого необходимо будет довести до их сведения информацию об изменении условий договоров. Это возможно путем ее размещения в СМИ, на соответствующих сайтах и т. п.

Но как быть, если потребители жилищно-коммунальных услуг не захотят подписать такой договор? Думается, что принудить их к этому невозможно⁷. Представляется, здесь можно провести известную параллель с применением условия о принудительном взыскании через исполнительную надпись нотариуса.

Конечно, направление потребителю жилищно-коммунальных услуг извещения о

⁶ Авторы законопроекта предлагают дополнить ст. 90 Основ законодательства РФ о нотариате следующим пунктом: «договоры, на основании которых в соответствии с жилищным законодательством подлежит внесению плата за жилое помещение и коммунальные услуги собственниками или пользователями помещений в многоквартирных домах и собственниками или пользователями в жилых домах (далее – должник), в случае неисполнения ими обязательств по их оплате в сроки, установленные в указанных договорах, и при наличии в таких договорах условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса».

⁷ Например, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в свое время в одном из дел указал, что «так называемую третейскую оговорку банк внес в договор без ведома клиента, фактически оставив его без права выбора. Законодательство запрещает включать в формуляры условия, выгодные одной стороне, но обременительные для другой, резюмировали арбитры» (Банкирам запретили навязывать третейские суды [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buhgalteria.ru/news/bankiram-zapretili-navyazyvat-treteyskie-sudy.html> (дата обращения: 25.01.2025)).

включении в договор условия о внесудебном взыскании посредством исполнительной надписи нотариуса дает ему, как и, например, клиенту банка, право не принять (не согласовать) новое условие. Однако клиент банка может обратиться в кредитное учреждение, которое не практикует внесудебное взыскание задолженности, а в сфере ЖКХ у гражданина нет альтернативы. Он не сможет обойтись без предоставления ему жилищно-коммунальных услуг, поэтому фактически ставится в безвыходное положение и будет вынужден согласиться на внесудебное взыскание. Необходимо учитывать, что фактически в случае принуждения граждан и организаций заключать договоры, содержащие условие о применении исполнительной надписи нотариуса, происходит ограничение их конституционного права на обращение за судебной защитой.

Кроме того, в законопроекте закреплено, что «в случае, если у взыскателя отсутствует заключенный в письменной форме договор, указанный в пункте 24 статьи 90 настоящих Основ, о взыскании задолженности по которому он обратился за совершением исполнительной надписи, в своем заявлении взыскатель должен указать реквизиты нормативного правового акта, которым утверждена типовая форма такого договора, содержащая условие о возможности совершения исполнительной надписи для взыскания задолженности». Однако утверждение типовой формы договора не равно факту его заключения.

Порядок взыскания задолженности по жилищно-коммунальным платежам в случае появления возможности совершения исполнительной надписи нотариуса по ней

Интересно, что К.А. Корсик пишет о «процессуальной форме совершения нотариусом исполнительной надписи», что, по его мнению, предполагает наличие у нотариуса знаний в области конфликтологии [4, с. 174]. Безусловно, наличие у нотариуса специальных знаний в сфере психологии, конфликтологии следует приветствовать. Вместе с тем законопроект о внесудебном взыскании за-

долженностей по жилищно-коммунальным платежам не предусматривает никакой процессуальной формы взаимодействия нотариуса и должника⁸. Как видно, знания в области конфликтологии нотариусу в данном случае некуда будет приложить.

Таким образом, в случае неисполнения гражданином лежащих на нем обязанностей по платежам в сфере ЖКХ возникает следующая ситуация. Управляющая компания обращается к нотариусу с требованием о совершении в отношении гражданина исполнительной надписи по взысканию с него образовавшейся задолженности. Здесь необходимо учитывать, что требование управляющая компания вправе предъявить лишь в случае, если со дня, когда обязательство должно было быть исполнено, прошло не более двух лет (п. 2 ст. 91 Основ законодательства РФ о нотариате). Также следует учесть, что в соответствии с законом о нотариальной деятельности представленные управляющей компанией документы должны подтверждать бесспорность требований взыскателя к должнику (п. 1 ст. 91 Основ законодательства РФ о нотариате). Например, если между управляющей компанией и должником существовала внесудебная переписка по поводу задолженности, которую потребитель в этих письмах оспаривал, следует делать вывод о наличии между сторонами спора о праве и в совершении исполнительной надписи отказывать. Должник извещается нотариусом о совершении в отношении него исполнительной надписи. При поступлении в установленный срок письменных возражений должника относительно заявленного взыскателем расчета задолженности, для

⁸ В законопроекте сказано лишь о том, что «на нотариуса возлагается обязанность предварительно, до совершения исполнительной надписи, уведомлять должника о поступившем требовании взыскателя, предоставив должнику срок для ответного реагирования (частичное или полное погашение задолженности, направление возражений нотариусу относительно представленного расчета задолженности, подача искового заявления в суд)». Согласно законопроекту исполнительная надпись не совершается, если нотариусу поступили письменные возражения должника.

взыскания которой он обратился к нотариусу за совершением исполнительной надписи, исполнительная надпись не совершается. Должник вправе обжаловать задолженность, указанную в исполнительной надписи нотариуса, в судебном порядке в соответствии с положениями гражданского процессуального законодательства в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении исполнительной надписи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно, нотариус становится некой «промежуточной инстанцией» (к тому же платной) на пути взыскателя в суд. Не совсем ясно, на чьи плечи ляжет оплата услуг нотариуса. Если в настоящее время взыскатель напрямую обращается к мировому судье за выдачей судебного приказа, который должник может потребовать отменить, при условии принятия анализируемого законопроекта сначала взыскатель должен обратиться к нотариусу, после чего, при условии поступления от должника возражений (а они, как показывает практика, поступают в большинстве случаев), ему надлежит обратиться в суд.

Полагаю, что поскольку нотариус – это не судья, то возражения на его исполнительную надпись будут поступать чаще, чем на судебный приказ. В представлении должников нотариус не является представителем власти, а значит, возражать будут чаще и смелее, нежели на судебные акты, коими являются судебные приказы. Поэтому может получиться так, что дел о взыскании задолженностей по налогам, обязательному страхованию, ЖКХ и т. п. будет не меньше, а больше, и рассматриваться они в основном будут уже не в порядке упрощенного приказного производства, а в рамках общего искового производства – с длительной и сложной процедурой и большими сроками. В результате, на мой взгляд, произойдет не разгрузка, а дополнительная загрузка судебной системы, впрочем, и нотариусов тоже.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гончаров А.И. Придание исполнительной силы долговым и платежным документам: порядок нотариальных действий / А.И. Гончаров, М.В. Гончарова // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 57–65.
2. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский ; под ред. В.А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2003. – 464 с.
3. Мишин А.А. Гражданско-правовая ответственность в исполнительном, третейском и нотариальном производстве / А.А. Мишин // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 4. – С. 136–140.
4. Корсик К.А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов / К.А. Корсик // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 11 (132). – С. 174–179.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права, главный научный сотрудник.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 21.05.2025.
The article was submitted 19.04.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.

REFERENCES

1. Goncharov A.I., Goncharova M.V. Giving Executive Power to Documents of Indebtedness and Payment: The Order of Notarial Procedures. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 57–65. (In Russian).
2. Vaskovsky E.V.; Tomsinov V.A. (ed.). Textbook of Civil Procedure. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 464 p.
3. Mishin A.A. Civil Responsibility in Execution, Arbitration and Notarial Process. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2010, vol. 152, no. 4, pp. 136–140. (In Russian).
4. Korsik K.A. Notary's Enforcement Inscription as a Way to Resolve Legal Conflicts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 11 (132), pp. 174–179. (In Russian).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.7

Original article

АКИЕВ Арби Русланович
Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: melhi530@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

AKIEV Arbi Ruslanovich
Saint Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THEORETICAL AND APPLIED FOUNDATIONS OF CRIMINALISTIC SUPPORT FOR THE
PREVENTION OF CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Автор анализирует исторические предпосылки формирования теории (учения) криминалистического предупреждения преступлений, выделяет дискуссионные вопросы, возникающие при трактовке терминологии и содержания данного направления правоохранительной деятельности. Цель работы – определение понятия и системы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних в целях ее прикладного использования. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: диалектический, формальной логики (анализа, синтеза, индукции, дедукции), исторический, системный, сравнительный, герменевтический и др. Результаты: на основе анализа представленных в криминалистической науке позиций отдельных ученых и проведенного исследования автор предлагает собственное видение криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, выделяет структурные элементы такой системы, включая задачи, субъекты предупреждения, объекты предупредительного воздействия, а также криминалистические ситуации и соответствующие

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of criminalistic support for the prevention of crimes against the family and minors. The author analyzes the historical prerequisites for the formation of the theory (doctrine) of criminalistic crime prevention, highlights controversial issues in the interpretation of terminology and content of this area of law enforcement. The purpose of the work is to define the concept and system of criminalistic support for the prevention of crimes against the family and minors in order to apply it. The methodological basis of the research is made up of general scientific and specific scientific methods: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction), historical, systemic, comparative research, hermeneutical, etc. Results: based on the analysis of the positions of individual scientists presented in criminalistic science and the conducted research, the author proposes his own vision of criminalistic support for the prevention of crimes against the family and minors, and also identifies the structural elements of such a system, including tasks, subjects of prevention, objects of preventive impact, as well as criminalistic situations and appropriate means, methods and technologies of criminalistic prevention. The article argues the need to modernize existing techniques for analyzing criminalistically significant information, to increase

© Акиев А.Р., 2025

средства, методы и технологии криминалистического предупреждения. Аргументируется необходимость модернизации существующих методик анализа криминалистически значимой информации, повышения профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов в данной области, активного использования информационных технологий и усиления межведомственного взаимодействия в целях минимизации рецидивной преступности и обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, криминалистическое предупреждение преступлений, криминалистическая профилактика, криминалистическая превенция, преступления против семьи и несовершеннолетних, причины и условия преступлений, субъекты предупреждения преступлений, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Акиев А.Р. Теоретико-прикладные основы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних / А.Р. Акиев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 59–67.

the professional training of law enforcement officers in this area, to actively use information technology and to strengthen interagency cooperation in order to minimize recidivism and ensure effective protection of the rights and legitimate interests of the family and minors.

Keywords: criminalistic support, criminalistic crime prevention, criminalistic deterrence, criminalistic prevention, crimes against the family and minors, causes and conditions of crimes, subjects of crime prevention, interagency cooperation

For citation: Akiyev A.R. Theoretical and Applied Foundations of Criminalistic Support for the Prevention of Crimes Against the Family and Minors. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 59–67. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.7.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема применения криминалистических средств и методов в превентивных целях имеет глубокие исторические корни в отечественной криминалистике. Еще в первой половине XX столетия И.Н. Якимов, А.И. Винберг и Б.М. Шавер обосновали необходимость использования криминалистического инструментария не только для раскрытия совершенных преступлений, но и для их предупреждения. В последующем вопросам криминалистического предупреждения преступлений в своих работах уделяли внимание Р.С. Белкин, Г.Ф. Горский, В.В. Вандышев, В.Ф. Зудин и другие ученые. И хотя отдельные исследователи того периода (например, А.Н. Васильев, И.Ф. Пантелеев) занимали критическую позицию по вопросу о включении предупреждения преступлений в систему криминалистической деятельности, она не нашла широкой поддержки в научном сообществе, и криминалистическое предупреждение обрело форму самостоятельного учения в системе криминалистической науки.

Несмотря на возросший в последние десятилетия научный интерес к криминалистическому предупреждению преступлений, многие его теоретические аспекты, включая базовые понятия и термины, остаются дискуссионными. Как справедливо отметили И.М. Комаров и Е.И. Ян, данное обстоятельство затрудняет работу правоохранительных органов «по причине невозможности единообразного толкования субъектами применения положений нормативных актов» [1, с. 185]. Кроме того, неразрешенность базовых теоретических вопросов порождает в научной среде скептические оценки, включая утверждения о «мифичности» [2, с. 57] криминалистической профилактики. Хотя приводимые в обоснование данного суждения доводы небесспорны, очевидна необходимость в разработке четких теоретико-прикладных основ для эффективного использования криминалистических средств и методов предупреждения преступлений, включая их специализацию по отдельным группам и видам деяний.

Анализ многочисленных научных работ позволил выделить несколько терминов, наи-

более часто используемых учеными при обозначении, по сути, одного и того же направления криминалистической деятельности: «криминалистическое предупреждение преступлений» [3], «криминалистическая профилактика» [4], «криминалистическое предотвращение преступлений» [5], «криминалистическая превенция» [6; 7; 8]. При этом нужно отметить отсутствие единого подхода к соотношению терминов «профилактика», «предотвращение» и «предупреждение» и в различных нормативных правовых актах. Так, в УК РФ чаще используется термин «предупреждение» (ст. 2, 43, 98), а в ведомственных нормативных актах МВД России – «профилактика»¹. Признавая использование в юридической литературе обозначенных терминов как синонимов, в рамках данного исследования отдадим приоритет термину «криминалистическое предупреждение преступлений» с учетом его корреляции с современной дефиницией объекта криминалистики, включающего в себя деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению противоправных деяний.

Понятие криминалистического предупреждения преступлений

Другим дискуссионным вопросом является определение понятия криминалистического предупреждения преступлений. В литературе представлено несколько концептуальных подходов к его трактовке.

1. Криминалистическое предупреждение как элемент системы мер предупреждения преступности в целом. Сторонниками данного подхода (И.И. Иванов, А.В. Варданян, Е.П. Ищенко, В.А. Топорков и др.) криминалистическое предупреждение рассматривается как составная часть более широкой системы мер, направленных на профилактику преступлений.

2. В контексте уголовно-правовых наук криминалистическое предупреждение преступлений рассматривается как сложная и

многоуровневая система, включающая государственные и общественные меры, направленные на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий, способствующих возникновению преступности как в целом, так и в отношении отдельных видов и конкретных преступных деяний, в том числе в части предотвращения рецидивной преступности [9, с. 439]. Криминалистические средства и методы в этой системе играют важную роль, обеспечивая практическую реализацию соответствующих мер.

3. Криминалистическое предупреждение как система научных положений, теория или учение. В рамках данного подхода криминалистическое предупреждение рассматривается как комплекс знаний, разработанных криминалистикой для установления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятия мер по их устранению. Эта концепция не только раскрывает теоретические основы криминалистического предупреждения, но и определяет его практическую значимость, включая создание специальных инструментов, технологий и алгоритмов для профилактики отдельных категорий преступлений. Обозначенный подход представлен в работах М.Ш. Махтаева, А.А. Бессонова, М.В. Стояно вского и ряда других авторов.

4. Четвертый подход связан с определением криминалистического предупреждения как самостоятельного вида (направления) криминалистической деятельности (процессуальной и непроцессуальной) с соответствующей системой действий субъектов такой деятельности [10]. Этот подход имеет выраженную практическую направленность и связан с уточнением особенностей криминалистического предупреждения конкретных видов преступлений. Кроме того, он содержательно взаимосвязан с криминалистическим обеспечением деятельности по предупреждению преступлений, в том числе их отдельных групп и видов.

Понятие криминалистического обеспечения деятельности по предупреждению преступлений также неоднократно становилось предметом научного анализа в трудах ученых-криминалистов. Так, М.Ш. Махтаев предложил определять его как «систему криминалистических знаний и основанных на них умений и навыков сотрудников правоохран-

¹ См., например: О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений : приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 ; Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России : приказ МВД России от 29.09.2022 № 715 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельных органов и спецслужб по применению научных рекомендаций, средств и методов криминалистики в целях профилактики преступлений» [11, с. 12]. В данном определении акцент сделан на прикладном характере криминалистического обеспечения.

В последние годы значительное внимание общетеоретическим аспектам криминалистического обеспечения предупреждения преступлений уделяет А.Р. Лонцакова. В своих работах [12; 13] она исследует структуру, методы, функции и принципы данного направления, анализирует его роль в современных условиях противодействия преступности. Однако некоторые ее выводы (например, касающиеся принципов и функций криминалистического обеспечения) носят обобщенный характер и в равной степени применимы к любой криминалистической теории (учению).

С учетом изложенного представляется возможным определить криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних как элемент системы предупреждения преступлений рассматриваемой группы в целом, представляющий собой разработку и совершенствование криминалистикой средств, методов и технологий предотвращения и профилактики таких деяний, а также их внедрение и прикладную реализацию в работе органов предварительного расследования и других субъектов криминалистической деятельности. Важно в данном случае подчеркнуть, что эффективность профилактической работы зависит от комплексного подхода, сочетающего теоретические знания, практические навыки и тесное взаимодействие между различными субъектами такой деятельности.

СИСТЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Значимость криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, а также преступлений, совершенных несовершеннолетними, неоднократно подчеркивалась в криминалистической литературе [14; 15; 16; 17; 18]. Анализ представленных позиций и результаты проведенного нами исследования позволяют выделить в системе криминалистиче-

ского предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних следующие структурные элементы:

- задачи криминалистического предупреждения;
- субъекты и участники криминалистического предупреждения;
- объекты предупредительного воздействия, включая обстоятельства, способствующие совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних;
- криминалистические ситуации, требующие принятия предупредительных мер;
- криминалистические меры, средства, методы и технологии предупреждения преступлений.

Касательно первого из обозначенных структурных элементов предлагаемой нами системы – задач криминалистического предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних – следует признать вполне обоснованным их деление в научной литературе на научные и прикладные. Ключевое значение здесь будет иметь их детализация применительно к рассматриваемой группе преступлений. Наряду с этим необходимо признать сложность создания исчерпывающего перечня задач предупреждения преступлений, в том числе отдельных групп и видов, в силу динамики общественных процессов и постоянного появления новых факторов, способствующих тем или иным преступным проявлениям, на что справедливо указывают И.М. Комарова и Е.И. Ян [1].

С учетом изложенного можно выделить три основные группы задач криминалистического предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

1. Научные задачи, включающие задачи по дальнейшему развитию теоретических основ криминалистического предупреждения преступлений рассматриваемой группы, криминалистическому прогнозированию обстоятельств, способов и факторов, благоприятствующих таким преступлениям, и их систематизацию, а также по разработке и апробации новых криминалистических методов и технологий.

2. Организационно-прикладные задачи, включающие в себя задачи по своевременному обеспечению правоохранительных органов методическими и информационными

ресурсами, по координации взаимодействия между следственными, оперативными и другими подразделениями правоохранительных органов, а также с государственными и общественными институтами в целях предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, по обобщению практики и обмену накопленным положительным опытом между различными подразделениями правоохранительных органов, в том числе использование данного опыта в профилактике отдельных видов преступлений против семьи и несовершеннолетних.

3. Конкретно-прикладные задачи криминалистического предупреждения, включающие в себя задачи по установлению в ходе расследования обстоятельств, способствовавших совершению преступления, задачи по определению сроков, субъектов, объектов воздействия, круга профилактических мер и периодичности их применения, задачи по оценке эффективности применения мер криминалистического предупреждения в каждом конкретном случае.

Субъектами решения научных задач выступают ученые-криминалисты, научные коллективы, научные и научно-образовательные учреждения и организации, вузовские исследовательские центры, а также институты повышения квалификации, обеспечивающие интеграцию новых технологий в практику. В то же время решение организационно-прикладных и конкретно-прикладных задач в ходе и (или) по результатам расследования уголовных дел возлагается на лиц, производящих предварительное расследование, руководителей правоохранительных органов и их отдельных структурных подразделений. При этом конкретные меры криминалистического предупреждения могут реализовываться как непосредственно следователем (дознателем), так и иными участниками расследования по его поручению. В этом, помимо прочего, и проявляется руководящая роль следователя, реализуемая через «побуждение других участников расследования к выполнению своих функций» [19, с. 100].

Помимо следователей, дознавателей и их руководителей, к субъектам и участникам криминалистического предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолет-

них можно отнести экспертов, специалистов, экспертные учреждения и организации, оперативно-розыскные подразделения, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и их сотрудников, службу участковых уполномоченных полиции, другие подразделения правоохранительных органов (например, подразделения по противодействию экстремизму, киберпреступлениям и др.), а также государственные и муниципальные органы (опеки, социальной защиты, образования) и общественные организации (фонды помощи семьям, НКО, занимающиеся защитой прав детей).

Объект предупредительного воздействия (предупредительной деятельности) в ходе или по итогам расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних представляет собой особую категорию, выделяемую в рамках уголовно-правовых наук. Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, такие объекты отличаются значительным разнообразием и включают в себя общество в целом, отдельные социальные слои и группы населения, трудовые и учебные коллективы, малые неформальные группы, личность (в частности, ее особенности, способные спровоцировать преступное поведение). Отдельное и особое место среди объектов предупредительной деятельности автор отводит семье, что обусловлено «совершением значительного количества преступлений в семейно-бытовой сфере, особенно преступлений насильственного характера, и тем, что большинство преступников получают первичную негативную социализацию именно в семье, что в дальнейшем может стать стимулом к совершению преступлений» [20, с. 25].

С учетом специфики криминалистического предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних можно выделить следующие объекты предупредительного воздействия:

- обстоятельства (причины и условия), способствующие совершению преступлений рассматриваемой группы (конфликты, насилие, асоциальный образ жизни родителей, недостатки в работе органов опеки, социальных служб и сотрудников правоохранительных органов и др.);

- личность и поведение преступника, а также лиц с антисоциальными установка-

ми (индивидуально-психологические особенности лиц, склонных к совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, например, педофилы, члены криминальных субкультур и групп, вовлекающие несовершеннолетних в противоправную деятельность);

- личность и поведение потенциальных жертв, их ближайшего окружения (безнадзорные дети, родители, опекуны, родственники, сожитель одного из родителей несовершеннолетнего);

- малые социальные группы (семейное окружение, неформальные группы подростков, учебные или спортивные коллективы и пр.);

- крупные социальные группы и сообщества (педагогические сообщества, пользователи интернета и социальных сетей и пр.);

- органы государственной и муниципальной власти, ответственные за защиту семьи, материнства и детства (органы опеки и попечительства, образовательные и социальные учреждения и др.);

- организации, контролирующие информационное пространство (редакции СМИ, администрация социальных сетей, мессенджеров, провайдеры интернет-услуг и пр.);

- подразделения или должностные лица правоохранительных органов, ответственных за противодействие правонарушениям, включая преступления в сфере семейных отношений и прав несовершеннолетних (сотрудники ПДН, участковые уполномоченные полиции и пр.).

Криминалистические ситуации, требующие принятия предупредительных мер, играют ключевую роль в разработке и реализации соответствующих криминалистических средств, методов и технологий таких действий в связи с расследованием преступлений против семьи и несовершеннолетних. Анализ ч. 2 ст. 158 УПК РФ показывает, что законодатель связывает принятие предупредительных мер преимущественно с завершающим этапом расследования. Однако согласно результатам проведенного нами опроса более 70 % респондентов² сталкивались с необходимостью принятия профилактических мер уже на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении против интересов семьи

и несовершеннолетних. Например, в связи с поступлением следователю (дознавателю) криминалистически значимой информации, указывающей на высокую вероятность совершения новых преступлений тем же лицом либо в отношении аналогичных жертв (семейное насилие, серийные преступления против несовершеннолетних в определенном районе, вовлечение несовершеннолетних в деструктивные группы через интернет и др.). Следовательно, динамичный характер следственных ситуаций может потребовать принятия превентивных мер на любой стадии производства по уголовному делу, а не только на завершающем этапе.

Самостоятельным видом криминалистических ситуаций предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних выступают постследственные ситуации. Они связаны с анализом и обобщением данных о причинах и условиях совершения преступлений, разработкой профилактических мер для предотвращения аналогичных деяний в будущем. При этом органами следствия или дознания обобщаются и анализируются данные, полученные по итогам расследования одного или группы уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних. Решение о применении мер предупредительного воздействия в таких ситуациях, как правило, принимает руководитель органа предварительного расследования, а реализуемые меры направлены на широкое информирование и воспитательно-психологическое воздействие на население и отдельные социальные группы.

Криминалистический инструментарий предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних включает в себя комплекс мер (действий, мероприятий), средств, методов и технологий, используемых в целях выявления, нейтрализации и устранения причин и условий, способствующих совершению рассматриваемой группы преступлений, к числу которых можно отнести: сбор информации о лицах, склонных к совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, и проведение с ними профилактической работы; выявление фактов ненадлежащего выполнения обязанностей по воспитанию детей, лиц, занимающихся вовлечением несо-

² Опрошено 570 сотрудников органов предварительного следствия и дознания, имеющих опыт расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних.

вершеннолетних в совершение противоправных действий; информирование населения об ответственности за совершение противоправных действий в отношении несовершеннолетних и формирование негативного отношения к такого рода действиям; использование биометрических систем распознавания для контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете (например, педофилов); использование геоинформационных систем в географическом профилировании [21] для моделирования пространственных перемещений преступника и оптимизации маршрутов патрулирования сотрудниками правоохранительных органов; использование других мер и технологий в целях предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для повышения эффективности системы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних необходимо учитывать ряд дополнительных аспектов.

Во-первых, требуется совершенствование методов криминалистического анализа информации, связанной с преступлениями против семьи и несовершеннолетних. Это включает разработку и внедрение специализированных программных продуктов для обработки больших объемов данных, выявления латентных связей и закономерностей, характеризующих рассматриваемые преступления. Особое внимание следует уделять анализу информации, полученной из интернет-пространства, в том числе социальных сетей и тематических сообществ, где могут распространяться деструктивные идеи и происходить вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Во-вторых, существенным фактором повышения эффективности криминалистического предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних является повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность в данной сфере. Необходимы разработка и внедрение специализированных программ повышения квалификации, включающих изучение психологии несовершеннолетних, особенностей семейно-бытовых конфликтов, методов выявления и пресечения преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

В-третьих, необходимо активное вовлечение общественности в процесс предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних.

В целом система криминалистического обеспечения предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних представляет собой сложный и многогранный комплекс, включающий задачи, субъекты, объекты воздействия, криминалистические ситуации и инструментарий профилактики. Эффективность данной системы напрямую зависит от интеграции теоретических разработок в практическую деятельность, повышения межведомственного взаимодействия, использования современных информационных технологий, повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и активного вовлечения общественности в процесс предупреждения преступлений. Лишь комплексный подход, учитывающий все перечисленные факторы, позволит не только устранить условия для совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних, но и минимизировать рецидивность таких деяний, обеспечивая тем самым защиту прав и законных интересов семьи и несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комаров И.М. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений / И.М. Комаров, Е.И. Ян // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (89). – С. 182–192.
2. Зайнуллин Р.И. Криминалистическая профилактика – миф или реальность? / Р.И. Зайнуллин // Криминалист. – 2023. – № 4 (45). – С. 53–58.

REFERENCES

1. Komarov I.M., Yan E.I. Concept, Content, Methodology and Objectives of Criminalistic Crime Prevention. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (89), pp. 182–192. (In Russian).
2. Zainullin R.I. Forensic Prevention – A Myth or Reality? *Criminalist*, 2023, no. 4 (45), pp. 53–58. (In Russian).

3. Грибунов О.П. Теоретические основы и практика реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности / О.П. Грибунов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 3-2. – С. 14–21.
4. Бессонов А.А. Основные теоретические положения криминалистической профилактики / А.А. Бессонов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 2 (16). – С. 148–154.
5. Кузнецов А.П. Криминалистические меры по предотвращению террористических проявлений на объектах транспортной инфраструктуры / А.П. Кузнецов // Российская юстиция. – 2015. – № 7. – С. 61–63.
6. Варданян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности / А.В. Варданян // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 169–173.
7. Иванов И.И. Криминалистическая превенция : комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.И. Иванов. – Санкт-Петербург, 2004. – 418 с.
8. Андреев А.С. Криминалистическая превенция преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, в процессе раскрытия и расследования преступлений / А.С. Андреев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 56–64.
9. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2005. – 910 с.
10. Подольный Н.А. Криминалистическая профилактика преступлений, совершаемых молодежными организованными группировками / Н.А. Подольный // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 74–80.
11. Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / М.Ш. Махтаев. – Москва, 2001. – 40 с.
12. Лонщакова А.Р. Системообразующие факторы, определяющие особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений / А.Р. Лонщакова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 1 (188). – С. 387–389.
13. Лонщакова А.Р. Теоретические и методологические основы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в условиях цифровой трансформации общества / А.Р. Лонщакова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2 (189). – С. 375–377.
14. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних / Л.Л. Каневский. – Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1991. – 288 с.
15. Макаренко И.А. Цели и методы исследования информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого / И.А. Макаренко // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2 (36). – С. 38–41.
16. Халиков А.Н. Функция предупреждения преступлений при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних / А.Н. Халиков // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2. – С. 96–102.
17. Аксенова-Сорохтей Ю.Н. Частное криминалистическое учение о профилактике преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Н. Аксенова-Сорохтей. – Воронеж, 2011. – 27 с.
18. Куемжиева С.А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / С.А. Куемжиева. – Краснодар, 2020. – 496 с.
3. Gribunov O.P. Theoretical Bases and Practice of Realization of the Criminalistic Prevention of Extremist Crimes. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2017, no. 3-2, pp. 14–21. (In Russian).
4. Bessonov A.A. General Theory of Criminalistic Prevention. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya = Investigation of Crimes: Problems and Solution*, 2017, no. 2 (16), pp. 148–154. (In Russian).
5. Kuznetsov A.P. Investigative Steps to Prevent Terrorism Manifestations on Transport Infrastructure Facilities. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2015, no. 7, pp. 61–63. (In Russian).
6. Vardanyan A.V. Crime Prevention in the System of State Measures for Crime Prevention. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2018, no. 430, pp. 169–173. (In Russian).
7. Ivanov I.I. Forensic Prevention: A comprehensive study of the Genesis, Status, and Prospects. *Doct. Diss. Saint Petersburg*, 2004. 418 p.
8. Andreev A.S. Forensic Prevention of Crimes Committed in the Context of Post-Criminal Counteraction in the Process of Disclosure and Investigation of Crimes. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2019, no. 4, pp. 56–64. (In Russian).
9. Dolgova A.I. (ed.). *Criminology: A Textbook for Universities*. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 910 p.
10. Podol'nyy N.A. Criminalistic Prevention of Crimes Committed by Youth Organized Groups. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 74–80. (In Russian).
11. Makhtaev M.Sh. Problems of Criminalistic Support for Crime Prevention. *Doct. Diss Thesis. Moscow*, 2001. 40 p.
12. Lonshchakova A.R. System-Forming Factors Determining the Features of Criminalistic Crime Prevention. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2024, no. 1 (188), pp. 387–389. (In Russian).
13. Lonshchakova A.R. Theoretical and Methodological Foundations of Criminalistic Crime Prevention in the Context of Digital Transformation of Society. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2024, no. 2 (189), pp. 375–377. (In Russian).
14. Kanevsky L.L. Criminalistic Problems of Investigation and Prevention of Crimes of Minors. *Krasnoyarsk University Publ.*, 1991. 288 p.
15. Makarenko I.A. Goals and Methods of Investigation of the Information about Personality of the Underage Accused. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2014, no. 2 (36), pp. 38–41. (In Russian).
16. Khalikov A.N. Crime Prevention Function in the Investigation of Criminal Cases Involving Minors. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 96–102. (In Russian).
17. Aksenova-Sorokhtey Yu.N. Private Forensic Doctrine on the Prevention of Juvenile Crimes. *Cand. Diss. Thesis. Voronezh*, 2011. 27 p.
18. Kuemzhieva S.A. Conceptual Foundations of a Group Methodology for Investigating Crimes Against the Family and Minors. *Doct. Diss. Krasnodar*, 2020. 496 p.

19. Зеленский В.Д. К вопросу о понятии руководства предварительным расследованием / В.Д. Зеленский // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3. – С. 98–103.

20. Антонян Ю.М. Общая концепция предупреждения преступности / Ю.М. Антонян // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3 (82). – С. 21–29.

21. Бахтеев Д.В. Географическое профилирование и геоинформационные системы в изучении и расследовании преступлений / Д.В. Бахтеев, И.В. Леднев // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 577–585.

19. Zelenskiy V.D. To the Question About the Concept of Leadership in the Investigation of Crimes. *Sibirskie Uголовno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 3, pp. 98–103. (In Russian).

20. Antonyan Yu.M. General Conception of Crime Prevention. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2013, no. 3 (82), pp. 21–29. (In Russian).

21. Bakhteev D.V., Lednev I.V. Geographic Profiling and Geographic Information Systems in the Study and Investigation of Crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 577–585. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акиев Арби Русланович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akiev Arbi Ruslanovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.
The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.8

ЕПИФАНОВ Александр Егорович
Академия управления МВД России,
Москва, Россия,
e-mail: mvd_djaty@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Original article

EPIFANOV Alexander Egorovich
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia.

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ (АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА)

SPECIALIST PARTICIPATION IN INVESTIGATIVE AND PROCEDURAL ACTIONS
(ASPECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS)

Аннотация. Использование специальных знаний в российском уголовном процессе имеет длительную историю, но до сих пор идут споры о том, что представляют собой специальные знания, в каких формах они могут быть использованы в уголовном судопроизводстве. Продолжаются дискуссии и о процессуальном статусе специалиста, его правах, обязанностях и ответственности. Не разрешен вопрос о соотношении статуса специалиста и эксперта, нет единой позиции по поводу того, каким образом осуществляется допрос специалиста, по каким критериям должна проводиться оценка данного им заключения. Все эти вопросы, имеющие большое значение для обеспечения допустимости полученных доказательств, при собирании которых используются специальные знания, требуют решения. Изложено свидетельство о необходимости дальнейших исследований проблем процессуального положения специалиста и участия его в уголовном судопроизводстве, чем и обусловлена актуальность выбранной темы. Цель: анализ проблем участия специалиста в следственных и процессуальных действиях. Методологию исследования составили общенаучные (диалектический, системный) и частные (формально-юридический, системно-структурный, описательно-аналитический) методы. Результаты: установлено, что участие специалиста в уголовном судопроизводстве возможно в различных процессуальных и непроцессуальных формах, при этом наиболее востребовано участие специалиста при производстве следственных действий. Выявлены существенные пробелы в процессуальной регламентации статуса специалиста, в частности отсутствуют четкие нормы, регулирующие порядок получения заключения специалиста и его допроса. Предложено внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, включив самостоятельные статьи, регламентирующие

Abstract. The use of special knowledge in Russian criminal procedure has a long history, but there are still disputes about what special knowledge is and in what forms it can be used in criminal proceedings. Discussions continue regarding the procedural status of a specialist, his rights, duties and responsibilities. The issue of the correlation between the status of a specialist and an expert has not been resolved, there is no unified position on how a specialist is interrogated, and what criteria should be used to evaluate his opinion. All these issues, which are important to ensure the admissibility of the obtained evidence, in the collection of which special knowledge is used, require resolution. The foregoing indicates the need for further research into the problems of the procedural status of a specialist and his participation in criminal proceedings, which determines the relevance of the chosen topic. Purpose: to analyze the problems of specialist participation in investigative and procedural actions. The methodology of the study is based on general scientific (dialectical, systemic) and specific (formal-legal, system-structural, descriptive-analytical) methods. Results: the article establishes that the specialist participation in criminal proceedings is possible in various procedural and non-procedural forms, with the most in-demand specialist participation in the production of investigative actions. The article reveals significant gaps in the procedural regulation of the status of a specialist, in particular, there are no clear norms regulating the procedure for obtaining a specialist opinion and his interrogation. The author proposes to amend the criminal procedural legislation by including independent articles regulating the receipt of a specialist opinion and the procedure for interrogating this person, which will contribute

рующие получение заключения специалиста и порядок допроса этого лица, что будет способствовать повышению эффективности использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: специалист, заключение специалиста, допрос специалиста, формы участия специалиста

Для цитирования: Епифанов А.Е. Участие специалиста в следственных и процессуальных действиях (аспекты уголовного судопроизводства) / А.Е. Епифанов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 68–74.

to increasing the effectiveness of the use of special knowledge in criminal proceedings.

Keywords: specialist, specialist opinion, specialist's interrogation, forms of specialist participation

For citation: Epifanov A.E. Specialist Participation in Investigative and Procedural Actions (Aspects of Criminal Proceedings). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 68–74. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.8.

ВВЕДЕНИЕ

Успешное раскрытие и расследование преступлений невозможно без использования специальных знаний. Поэтому специалист – необходимый участник уголовного судопроизводства.

Проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве неоднократно становились предметом научных исследований А.А. Тарасова, изучавшего процессуальный статус специалиста; Е.А. Зайцевой, исследовавшей доказательственное значение заключения специалиста; Е.П. Гришиной, анализирующей формы использования специальных знаний; В.С. Латыпова, рассматривавшего особенности участия специалиста в производстве следственных действий.

При привлечении специалиста к процессу доказывания возникает большое количество проблем, обусловленных как законодательным несовершенством, так и организационными сложностями. Если относительно участия эксперта правоприменительная практика уже достаточно наработана, то специалист не может в полной мере осуществлять свои функции, поскольку отсутствует определенность положений законодательства, регламентирующих его процессуальный статус.

ФОРМЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Теоретический анализ участия специалиста в уголовном судопроизводстве пред-

полагает комплексное исследование форм реализации специальных знаний. В научной литературе неоднократно предпринимались попытки систематизации и классификации указанных форм, что обусловлено необходимостью методологического обоснования процессуального статуса специалиста. В контексте представленного исследования авторская позиция базируется на дифференциации форм использования специальных знаний на процессуальные и непроцессуальные. Данный методологический подход позволяет осуществить научную концептуализацию механизмов применения специальных знаний в уголовном процессе.

Процессуальные формы характеризуются нормативной регламентацией в уголовно-процессуальном законодательстве и имеют четко установленный юридический формат реализации. Непроцессуальные формы, напротив, формируются правоприменительной практикой и не имеют прямого законодательного закрепления, что обуславливает необходимость их научного осмысления и теоретической легитимации. Такой методологический подход обеспечивает комплексное и системное исследование форм участия специалиста в уголовном судопроизводстве, создает теоретическую базу для последующих научных разработок [1, с. 173]. К непроцессуальным формам участия специалиста принято относить предоставление консультаций и участие в производстве предварительного расследования.

Методологический анализ форм участия специалистов осуществим применительно к начальной стадии уголовного судопроизводства – стадии возбуждения уголовного дела.

Участие в следственных действиях – одна из распространенных форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела. Прежде всего, практически в каждом случае проводится осмотр места происшествия. Это следственное действие нацелено на получение сведений об обстановке на месте происшествия, установление фактов, условий совершения преступления, обнаружение, фиксацию и изъятие следов криминального события и причастных к нему лиц [2, с. 88].

Анализ правоприменительной практики показал, что к производству осмотра места происшествия часто привлекается специалист-криминалист, обладающий специальными знаниями, позволяющими обнаружить, зафиксировать и изъять различные следы с применением технико-криминалистических средств и методов [3, с. 20]. Особую актуальность участие специалиста-криминалиста приобретает в ситуациях, требующих обнаружения невидимых или слабовидимых следов, поскольку следователь зачастую не обладает достаточным объемом специальных знаний, позволяющих применять соответствующие средства и методы.

Профессиональные компетенции специалиста-криминалиста обеспечивают не только эффективное обнаружение и надлежащую фиксацию следовой информации, но и сохранение ее в состоянии, пригодном для последующего экспертного исследования. Данное обстоятельство приобретает особую значимость в отношении следов, обладающих идентификационными свойствами, поскольку обнаружение, корректность их фиксации и изъятия непосредственно влияют на возможность последующего установления тождества и формирования доказательственной базы по уголовному делу [4, с. 154].

Помимо указанных функций специалист-криминалист оказывает содействие в формировании процессуальной документации, в частности протокола следственного действия, применяя соответствующую научно-техническую терминологию, что обеспечивает надлежащую фиксацию криминалистически значимой информации.

Существенным аспектом деятельности специалиста является и техническое докумен-

тирование процессуальных действий посредством применения специальных технических средств [5, с. 41].

Следует отметить, что диапазон применения специальных знаний при производстве различных видов осмотра характеризуется значительной вариативностью [6, с. 33]. Так, к исследованию бухгалтерской документации привлекаются специалисты в области экономического анализа и финансового учета для интерпретации содержащихся в ней данных. Многообразие следственных ситуаций детерминирует необходимость привлечения специалистов различного профиля, обладающих специфическими компетенциями в соответствующих областях научного знания, что существенно повышает результативность и доказательственную ценность следственных действий.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 202 УПК РФ процедура получения образцов для сравнительного анализа допускает привлечение профильного специалиста. Однако представляется целесообразным внести коррективы в действующее законодательство, предусматривающие не факультативное, а обязательное участие специалиста в определенных ситуациях [7, с. 200]. В частности, считаем, что существует необходимость обязательного привлечения специалиста, когда необходимо получение биологического материала для исследования. Так, например, зачастую возникает необходимость получить образцы крови. Очевидно, что сделать это квалифицированно может только медицинский работник, который и будет выступать в качестве специалиста. Также часто возникает необходимость изъятия подногтевого содержимого, не повредив при этом кожу и не причиняя физическую боль. Представляется, что надлежащим образом это может сделать только специалист.

В соответствии с ч. 3 ст. 179 УПК РФ к участию в производстве освидетельствования может быть привлечен врач или другой специалист, а в силу ч. 4 ст. 179 УПК РФ освидетельствование лица, связанное с обнажением тела, проводится врачом. Таким образом, в определенных случаях обязательным является участие специалиста в производстве освидетельствования.

Зачастую специалист привлекается к участию в следственном эксперименте, по итогам которого проводится судебно-медицинская экспертиза. В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении гражданина Т., который подозревался в умышленном нанесении тяжкого вреда здоровью потерпевшему И. В ходе расследования подозреваемый Т. категорически отрицал наличие умысла, настаивая на неосторожном причинении травмы. Для установления объективных обстоятельств происшествия следственными органами был организован и проведен эксперимент с привлечением квалифицированного судебно-медицинского эксперта. На экспертизу были представлены медицинские документы И., а также протоколы допросов и очной ставки И. и Т. По результатам следственного эксперимента, анализа показаний И. и Т., медицинских документов эксперт пришел к выводу, что телесные повреждения И. могли быть причинены при указанных им обстоятельствах, в то время как при обстоятельствах, указанных Т., их причинение было просто невозможно. Действия Т. квалифицированы по ст. 111 УК РФ¹.

В контексте процессуальной деятельности целесообразно привлечение специалиста к производству допросов, что обусловлено необходимостью интерпретации терминологии и методологической поддержки следователя в процессе формулирования вопросов [8, с. 178].

В рамках криминалистической практики проведение проверок и ревизий выступает значимой формой реализации специальных знаний. Применяется она достаточно часто по отдельным видам преступлений, когда требуется провести, например, ревизию в торговой точке, чтобы установить размер ущерба, причиненного в результате хищения. Возможно проведение различных документальных проверок, позволяющих получить сведения, необходимые для определения наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела.

Анализ современной практики уголовного судопроизводства свидетельствует, что непроцессуальные формы использования

специальных знаний демонстрируют высокую эффективность и подвергаются активной имплементации в правоприменительную деятельность. Однако следует констатировать, что потенциал данного инструментария не получил исчерпывающей реализации в следственной и судебной практике. Представляется целесообразным расширение сферы их применения. Так, консультация специалиста позволяет решить многие вопросы, требующие специальных знаний. Например, при назначении судебной экспертизы следователи могут обратиться к специалистам в соответствующей сфере, чтобы правильно сформулировать вопросы, которые ставятся перед экспертом, а также определить перечень объектов, подлежащих представлению на экспертизу [9, с. 97]. Консультация в такой ситуации позволяет избежать ошибок при назначении судебных экспертиз, длительных сроков, затрачиваемых на заявление экспертом ходатайств о предоставлении дополнительных объектов, и т. д.

Сложности возникают и при оценке заключения специалиста как доказательства, поскольку в законе отсутствуют четкие требования к форме и содержанию данного заключения.

Необходимо отметить, что соответствующие вопросы, касающиеся заключения эксперта, получили надлежащую нормативную регламентацию. Логическим следствием данного обстоятельства является предложение о применении аналогичных критериев оценки к заключению специалиста и о легитимации посредством официального закрепления на законодательном уровне [10, с. 220].

В качестве одной из проблем уголовного судопроизводства представляется необходимым рассмотреть и то, что зачастую к специалисту для дачи заключения обращаются защитники, однако ст. 86 УПК РФ не наделяет защитника правом сбора доказательств путем получения заключения специалиста. Представляется, что данный пробел следует устранить, поскольку он создает асимметрию в реализации принципа состязательности сторон, выражающуюся в том, что сторона обвинения обладает более широкими возможностями по формированию доказательственной базы. Отсутствие законодательного

¹ Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 24.04.2023 по делу № 1-45/2023 [Электронный ресурс]. URL:// <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.03.2025).

закрепления права защитника на получение заключения специалиста как способа собирания доказательств существенно ограничивает возможности стороны защиты по эффективному отстаиванию позиции подзащитного. Для устранения данного пробела представляется целесообразным внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, дополнив перечень способов собирания доказательств защитником пунктом о праве получения заключения специалиста.

Нельзя не отметить и отсутствие единой позиции в научном сообществе по поводу доказательственного значения заключения специалиста. Хотя оно сейчас определено в качестве самостоятельного вида доказательств, некоторые исследователи полагают, что такой подход неверен и заключению специалиста присуще только ориентирующее значение, о чем свидетельствует и позиция законодателя: заключение специалиста является доказательством наравне с остальными, в связи с чем нельзя умалять его значение. Аналогичным образом – как отдельный вид доказательства – следует рассматривать и показания специалиста. При этом это доказательство подлежит оценке, как и остальные виды доказательств.

Проблемы оценки доказательств – показаний специалиста – преимущественно обусловлены отсутствием четкой законодательной регламентации. Если вопросы назначения судебной экспертизы и получения ее заключения законодатель регулирует достаточно четко, определяя необходимость вынесения постановления и составления заключения эксперта на основании этого постановления, то относительно заключения специалиста эти вопросы разрешения в УПК РФ не нашли [11, с. 91].

Получение заключения специалиста в рамках уголовного судопроизводства возможно следующими способами [12, с. 176]:

– следователь, дознаватель, суд назначают исследование, по результатам которого специалист в свободной форме составляет заключение;

– специалисту может быть вручен перечень вопросов, на которые он отвечает в виде заключения.

Представляется, что проблемы, связанные с недостаточной правовой регламентаци-

ей заключения специалиста, могли бы быть решены, если посвятить ему самостоятельную норму, по аналогии со ст. 204 УПК РФ, посвященной заключению эксперта. Поэтому следовало бы включить в УПК РФ ст. 204.1 УПК РФ «Заключение специалиста».

Как еще одну проблему следует проанализировать и вопрос получения такого доказательства, как показания специалиста [13, с. 47]. Выделив допрос эксперта, законодатель по непонятной причине не занял той же позиции по отношению к допросу специалиста, хотя выделил его в качестве отдельного доказательства. Специальной нормы, регламентирующей допрос специалиста, нет. И это порождает разные подходы и в правоприменительной практике, и в науке, поскольку нет единой позиции, каким образом должно производиться это следственное действие [14, с. 91]. На практике специалисты допрашиваются в качестве свидетелей, экспертов, для чего разрабатывается отдельный бланк.

О возможности допроса специалиста в качестве свидетеля говорит и высшая судебная инстанция: «специалист, участвовавший в производстве какого-либо следственного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах его производства в качестве свидетеля. Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля»². Но многие авторы считают, что ошибочно проводить допрос специалиста как эксперта или свидетеля [15, с. 47].

Представляется, что при отсутствии самостоятельной нормы, регламентирующей допрос специалиста, эту проблему разрешить невозможно, поскольку так и будут возникать ситуации, когда правоприменительная практика будет существенно различаться. Поэтому единственным выходом является закрепление в УПК РФ отдельной нормы, регламентирующей особенности допроса специалиста. Точнее, двух отдельных норм, по аналогии с допросом эксперта, которые бы регламентировали допрос специалиста на досудебной и судебной стадиях.

² О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (в ред. от 29.06.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

1. Предлагается внести изменения в УПК РФ, дополнив его следующими статьями: статьей 204.1 «Заключение специалиста», которая должна регламентировать порядок получения заключения специалиста, требования к форме и содержанию заключения, критерии оценки заключения специалиста, его права и обязанности при составлении заключения; статьей 205.1 «Допрос специалиста» (для досудебного производства), которая должна определять процедуру допроса специалиста, его права при допросе, особенности фиксации показаний; статьей 282.1 «Допрос специалиста» (для судебного производства),

устанавливающей специфику допроса специалиста в судебном заседании.

2. Закрепить в законодательстве обязательность участия специалиста в следующих случаях: при получении биологических образцов, при изъятии подногтевого содержимого, при освидетельствовании, связанном с медицинским осмотром.

3. Расширить права защитника по сбору доказательств путем получения заключения специалиста. Для этого представляется целесообразным внести соответствующие изменения в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, дополнив перечень способов собирания доказательств защитником пунктом о праве получения заключения специалиста.

Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, обеспечению прав участников процесса и качеству доказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дьяконова О.Г. Формы и виды участия специалиста в уголовном процессе / О.Г. Дьяконова // Актуальные проблемы экспертно-криминалистической деятельности: сборник научных трудов Международной конференции / сост. В.В. Бушуев. – Москва, 2021. – С. 173–178.
2. Евко С. Процессуальный статус эксперта и специалиста / С. Евко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6-2 (69). – С. 88–91.
3. Пашута И.В. Предварительное исследование следов в ходе осмотра места происшествия / И.В. Пашута // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (37). – С. 20–21.
4. Колиев В.В. Особенности участия специалиста-криминалиста в следственных действиях / В.В. Колиев, А.А. Говоров // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (207). – С. 154–156.
5. Епифанов А.Е. Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан / А.Е. Епифанов, А.В. Панченко // Новая правовая мысль. – 2010. – № 4 (41). – С. 39–46.
6. Епифанов А.Е. Стадии деформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов (на примере правосознания следователя) / А.Е. Епифанов, А.Ю. Мохов // Право и практика. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
7. Пантелеев И.А. Проблемы законодательного закрепления компетенции и компетентности специалиста в уголовном процессе / И.А. Пантелеев, Д.В. Горожанкина, Е.В. Выгузова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (219). – С. 200–202.

REFERENCES

1. Dyakonova O.G. Forms and Types of Specialist Participation in Criminal Proceedings. In Bushuev V.V. (Ed.). *Actual Problems of Expert Forensic Activity. Collection of Scientific Papers of the International Conference*. Moscow, 2021, pp. 173–178. (In Russian).
2. Evko S. Procedural Status of the Expert and Specialist. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 6-2 (69), pp. 88–91. (In Russian).
3. Pashuta I.V. Preliminary Examination of Traces During Inspection of the Crime Scene. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (37), pp. 20–21. (In Russian).
4. Koliev V.V., Govorov A.A. Features of the Participation of a Forensic Specialist in Investigative Actions. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2022, no. 3 (207), pp. 154–156. (In Russian).
5. Epifanov A.E., Panchenko A.V. Legal Nature of the Mechanism for Ensuring Personal Security of Citizens. *Novaya pravovaya mysl' = New Legal Thought. Scientific and Analytical Journal*, 2010, no. 4 (41), pp. 39–46. (In Russian).
6. Epifanov A.E., Mokhov A.Yu. Stages of Deformation of Professional Legal Awareness of Law Enforcement Authority Staff (On the Example of the Legal Awareness of the Investigator). *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2021, no. 4, pp. 30–35. (In Russian).
7. Panteleev I.A., Gorozhankina D.V., Vyuzova E.V. Problems of Legislation Competences and Competences of a Specialist in Criminal Proceedings. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 3 (219), pp. 200–202. (In Russian).

8. Нигматуллин Р.В. Международно-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия торговле детьми: история и тенденции развития / Р.В. Нигматуллин, Л.А. Букалерева, А.Н. Бисярина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 175–180.

9. Ульшина И.В. Понятие и соотношение предварительного исследования в сравнении с судебной экспертизой / И.В. Ульшина // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2021. – С. 96–98.

10. Коновалов А.И. Особенности заключения специалиста в практической деятельности по судебно-медицинской экспертизе / А.И. Коновалов // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 3. – Тюмень : ТГИИЭУП, 2017. – С. 218–223.

11. Паньшина И.Ю. Соотношение процессуального статуса специалиста и эксперта в судопроизводстве / И.Ю. Паньшина // Студенческий вестник. – 2020. – № 47-3 (145). – С. 91–93.

12. Каипова Н.З. Заключение специалиста как доказательство в уголовном судопроизводстве / Н.З. Каипова // Интеграционные процессы в науке в современных условиях : сборник статей Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Ч. 2. – Новосибирск : Аэтерна, 2018. – С. 176–178.

13. Тарасов А.А. Ходатайства в процедурах использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (71). – С. 45–50.

14. Хрусталёв В.Н. Беспрепятственное использование специальных знаний – обязательное условие противодействия особо опасным преступлениям в условиях цифровизации и информатизации общества и государства / В.Н. Хрусталёв // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (71). – С. 87–94.

15. Куцепина К.П. К вопросу о допросе специалиста / К.П. Куцепина // Актуальные вопросы правоохранительной деятельности: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сборник статей научно-представительских мероприятий. – Руза : ИП Коняхин А.В., 2019. – С. 46–47.

8. Nigmatullin R.V., Bukalereva L.A., Bisyarina A.N. International Legal and Criminal Legal Aspects of Counter-Trafficking in Children: History and Development Trends. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (40), pp. 175–180. (In Russian).

9. Ulshina I.V. Concept and Relationship of Preliminary Research in Comparison with Forensic Examination. *Jurisprudence, State and Law: Current Issues and Modern Aspects. Collection of Articles from the III International Scientific and Practical Conference*. Penza, 2021, pp. 96–98. (In Russian).

10. Konovalov A.I. Features of a Specialist's Opinion in Practical Activities on Forensic Medical Examination. *Improving the Activities of Law Enforcement Agencies in the Fight Against Crime in Modern Conditions. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law Publ., 2017, iss. 3, pp. 218–223. (In Russian).

11. Panshina I.Yu. The Relationship Between the Procedural Status of a Specialist and an Expert in Legal Proceedings. *Studencheskij vestnik = Student Bulletin*, 2020, no. 47-3 (145), pp. 91–93. (In Russian).

12. Kaipova N.Z. Specialist's Opinion as Evidence in Criminal Proceedings. *Integration Processes in Science in Modern Conditions. Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, Aeterna Publ., 2018, pt. 2, pp. 176–178. (In Russian).

13. Tarasov A.A. Petitions in Procedures for the Use of Expertise in Criminal Procedural Evidence. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 45–50. (In Russian).

14. Khrustalev V.N. Unrestricted Use of Special Knowledge Is a Prerequisite for Countering Especially Dangerous Crimes in the Context of Digitalization and Informatization of Society and the State. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp. 87–94. (In Russian).

15. Kutsepina K.P. On the Issue of Interrogating a Specialist. *Current Issues of Law Enforcement: Problems of Theory, Rule-Making and Law Enforcement. Collection of Articles from Scientific and Representative Events*. Ruza, Konyakhin A.V. Publ., 2019, pp. 46–47. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Epifanov Alexander Egorovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 07.05.2025. The article was submitted 28.03.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 07.05.2025.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.9

Original article

КОСТРОВА Марина Борисовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: kostrovam@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1244-144X>

KOSTROVA Marina Borisovna
University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ПСЕВДОБЛАНКЕТНЫЕ ТЕРМИНЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

PSEUDO-BLANKET TERMS IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW AND THEIR IMPACT ON
JUDICIAL PRACTICE

Аннотация. Актуальность исследования, представленного в настоящей публикации, в целом обусловлена существенным влиянием языковой формы российского уголовного закона на практику его применения, что требует научно обоснованного подхода к выбору лексических единиц при формулировании уголовно-правовых предписаний с целью придания им точности и ясности. Из большого массива существующих в этой сфере проблем выбрана одна, ранее почти не освещавшаяся в научной литературе, – проблема, состоящая во включении в бланкетные предписания российского уголовного закона псевдобланкетных терминов, что создает видимость зависимости содержания уголовно-правового предписания от нормативных правовых предписаний иной отраслевой принадлежности при фактическом отсутствии такой зависимости. Цель публикации – определение феноменологии псевдобланкетных терминов в российском уголовном законе и выявление их влияния на судебную практику. В процессе исследования использованы общенаучные (индукции, дедукции, анализа, синтеза, системно-структурный) и традиционные для юриспруденции частнонаучные (формально-юридический, социологический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы познания, а также применяемые в лингвистике методы стилистического, лексического и контекстуального анализа. В результате проведенного исследования сформулировано определение понятия «псевдобланкетный термин», охарактеризована лингво-юридическая природа псевдобланкетных терминов уголовного закона, выделены их типы, установлены причины их появления, выявлено негативное влияние их наличия в российском уголовном законе, с одной стороны, на точность и ясность бланкетных уголовно-правовых предписаний, с другой – на складывающуюся судебную прак-

Abstract. The relevance of the research presented in this publication is generally due to the significant influence of the language form of the Russian criminal law on its application, which requires a scientifically sound approach to the selection of lexical units when formulating criminal law prescriptions to ensure their accuracy and clarity. Out of a large array of existing problems in this area, we have chosen one, which has not been covered in the scientific literature before, this is the problem of including pseudo-blanket terms in the blanket prescriptions of the Russian criminal law, which creates the impression that the content of a criminal law prescription is dependent on normative legal prescriptions of other sectoral affiliation, while in fact there is no such dependence. The purpose of the publication is to determine the phenomenology of pseudo-blanket terms in the Russian criminal law and to identify their impact on judicial practice. In the process of research, general scientific (induction, deduction, analysis, synthesis, system-structural) and traditional for jurisprudence specific scientific (formal-legal, sociological, historical-legal, comparative-legal) methods of cognition, as well as methods of stylistic, lexical and contextual analysis of the text used in linguistics are applied. As a result of the conducted research, the article formulates the definition of the concept “pseudo-blanket term”, characterizes the linguistic-legal nature of pseudo-blanket terms of the criminal law, identifies their types, establishes the reasons for their occurrence. The article reveals the negative impact of their presence in the Russian criminal law, on the one hand, on the accuracy and clarity of blanket criminal law prescriptions, and on the other hand, on the emerging judicial practice, manifested in the fact that the law enforcer is forced to use pseudo-blanket terms in

тику, проявляющееся в том, что правоприменитель вынужден использовать псевдобланкетные термины в своих решениях, поскольку излагать их можно только в той словесной форме, которая принята в уголовном законе; в итоге в правоприменительных актах фигурируют явления, по сути, не существующие в правовой реальности. Предлагаются авторские рекомендации, направленные на устранение псевдобланкетных терминов из текста российского уголовного закона и недопущение их использования в будущем.

Ключевые слова: уголовный закон, бланкетное уголовно-правовое предписание, взаимосвязь уголовного и иных отраслей права, язык уголовного закона, бланкетный термин, псевдобланкетный термин, судебная практика

Для цитирования: Кострова М.Б. Псевдобланкетные термины в российском уголовном законе и их влияние на судебную практику / М.Б. Кострова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 75–85.

his decisions, since they can be stated only in the verbal form that is accepted in the criminal law; as a result, phenomena appear in law enforcement acts that do not exist in legal reality. The article offers the author's recommendations aimed at removing pseudo-blanket terms from the text of the Russian criminal law and preventing their use in the future.

Keywords: criminal law, blanket criminal law prescription, interrelation of criminal and other branches of law, language of criminal law, blanket term, pseudo-blanket term, judicial practice

For citation: Kostrova M.B. Pseudo-Blanket Terms in the Russian Criminal Law and Their Impact on Judicial Practice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 75–85. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.9.

ВВЕДЕНИЕ

Охранительная функция уголовного права, отраженная в ч. 1 ст. 2 УК РФ, заключающаяся в охране от преступных посягательств практически всех сторон жизни социума, обуславливает наличие в Кодексе значительного количества бланкетных уголовно-правовых предписаний, причем присутствуют они не только в Особенной, но и в Общей части УК РФ. Содержательная специфика бланкетного уголовно-правового предписания, являющегося универсальной формой отражения системной взаимосвязи уголовного и иных отраслей права, заключается в том, что в его содержание включается нормативное правовое предписание иной отраслевой принадлежности [см.: 1]. Формализация же межотраслевых связей в уголовном законе, как указывает Н.И. Пикуров, сводится к двум способам: «...бланкетной диспозиции и бланкетным признакам. В первом случае используется "чужое" нормативное предписание со всеми его атрибутами (ссылка на нарушение определенных правил и т. п.), во втором – используются отдельные элементы или признаки таких предписаний (употребление "чужого"

термина и т. п.)» [2, с. 12]. Соответственно, одна из языковых особенностей бланкетного уголовно-правового предписания проявляется в наличии в нем бланкетного термина (Н.И. Пикуров именует его «чужим») – заимствованного из иной отрасли или подотрасли права (международного, конституционного, гражданского, административного, семейного, лесного, таможенного, налогового, уголовно-процессуального, гражданского процессуального и др.) слова или словосочетания, обозначающего понятие этой отрасли. Таким образом, язык уголовного закона является одним из детерминантов образования системных связей правовых предписаний различных отраслей права [3, с. 41–42]. И если термин (по происхождению, своим функциям и т. д.) связан с конкретной сферой общественных отношений, то его терминологическим полем будет отрасль или комплекс отраслей, регулирующих данные отношения [2, с. 13–14]. Поэтому вполне очевидно, что в бланкетных уголовно-правовых предписаниях воспроизведение заимствованного термина должно осуществляться строго в той словесной форме, которая принята в актуальной редакции закона или иного норматив-

ного правового акта иной отраслевой принадлежности. В основном эта задача законодателем успешно решается, однако в тексте российского УК встречаются термины, которые, по мнению автора, с полным основанием позволительно именовать «псевдобланкетные».

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСЕВДОБЛАНКЕТНЫХ ТЕРМИНОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Псевдобланкетным термином, по моему представлению, следует считать используемое в бланкетном уголовно-правовом предписании слово или словосочетание, не имеющее языкового выражения, полностью соответствующего принятому в корреспондирующих отраслях права, создающее видимость зависимости содержания уголовно-правового предписания от нормативных правовых предписаний иной отраслевой принадлежности при фактическом отсутствии такой зависимости в силу неимения у него иноотраслевого терминологического поля. Таковыми в настоящее время являются, например, следующие.

1. Псевдобланкетные термины «открытое водное пространство» и «судно, приписанное к порту Российской Федерации», обозначающие в первом предложении ч. 3 ст. 11 УК РФ место совершения преступления для целей определения национальной уголовной юрисдикции в отношении лиц, совершивших преступления на собственной территории государства, не соответствуют терминологии, принятой в международном праве (об иных проявлениях псевдобланкетности в первом предложении ч. 3 ст. 11 УК РФ подробнее см.: [4, с. 108–111]). В частности, в Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. используется термин «открытое море» (см., например, ч. VII), а национальность гражданского водного судна определяется не портом приписки, а флагом государства, под которым оно имеет право плавать (ст. 91)¹. В Конвенции ООН об открытом море от 29 апреля 1958 г. употребляется аналогичная терминология². Национальная

1 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 30.04.2025).

2 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

же принадлежность гражданских воздушных судов регламентируется Конвенцией о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г., где закреплено: «Воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы» (ст. 17); «Каждое воздушное судно, занятое в международной аэронавигации, имеет соответствующие национальные и регистрационные знаки» (ст. 20)³. Помимо этого, Конвенцией ООН о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г. закреплено, что уголовную юрисдикцию в отношении указанных в ней преступлений вправе осуществлять государство регистрации воздушного судна (ст. 3)⁴. Указанные псевдобланкетные термины содержатся в ч. 3 ст. 11 УК РФ с момента принятия Кодекса в 1996 г.

Такой подход законодателя к выбору лексических единиц видится, мягко говоря, странным, поскольку на тот момент Россия была участницей всех вышеперечисленных конвенций и три из них (вторая, третья и четвертая) уже вступили в силу для нее (как для правопреемницы (продолжательницы) СССР – см. ч. 1 ст. 67¹ Конституции РФ) с 30 сентября 1962 г., с 14 ноября 1970 г. и с 3 мая 1988 г. соответственно (Конвенция ООН по морскому праву ратифицирована Россией в 1997 г.).

К тому же к моменту принятия УК РФ уже был принят Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств⁵ – законодательный акт рекомендательного характера, направленный на сближение уголовно-правового регулирования и предназначенный парламентам государств – участников СНГ для использования

3 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/chicago_conv.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

4 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения: 30.04.2025).

5 Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17.02.1996 № 7-5 (с посл. изм. и доп. от 17.11.2023 № 56-10) // Сайт Исполкома СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/563#text> (дата обращения: 30.04.2025).

при разработке национального уголовного законодательства, где в формулировке правила ч. 5 ст. 13 использована соответствующая международному праву терминология – «открытое море» и «судно, находящееся под флагом государства». И этим модельным правилом в части обозначения национальности гражданских судов по государственному флагу воспользовались несколько государств, а именно Грузия⁶, республики Армения, Таджикистан, Узбекистан, включив в свои национальные правила формулировки: «корабль или находящееся в полете воздушное судно или иной летательный аппарат под флагом Республики Армения или с отличительным знаком Республики Армения» (ч. 1 ст. 11 УК Республики Армения⁷), «водное или воздушное судно под флагом либо с опознавательными знаками Республики Таджикистан» (ч. 3 ст. 14 УК Республики Таджикистан⁸), «воздушное, морское или речное судно находится под флагом... Узбекистана» (ч. 3 ст. 11 УК Республики Узбекистан⁹), «судно, правомочное пользоваться Государственным флагом или опознавательными знаками Грузии» (ч. 3 ст. 4 УК Грузии¹⁰). Как видим, в трех зарубежных УК (республик Армения, Таджикистан и Узбекистан) конкретизируются виды судов и в три УК (Грузии, республик

6 С 18 августа 2009 г. Грузия не является государством – участником Содружества Независимых Государств.

7 Уголовный кодекс Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199-Ն (с посл. изм. и доп. от 19.12.2024 № ЗР-510) // Национальное Собрание Республики Армения : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/law_docs/8/27052021H0199_rus.pdf (дата обращения: 30.04.2025). Выше приведен текст из действующего в настоящее время УК Республики Армения 2021 г, аналогичная терминология была использована в ч. 4 ст. 14 утратившего силу первого УК Республики Армения 2003 г.

8 Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с посл. изм. и доп. от 15.04.2025 № 2163) // Континент : информационная система [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 30.04.2025).

9 Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХП (с посл. изм. и доп. от 27.03.2025 № ЗРУ-1051) // Континент : информационная система [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 30.04.2025).

10 Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287-вс (с посл. изм. и доп. от 06.02.2025 № 285) // Континент : информационная система [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=37199724 (дата обращения: 30.04.2025).

Армения и Таджикистан) включен альтернативный вариант определения национальности судна – наличие на нем опознавательного (отличительного) знака государства. В наибольшей же степени международно-правовой терминологии соответствует языковая форма правила, закрепленного в УК Грузии, в котором имеется уточнение о правомочности судна пользоваться государственным флагом.

2. Имеющий сходство с гражданско-правовым термином «право на изобретение» псевдобланкетный термин «изобретательские права», используемый в заголовке ст. 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав», не употребляется в гражданском праве. В ч. 4 ГК РФ патентными правами признаются «интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» (гл. 72 «Патентное право», ст. 1345 «Патентные права»), из чего следует, что самостоятельных изобретательских прав вне патентных в настоящее время гражданским правом не предусмотрено. Можно было бы предположить, что используемый в заголовке ст. 147 УК РФ термин «изобретательские права» является устаревшим, поскольку ч. 4 ГК РФ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ введена в действие с 1 января 2008 г. Однако он не употреблялся в гражданском праве и на момент принятия УК РФ в 1996 г. – ни в специальном Законе СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-1 «Об изобретениях в СССР» (применяется до настоящего времени в части, не противоречащей ч. 4 ГК РФ), ни в Патентном законе РФ от 23 сентября 1992 г. № 3517 (утратил силу с 1 января 2008 г.). Заметим также, что соответствующая статья 146 и 147 УК РФ ст. 161 Модельного УК для государств – участников СНГ изначально имела (и сейчас имеет) заголовок «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей» и в части использования термина «права патентообладателей» могла бы служить образцом для заголовка ст. 147 российского УК.

3. Псевдобланкетным является термин «электронные сети», создающий видимость зависимости содержания уголовно-правовых предписаний от нормативных правовых предписаний информационного права, но ни в одном российском нормативном правовом акте словосочетание «электронные сети» именно

в такой языковой форме не встречается. Данный термин нередко используется в УК РФ, в частности для обозначения общественно опасного действия в ч. 1 ст. 185³ («манипулирование рынком, то есть умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть "Интернет"), заведомо ложных сведений...»), а также для обозначения средства совершения преступления при формулировании способа совершения преступления – «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"». При этом дважды встречается вариант «(включая сеть "Интернет")». Этот способ совершения преступления выступает в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), п. «б» ч. 2 ст. 228¹ (сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), ч. 1.1 ст. 258¹ (незаконное приобретение или продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов), ч. 2 ст. 260¹ (незаконные приобретение или продажа особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их продуктов, частей и дериватов), ч. 2 ст. 280¹ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), п. «в» ч. 2 ст. 280⁴ (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства).

Вместе с тем в базовых законах информационного права используются только термины «средства массовой информации» и «информационно-телекоммуникационные сети», причем обозначаемые ими понятия имеют легальные определения (см.: ст. 2 Закона РФ

от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). С учетом того, что термин «электронные сети» вводился в УК РФ в 2010–2023 гг., то есть не с момента его принятия в 1996 г., а уже при действующем Законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», очевидно, что за ним не стоит отображаемое явление правовой реальности.

4. В п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ об отмене условно-досрочного освобождения от отбывания наказания используется термин «административное взыскание», однако им обозначался вид юридической ответственности за совершение административного правонарушения в КоАП РСФСР 1984 г., в действующем же КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ принято иное его терминологическое обозначение – «административное наказание». Соответственно, на момент принятия УК РФ в 1996 г. термин «административное взыскание» был бланкетным, но с введением в действие КоАП РФ с 1 июля 2002 г. он стал псевдобланкетным по причине устарелости, то есть его несоответствия обновленной номинации вида юридической ответственности за совершение административного правонарушения в административном праве.

5. Псевдобланкетный термин «лицо, производящее дознание» используется во многих статьях гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Им обозначаются субъект преступления (ст. 300, ч. 1 ст. 302, ч. 2 ст. 303) и потерпевший от преступления (ст. 295, ч. 2 ст. 296, заголовок и ч. 2 ст. 298.1), также он входит в описание общественно опасного действия (ч. 2 ст. 294, ст. 310). Как и в предыдущем случае, данный термин на момент принятия УК РФ в 1996 г. был бланкетным, так как в действовавшем тогда УПК РСФСР 1960 г. соответствующая процессуальная фигура именовалась именно так: «лицо, производящее дознание». Но с введением в действие УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ с 1 июля 2002 г. данный термин стал псевдобланкетным по причине устарелости, поскольку теперь должностное лицо органа до-

знания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, именуется «дознатель».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в настоящее время в тексте российского уголовного закона имеется два типа псевдобланкетных терминов: 1) термины, которые вообще не содержатся в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности и не содержались в них на момент принятия УК РФ в 1996 г.; 2) «устаревшие» бланкетные термины, которые стали псевдобланкетными в силу их несоответствия обновленной терминологии корреспондирующих нормативных правовых актов неуголовного права.

Существование этих двух типов псевдобланкетных терминов в российском УК обусловлено, как думается, двумя причинами. Включение в УК РФ псевдобланкетных терминов первого типа можно объяснить только и исключительно отсутствием должного внимания законодателя к выбору лексических единиц при формулировании бланкетных уголовно-правовых предписаний. Причиной же появления псевдобланкетных терминов второго типа является отсутствие «параллельной» законодательной корректировки бланкетной терминологии в уголовном законе при замене или исключении существующих либо вводе новых терминов в корреспондирующие отрасли права. Указанные причины в совокупности свидетельствуют о наличии главной «первопричины», лежащей в их основе, – недостаточном внимании законодателя к обеспечению единства терминологических обозначений в УК РФ и в корреспондирующих нормативных правовых актах неуголовного права, что влечет их рассогласованность.

Но каковы бы ни были причины, наличие в уголовном законе псевдобланкетных терминов недопустимо, что обуславливается не столько соображениями лингвистической корректности, сколько собственно юридическими потребностями. Содержание каждого из бланкетных уголовно-правовых предписаний в целом складывается из разных по своей отраслевой природе компонентов – уголовно-

но-правовых и других отраслей (подотраслей) права. При этом значение используемых в уголовном законе иноотраслевых терминов раскрывается в корреспондирующих отраслях права. Раскрыть же значение псевдобланкетного термина уголовного закона невозможно, так как он, не имея языкового выражения, полностью соответствующего принятому в корреспондирующих отраслях, в силу формальной определенности права не является словом или словосочетанием, обозначающим понятие другой отрасли права. За любым термином стоит понятие, то есть форма мышления, отражающая предметы и явления действительности в их существенных признаках. Но если термин уголовного закона псевдобланкетный, за ним не стоит явление действительности, входящее в сферу регулирования иной отрасли права, следовательно, иноотраслевой компонент бланкетного уголовно-правового предписания формально оказывается пустым.

Таким образом, наличие в российском УК псевдобланкетных терминов оказывает негативное влияние на точность и ясность бланкетных уголовно-правовых предписаний.

ВЛИЯНИЕ ПСЕВДОБЛАНКЕТНЫХ ТЕРМИНОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

Наличие в УК РФ псевдобланкетных терминов оказывает крайне негативное влияние на судебную и иную правоприменительную практику, поскольку правоприменитель вынужден использовать их в своих решениях, которые он излагает только в той словесной форме, которая принята в уголовном законе.

Например, в судебных решениях по уголовным делам до настоящего времени вынужденно употребляется псевдобланкетный термин «административное взыскание», обозначающий, по сути, давно не существующий в административном праве вид юридической ответственности, так как Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 в п. 21 требует от судов: «В случае принятия решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суду надлежит разъяснить осу-

жденному положения части 7 статьи 79 УК РФ...»¹¹. Соответственно, текст ч. 7 ст. 79 суды приводят в своих решениях дословно¹².

Зададимся вопросом: можно ли на уровне праворазъяснительной и правоприменительной практики «переделать» псевдобланкетный термин уголовного закона на бланкетный, то есть привести его в языковой форме, соответствующей корреспондирующей отрасли неуголовного права? Ответ на него отрицательный по следующим причинам.

Пленум Верховного Суда РФ, исходя из своей компетенции, пока это делать не рискует, по крайней мере специально на это не нацелен (хотя в других ситуациях нередко достаточно вольно толкует текст уголовного закона). Так, в постановлении от 28 июня 2022 г. № 20 Пленум Верховного Суда РФ при даче разъяснений по вопросам применения уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию доказательств, предусмотренной ст. 303, где в ч. 2 фигурирует термин «лицо, производящее дознание», привел его именно в этой формулировке УК РФ (п. 12), а при разъяснении вопросов применения иных норм гл. 31 УК, в которых этот термин не содержится, перешел на используемый в УПК РФ термин «дознатель» (п. 2, 3, 4, 27), но не удержался в этой схеме, и, скорее всего, случайно назвал «дознателем» субъекта принуждения к даче показаний, обозначенного в ст. 302 УК как «лицо, производящее дознание» (п. 7, 10)¹³. Вместе с тем иногда Пленум Верховного Суда РФ пытается нивелировать псевдобланкетность законодательного терми-

на. К примеру, в абз. 2 п. 17 постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 он специально разъяснил: «Для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются»¹⁴.

Еще один показательный пример, к счастью, уже ставший историческим. В период с 1 января 2015 по 30 марта 2024 г. сложилась парадоксальная ситуация: ни ЕврАзЭС, ни Таможенного союза в его рамках уже не существовало¹⁵, но были установлены уголовная ответственность и иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества за незаконное перемещение предметов контрабанды через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Госграницу РФ с государствами – его членами. С целью ее разрешения Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 27 апреля 2017 г. № 12 дал разъяснение, что с учетом положений п. 2 ст. 101 Договора о Евразийском экономическом союзе «...под используемыми в статьях 200¹... 226¹ и 229¹ УК РФ терминами "таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС"..." Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС" следует понимать соответственно "таможенная граница Евразийского экономического союза"..." Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза"..."¹⁶.

11 О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8106/> (дата обращения: 30.04.2025).

12 См., например: апелляционные постановления Пермского краевого суда от 18.02.2025 по делу № 22-653/2025 и Ростовского областного суда от 24.12.2024 № 22-6381/2024; постановление 35 гарнизонного военного суда от 25.05.2021 № 4/1-1/2021. Здесь и далее все приводимые судебные решения взяты из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31333/> (дата обращения: 30.04.2025).

14 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 30.04.2025).

15 Деятельность Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) с 1 января 2015 г. была прекращена, его место с этой даты заняла новая международная организация региональной экономической интеграции – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. тоже прекратил действие в связи с прекращением деятельности ЕврАзЭС.

16 О судебной практике по делам о контрабанде : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (в ред. от 11.06.2020 № 7) // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/15985/> (дата обращения: 30.04.2025).

На уровне правоприменительной практики «переделать» псевдобланкетный термин уголовного закона на бланкетный тоже нельзя, и вот почему. Любое процессуальное решение в части применения уголовно-правовой нормы (или норм) в соответствии с предписаниями УПК РФ (ч. 4 ст. 7, ч. 2 ст. 297) должно быть законным и обоснованным, что требует его фактического и правового обоснования, а последнее невозможно сделать с отступлением от буквального текста этой нормы (или норм) уголовного закона. Так, суды считают, что формулировка обвинения должна соответствовать диспозиции статьи УК РФ¹⁷ и что УК и УПК «...предполагают точное изложение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора диспозиции статьи уголовного закона, по которой квалифицированы действия виновного лица»¹⁸. Данный подход основан на положениях п. 3 ч. 1 ст. 299, п. 1, 5 ст. 307 УПК РФ и разъяснении, содержащемся в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Вследствие этого существенным нарушением закона (уголовного и (или) уголовно-процессуального), влекущим отмену приговора либо решения суда вышестоящей инстанции, в судебной практике считаются: несоответствие предъявленного обвинения (как вариант – изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении) диспозиции статьи УК РФ¹⁹ и неприведение ее в полном объеме²⁰; неприведение диспозиции в обоснование квалификации деяния²¹; приведение квалификационной формулировки, не

соответствующей диспозиции²²; нераскрытие ее содержания (что означает отсутствие должной юридической оценки содеянного)²³.

Соответственно, при применении уголовно-правовых норм, сформулированных с использованием псевдобланкетных терминов, такие термины вынужденно воспроизводятся в правоприменительных актах, тем самым в них фигурируют явления, по сути, не существующие в правовой реальности. При этом следует иметь в виду, что в законодательном тексте термин является языковой формой выражения определенной части нормативного правового предписания – правовой формулы, выражающей законченную мысль, в виде которой в тексте закона излагается содержание нормы права (о нормативных правовых предписаниях подробнее см.: [5, с. 265–266]). Поэтому применение уголовно-правовых норм, в состав которых входят бланкетные предписания, сформулированные с использованием псевдобланкетных терминов, влечет для лица, совершившего преступление, негативные уголовно-правовые последствия при формальном отсутствии их оснований.

Так, совершение осужденным административного правонарушения (по изученным материалам судебной практики это в основном предусмотренные ст. 20.20 и 20.21 КоАП РФ нарушения общественного порядка), за которое на него было наложено не существующее в административном праве административное взыскание, становится основанием для неблагоприятных для него уголовно-правовых последствий – отмены условно-досрочного освобождения и исполнения оставшейся не отбытой части наказания²⁴. Например: «...суд, обоснованно установив, что осужденный Ф. в период условно-досрочного освобождения дважды совер-

17 Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2024 № 77-3259/2024.

18 Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2024 № 77-5/2024.

19 Кассационные определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.09.2023 № 77-4504/2023 и Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2022 № 77-4350/2022.

20 См.: обзор апелляционной практики по уголовным делам, рассмотренным судами Красноярского края в 2022 г. по главам 31, 32 УК РФ.

21 Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 02.12.2020 по делу № 55-679/2020.

22 См.: обзор судебной практики Приморского краевого суда по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 г. от 27 января 2023 г.

23 Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 07.04.2022 по делу № 22-564/2022.

24 См.: апелляционные постановления Псковского областного суда от 01.12.2022 по делу № 22-771/2022, Брянского областного суда от 21.02.2024 по делу № 4/8-2/2023, Тверского областного суда от 18.09.2024 по делу № 22-2179/2024.

шил нарушения общественного порядка, за которые на него были наложены административные взыскания, с учетом данных о его личности принял правильное решение об отмене условно-досрочного освобождения и направлении осужденного Ф. для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима»²⁵.

Еще хуже обстоит дело, когда псевдобланкетным термином обозначается какой-либо признак состава преступления, который, в свою очередь, входит в основание уголовной ответственности. В связи с этим люди осуждаются за преступления, описание составов которых включает признаки, не существующие в правовой реальности. Например, по ч. 2 ст. 296 УК РФ за угрозу убийством в отношении «лица, производящего дознание» в связи с производством им предварительного расследования²⁶; по ч. 2 ст. 294 УК РФ за «вмешательство... в деятельность лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела»²⁷; по ч. 2 ст. 303 УК РФ за фальсификацию доказательств по уголовному делу «лицом, производящим дознание» и по ст. 300 УК РФ за незаконное освобождение от уголовной ответственности «лицом, производящим дознание»²⁸. Или, например, по ст. 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ, составы контрабанды в которых с 1 января 2015 по 30 марта 2024 г. включали юридически несуществующее место совершения преступления: за «незаконное перемещение через таможенную границу "Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС" наличных денежных средств в крупном размере»²⁹; за незаконное переме-

щение через Государственную границу РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ»³⁰; за «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств»³¹. И хотя на законодательном уровне ситуация была исправлена в результате принятия Федерального закона от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ, вступившего в силу с 1 апреля 2024 г., которым в ст. 200¹, 226¹ и 229¹ УК РФ слова «Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» были заменены словами «Евразийского экономического союза», а в примечаниях 1–3 к ст. 200¹ сделана отсылка к праву Евразийского экономического союза, «живучесть» псевдобланкетных терминов в правоприменительной практике сохраняется до настоящего времени в силу правила ч. 1 ст. 9 УК РФ³². Например: «Суд апелляционной инстанции считает необходимым... квалифицировать его действия по уголовному закону, действовавшему на момент совершения преступления, то есть по ч. 1 ст. 226.1 УК... по признакам: незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС...»; «Приведение терминологии, используемой в ст. 226.1 УК... в соответствии с терминологией, используемой в праве Союза (Евразийский экономический союз), не относится к изменениям, подлежащим учету в силу ст. 10 УК...»³³.

Перечень примеров, иллюстрирующих негативные последствия наличия псевдобланкетных терминов в российском уголовном законе, может быть продолжен, но и приведенные, как думается, наглядно иллюстрируют, что псевдобланкетный термин – далеко не безобидная лексическая единица.

²⁵ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2024 № 77-1733/2024.

²⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.11.2007 по делу № 42-007-16; приговоры Барун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 22.09.2021 по делу № 1-160/2021 и Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 22.10.2021 по делу № 1-65/2021.

²⁷ Приговор Приволжского районного суда г. Казани от 26.07.2021 по делу № 1-25/2021.

²⁸ Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 06.09.2023 по делу № 22-3942/2023 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2022 № 77-2369/2022.

²⁹ Приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 22.02.2017 по делу № 1-69/2017.

³⁰ Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 19.09.2023 по делу № 1-344/2023.

³¹ Приговор Севского районного суда Брянской области от 26.06.2018 по делу № 1-73/2018.

³² См., например: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2025 № 77-798/2025; апелляционные определения Санкт-Петербургского городского суда от 28.08.2024 № 22-7510/2024 и Ленинградского областного суда от 12.02.2025 № 22-257/2025.

³³ Апелляционное определение Астраханского областного суда от 11.07.2024 по делу № 22-1128/2024.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет заключить, что существует острая потребность в устранении псевдобланкетных терминов из текста российского уголовного закона и недопущении их существования в будущем.

Для решения первой задачи есть, как думается, только один способ, хотя понятно, что он иллюзорный: псевдобланкетные термины нужно обнаружить и заменить на бланкетные, которыми оперируют иные отрасли права. Кто может придать импульс такой работе и на кого ее возложить? Лично у меня ответа на этот вопрос нет, поскольку для такой масштабной работы, требующей полной ревизии российского УК с учетом межотраслевых связей, нужна политическая воля. Но если законодатель все же решится на такую работу, хорошим подспорьем, как видно из сравнительно-правовых фрагментов выше, может служить позитивный опыт уголовного законодательства зарубежных государств, выявленный по результатам сравнительно-право-

вых исследований, имеющих прагматическую цель (об этой цели и практико-прикладной функции сравнительного правоведения см. подробнее: [6, с. 41–42; 7, с. 138–139]).

Для решения второй задачи – недопущения существования псевдобланкетных терминов в российском уголовном законе в будущем – необходимо межотраслевое согласование терминологических обозначений в случаях, когда замена или исключение существующих либо ввод новых терминов в корреспондирующие отрасли права должны влечь за собой соответствующую «параллельную» корректировку бланкетной терминологии в уголовном законе. Для этого вполне достаточно реального и полномасштабного воплощения в жизнь механизмов, предусмотренных Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ в части межотраслевых согласований, проведения правовой, юридико-технической, лингвистической и научной экспертиз (пп. «в» п. 1 ст. 105, п. 1, 2 ст. 112, п. 8 ст. 119, п. 6, 7 ст. 121, п. 1 ст. 124).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кострова М.Б. Бланкетное уголовно-правовое предписание как универсальная форма отражения системной взаимосвязи уголовного и иных отраслей права / М.Б. Кострова // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Российского конгресса уголовного права. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – С. 62–65.
2. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.И. Пикуров. – Волгоград, 1998. – 410 с.
3. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография / Н.И. Пикуров. – Москва : Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.
4. Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Фролова. – Уфа, 2013. – 230 с.
5. Законодательная техника : научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва : Городец, 2000. – 272 с.

REFERENCES

1. Kostrova M.B. Blanket Criminal Law Order as a Universal Form of Reflection of the Systemic Relationship of Criminal and Other Branches of Law. *Criminal Law in the System of Inter-Branch Connections: Problems of Theory and Law Enforcement. Materials of the XIII Russian Congress of Criminal Law*. Moscow, YurLitinform Publ., 2022, pp. 62–65. (In Russian).
2. Pikurov N.I. Theoretical Problems of Inter-Branch Connections of Criminal Law. *Doct. Diss.* Volgograd, 1998. 410 p.
3. Pikurov N.I. Qualification of Crimes with Blanket Features of Composition. *Russian Academy of Justice Publ.*, 2009. 288 p.
4. Frolova A.I. The Effect of Russian Criminal Law in Space: Legislative Regulation and Prospects for Its Improvement, Taking into Account the Experience of Criminal Legislation of Foreign Countries. *Cand. Diss.* Ufa, 2013. 230 p.
5. Tikhomirov Yu.A. (ed.). *Legislative Technique*. Moscow, Gorodec, 2000. 272 p.

6. Демичев А.А. Классическое и хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: общее и особенное / А.А. Демичев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (75). – С. 39–44.

7. Кострова М.Б. Законотворческие ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и возможности использования зарубежного опыта для их исправления. Часть вторая / М.Б. Кострова // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (74). – С. 136–150.

6. Demichev A.A. Classical and Chronodiscrete Mono-Geographical Comparative Jurisprudence: General and Specific. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 39–44. (In Russian).

7. Kostrova M.B. Legislative Errors in the Construction of the Russian Criminal Law Norm on Liability for Violations of the Rules of Road Traffic and Operation of Vehicles, and the Possibility of Using Foreign Experience to Correct Them. Part Two. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 136–150. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кострова Марина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права, заслуженный юрист Республики Башкортостан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostrova Marina Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 21.05.2025. The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.

ПОПОВА Евгения Михайловна
Восточно-Сибирский институт МВД России,
Иркутск, Россия,
e-mail: p_e_m_2013@mail.ru

POPOVA Evgenia Mikhailovna
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ДОЛЖНОСТНОЕ ПОЛНОМОЧИЕ» КАК НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ЕДИНООБРАЗНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 285 И 286 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMINAL LAW CONCEPTUALIZATION OF THE CATEGORY “OFFICIAL AUTHORITY”
AS A NECESSARY PREREQUISITE FOR A UNIFORM DELINEATION OF THE CRIMES
PROVIDED FOR BY ARTICLES 285 AND 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Актуальность проблематики настоящей статьи обусловлена необходимостью совершенствования правоприменительной практики в области квалификации преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ. Критический обзор разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, приговоров и научных работ позволил сделать вывод, что главным препятствием для единообразного разграничения злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий выступает отсутствие в уголовно-правовой доктрине теоретически зрелой конструкции должностного полномочия. Цель: предложить определение категории «должностное полномочие», которое содержит субстанциональные признаки и раскрывает его правовую природу, разработать конструкцию должностного полномочия и продемонстрировать ее влияние на квалификацию преступления. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики; эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; частнонаучные методы: юрико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: обоснован конструктивный базис должностного полномочия как структура следующих элементов: уполномоченное лицо (должностное лицо), субъект уполномочивания, интересы субъекта уполномочивания, дозволенное действие, условия и основания осуществления дозволенного действия, перечень нормативно-правовых актов. Предложенная конструкция должностного полномочия апробирована на примере приговора суда. Автор статьи уточняет новые

Abstract. The relevance of the problems of this article is due to the need to improve law enforcement practice in the field of qualification of crimes under Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. A critical review of the Russian Federation Supreme Court Plenum explanations, sentences and scientific works allows to conclude that the main obstacle to a uniform delineation between abuse of official authorities and excess of official authorities is the lack of a theoretically mature construction of official authority in criminal law doctrine. Purpose: to propose a definition of the category “official authority” that contains substantial features and reveals its legal nature, to develop official authority construction and to demonstrate its influence on the crime qualification. Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic; empirical methods of comparison, description, interpretation; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study substantiates the constructive basis of official authority as a structure of the following elements: authorized person (official), subject of authorization, interests of the subject of authorization, authorized action, conditions and grounds for the implementation of authorized action, list of regulatory legal acts. The proposed structure of official authority is tested on the example of a court sentence. The author of the article clarifies some new criteria for distinguishing between crimes provided for by Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the

критерии разграничения преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, и показывает, как изменится представление о содержании деяний, соответствующих указанным составам.

Ключевые слова: должностное лицо, должностные полномочия, права, обязанности, злоупотребление, превышение, квалификация, преступление, уголовно-правовая доктрина, концептуализация

Для цитирования: Попова Е.М. Уголовно-правовая концептуализация категории «должностное полномочие» как необходимая предпосылка для единообразного разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.М. Попова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 86–95.

Russian Federation and shows how the concept of the content of acts corresponding to the specified crimes will change.

Keywords: official, official authorities, rights, duties, abuse, excess, qualification, crime, criminal law doctrine, conceptualization

For citation: Popova E.M. Criminal Law Conceptualization of the Category “Official Authority” as a Necessary Prerequisite for a Uniform Delineation of the Crimes Provided for by Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 86–95. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.10.

ВВЕДЕНИЕ

Правоприменительная практика складывается таким образом, что расхождения в позициях стороны обвинения, стороны защиты, суда и органов предварительного следствия относительно квалификации деяния как злоупотребления или превышения должностных полномочий являются скорее правилом, чем исключением. Неоднозначный характер правовой оценки рассматриваемых должностных преступлений имеет свои причины и последствия. Анализ актуальной судебной практики показал, что нередко тонкая грань между злоупотреблением и превышением, оценочный характер общественно опасного деяния, сформулированного в диспозиции ст. 286 УК РФ как «совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий», и принцип состязательности сторон создают предпосылки для выбора «удобной» квалификации деяния, отвечающей интересам участников уголовного судопроизводства. Органы предварительного следствия и прокурор чаще приводят доводы в пользу превышения должностных полномочий по причине отсутствия необходимости устанавливать мотив совершения преступления, ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями

и о превышении должностных полномочий» (далее – постановление Пленума ВС РФ)¹. Однако разъяснения Пленума не дают исчерпывающего ответа относительно разграничения злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Более того, одни рекомендации по квалификации должностных преступлений противоречат друг другу, а другие требуют конкретизации. К обстоятельному обсуждению этих вопросов вернемся позже.

Выводы, основанные на изучении приговоров судов, не противоречат официальной статистике. Согласно данным ГИАЦ МВД России за 2024 г. количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 286 УК РФ (3215), в два раза превышает количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ (1633), а количество уголовных дел, возбужденных по ст. 286 УК РФ и направленных в суд с обвинительным заключением, больше в 1,7 раз количества уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, возбужденных по ст. 285 УК РФ. Динамика должностных преступлений такова, что за 2022–2024 гг. количество преступлений, предусмотренных

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 286 УК РФ, возросло на 18,1 %, в то время как количество общественно опасных деяний, регистрируемых ведомственной статистикой по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, сократилось на 14,7 %².

Значимым и в то же время недооцененным фактором, препятствующим достижению участниками уголовного судопроизводства консенсуса в решении вопроса безапелляционной квалификации деяния, выступает отсутствие единого подхода к пониманию должностного полномочия. В уголовном законе не закреплено понятие «должностное полномочие», а уголовно-правовая доктрина не предлагает определение этого термина, которое не только раскрывало бы правовую природу должностного полномочия, но и способствовало формированию единообразной судебной практики с последующим сокращением пересмотра уголовных дел в судах апелляционной и кассационной инстанций. Справедливо отметить, что в современной научной литературе исследованию правовой сущности полномочия, особенно применительно к сфере публичной власти, уделяется скромное внимание. Обозначенные проблемные вопросы обосновывают целесообразность внесения в повестку перспективных правовых исследований необходимость концептуализации категории «должностное полномочие» в рамках применения уголовного закона.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Обзор научных работ, посвященных осмыслению полномочия как особой правовой категории, показал, что наибольшей аргументированностью и последовательностью отличается позиция И.В. Лексина и Е.И. Орешина. Они отмечают, что данный правовой феномен возник в сфере гражданских правоотношений и у цивилистов отсутствуют разногласия по поводу его смыслового содержания, поскольку выработана достаточно стройная конструкция полномочия [1, с. 40; 2, с. 115],

² ГИАЦ МВД России. Сводный отчет по России о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за январь – декабрь 2022, 2023, 2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 01.02.2025).

которая включает в себя следующие субстанциональные признаки:

– полномочие имеет внешний источник прав и обязанностей, представляет собой возможность осуществлять права и обязанности другого лица, поэтому употребление данного термина возможно только в единственном числе;

– отсутствует свобода воли, поскольку уполномоченный действует в интересах уполномочившего его лица;

– объем понятия «полномочие» не охватывает объемы понятий «права» и «обязанности»; полномочие есть основание для реализации чужих прав и обязанностей, в связи с чем юридически значимые действия, совершаемые уполномоченным лицом, влекут возникновение и изменение прав и обязанностей только для уполномочившего лица.

Публично-правовая доктрина и нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность государственных и муниципальных служащих, не демонстрируют такой строгости и единообразия в употреблении термина [3, с. 22]. Уже с дореволюционных времен наблюдается устойчивая тенденция к сведению полномочия к правам и обязанностям уполномоченного лица, поэтому для публичного права стало нормой использование термина во множественном числе [4, с. 146]. Наглядным примером служат названия ст. 285 и 286 УК РФ.

Данную точку зрения на правовую сущность полномочия разделяют М.Д. Давитадзе и М.А. Мусалов. В своих работах, посвященных проблемам квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, они указывают на отсутствие в уголовном законе понятия «должностные полномочия» [5, с. 117; 6, с. 1415]. Авторы предлагают трактовать полномочия как права и обязанности должностных лиц, которыми они наделены соответствующими нормативно-правовыми актами.

В.И. Червонюк приводит аргументы в пользу толкования должностного полномочия как права должностного лица, которое следует расценивать в качестве юридического средства осуществления возложенной на это лицо обязанности [7, с. 168].

П.В. Никонов и В.Н. Шиханов отождествляют полномочия с правами и обязанностями

должностных лиц, установленными нормативными правовыми актами [8, с. 175].

Все-таки закономерно использование в названии и диспозиции ст. 285 и 286 УК РФ категории «полномочия», а не «права и обязанности», поскольку должностное лицо формально лишено свободы воли и действует в интересах службы, в то время как реализация субъективного права означает, что лицо действует по собственному усмотрению и в своих интересах.

В.А. Рясенцев приводит дополнительные доводы в пользу того, что ошибочно приравнивать полномочие к праву, поскольку в отличие от субъективного права полномочие нельзя нарушить, оно не порождает право на иск и не может быть передано в порядке цессии [9, с. 34]. Юридическая обязанность – это необходимое действие (воздержание от действия), которое имеет нормативное закрепление. Кроме того, юридическая обязанность предполагает существование лица, требующего совершения действий обязанным лицом. Должностное лицо, совершая в рамках полномочия юридически значимые действия, не становится субъектом правоотношений, обязанности возникают у уполномочившего лица.

Разберем на примере. Глава муниципального образования уполномочен подписывать акты о приемке выполненных работ (КС-2) и справки о стоимости работ (КС-3) в рамках заключенных муниципальных контрактов. Это полномочие нельзя назвать правом, так как глава действует не по собственному усмотрению, а согласно установленному порядку и в интересах муниципального образования. В частности, указанные в акте виды и объемы выполненных работ должны строго соответствовать локальному сметному расчету. Данное полномочие нельзя приравнять к обязанности. Во-первых, подписание указанных документов не носит необходимого характера. Во-вторых, отсутствует лицо, перед которым глава несет обязанность подписывать отчетную документацию. Исполнитель работ не имеет права требования к должностному лицу, поскольку, как было подчеркнуто ранее, обязанности по контракту возникают у муниципального образования, лично для должностного лица заключение и исполнение контракта не влечет юридических последствий. Само муниципальное об-

разование – это субъект, который не требует подписания документов, а предоставляет возможность должностному лицу принимать решения о подписании КС-2 и КС-3, руководствуясь интересами муниципального образования.

Тот факт, что в уголовно-правовой доктрине достаточно прочно укоренилось представление о полномочии как о совокупности прав и обязанностей, во многом объясняется позицией Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении Пленума ВС РФ: под злоупотреблением полномочиями следует понимать совершение лицом деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями.

Следует признать, что наибольшей ортодоксальностью и теоретической зрелостью отличаются суждения о правовой природе полномочия, высказанные И.В. Лексиным, Е.И. Орешиним, А.В. Шмидтом [1, с. 56; 2, с. 119; 10, с. 199]. В их научных работах должностное полномочие определяется как факультативная характеристика правового статуса лица, состоящая в нормативно закрепленной возможности принимать юридически значимые решения и осуществлять соответствующие действия (функции) в интересах государства и общества.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ДОЛЖНОСТНОЕ ПОЛНОМОЧИЕ»

Концептуализация представляет собой результат осмысления правового феномена на уровне категорий. Категория как универсальная форма мышления отражает наиболее существенные признаки явления. Автором предпринята попытка посредством анализа и обобщения академических трудов и судебной практики выделить субстанциональные признаки должностного полномочия и предложить конструктивную основу использования данной категории в уголовно-правовой доктрине.

Должностное полномочие – это дозволение должностному лицу осуществлять действия в интересах общества и государства, а также условия и основания их осуществ-

вления, регламентированные нормативно-правовыми актами. Исходя из предложенного определения, конструкцию должностного полномочия целесообразно представить как структуру следующих элементов:

- уполномоченное лицо (должностное лицо);
- субъект уполномочивания;
- интересы субъекта уполномочивания;
- дозволенное действие;
- условия и основания осуществления дозволенного действия, регламентированные нормативно-правовыми актами;
- перечень нормативно-правовых актов, однозначно определяющих перечисленные элементы.

Рассмотрим элементы, демонстрируя тесную взаимосвязь между ними и тем самым обосновывая необходимый характер каждого из них.

Во-первых, должностное лицо, реализующее полномочие, является не представителем в классическом понимании института представительства, а выполняет общественно важные задачи, действуя в интересах общества и государства. Если в частноправовой сфере полномочие предоставляется конкретным физическим или юридическим лицом, то в публично-правой сфере уполномочивший субъект не сводится к одному лицу – должностные лица действуют одновременно в интересах нескольких субъектов, что обусловлено аффилированностью государственных и муниципальных учреждений и предприятий с публично-правовыми образованиями. Например, директор школы в сельском поселении действует в интересах школы как бюджетного учреждения соответствующего муниципального округа, являющегося учредителем школы, и комитета образования администрации муниципального округа, выполняющего функции и полномочия учредителя. Во-вторых, в гражданских правоотношениях наделение представителя полномочием носит индивидуальный характер, а в публично-правовой сфере – нормативный, так как действует ряд нормативно-правовых актов, закрепляющих за должностным лицом полномочия и устанавливающих круг интересов субъектов уполномочивания.

Индуктивным путем выделим субъекты уполномочивания должностных лиц и нормативно-правовые акты, раскрывающие содержание интересов соответствующих субъектов. В зависимости от уровня публичной власти, которой принадлежит должностное лицо, уполномочившими субъектами выступают Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование. Законные интересы данного уполномочившего субъекта нормативно закреплены в Конституции РФ или республик, уставах краев, областей, муниципальных образований и, как правило, выражаются в обеспечении благополучия и безопасности населения как высшей цели осуществления государственной власти и местного самоуправления.

Следующим субъектом уполномочивания выступают органы публичной власти, где должностное лицо непосредственно осуществляет деятельность. Интересы органов государственной власти уточняются в задачах и функциях, которые регламентируются в положении об органе, утверждаемом постановлением правительства субъекта Российской Федерации.

Еще одним субъектом уполномочивания являются государственные и муниципальные учреждения, унитарные предприятия, компании, корпорации. Законные интересы перечисленных субъектов конкретизируются в целях их деятельности, изложенных в уставах предприятий или учреждений.

Особо следует акцентировать внимание на том, что необходимыми элементами конструкции должностного полномочия выступают условия и основания осуществления дозволенного действия. Неотъемлемость этих составляющих в структуре должностного полномочия объясняется следующим образом: поскольку должностное лицо действует исключительно в интересах общества и государства, необходимо очертить границы этих действий, которыми выступают регламентированные нормативными правовыми актами условия и основания. Существует еще одна причина приоритетного рассмотрения именно этого элемента конструкции должностного полномочия. Условия и основания – краеугольный камень в решении проблемы единообразного разграничения составов пре-

ступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ. Ранее было обозначено, что некоторые рекомендации постановления Пленума ВС РФ по квалификации должностных преступлений противоречат друг другу. Самое время предметно обсудить данный вопрос.

Согласно ч. 15 постановления Пленума ВС РФ как злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться действия должностного лица, которые входят в круг его должностных полномочий, однако отсутствуют обязательные условия или основания для их совершения. В то же время в соответствии с ч. 19 указанного постановления превышение должностных полномочий может выражаться в совершении должностным лицом действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте. Противоречие этих рекомендаций заключается в том, что действия, которые были совершены должностным лицом и которые он уполномочен совершать, но при этом отсутствовали обязательные условия и основания для их совершения, Верховный Суд предлагает одновременно квалифицировать и как злоупотребление, и как превышение. Прямым следствием выявленного противоречия является пересмотр уголовных дел в судах апелляционной и кассационной инстанций.

Главная причина того, что участники уголовного судопроизводства по-разному трактуют положения уголовного закона и постановления Пленума ВС РФ, в то время как сами рекомендации Пленума носят двоякий и непоследовательный характер, заключается в отсутствии конструктивной основы использования категории «должностное полномочие» в уголовно-правовой доктрине. Возвращаясь к ранее приведенным выдержкам из постановления Пленума ВС РФ, можно наглядно продемонстрировать, как конструкция полномочия влияет на квалификацию деяния. В случае, когда Верховный Суд дает указание квалифицировать действие как злоупотребление должностными полномочиями (ч. 15), конструкция должностного полномочия ограничивается дозволенным действием. В случае, когда Верховный Суд дает указание квалифицировать действие как превышение должностных полномочий (ч. 19), конструкция должностного полномочия включает не

только дозволенное действие, но и условия и основания, необходимые для его совершения.

АПРОБАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ ДОЛЖНОСТНОГО ПОЛНОМОЧИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРИГОВОРА, ВЫНЕСЕННОГО ДОБРЯНСКИМ РАЙОННЫМ СУДОМ 19 ИЮЛЯ 2021 г. по делу № 1-103/2021

Начальник МКУ «Управление жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства администрации Добрянского муниципального района», выполняющая функции заказчика по муниципальному контракту:

– согласовал замену тротуарной плитки «Старый город», указанной в локальном сметном расчете к контракту, на тротуарную плитку «Катушка», которая не обладает улучшенными техническими и функциональными характеристиками по сравнению с тротуарной плиткой «Старый город»;

– подписал акты о приемке выполненных работ (форма КС-2), справки о стоимости выполненных работ и затрат (форма КС-3), в которых не была отражена замена более дешевой плитки и одновременно были отражены фактически невыполненные работы по закупке и высадке цветов-многолетников, что имело своим следствием необоснованное расходование бюджетных средств в размере 971 815,94 руб.³

Органы предварительного расследования квалифицировали указанные действия по ч. 1 ст. 286, ч. 2 ст. 292 УК РФ. Однако суд, исследовав представленные доказательства, посчитал, что действия начальника МКУ органами предварительного следствия ошибочно квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ, и квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 285 УК РФ. Особый интерес представляют аргументы, которые приводились в обоснование квалификации.

Органы предварительного расследования ссылались на ч. 7 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ⁴, согласно которой при исполнении муниципально-

³ Приговор Добрянского районного суда Пермского края от 19.07.2021 по делу № 1-103/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/93GkhD7s2XQt/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Доступ из спра.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го контракта заказчик имеет полномочие согласовать замену товара, выполнение работы или оказание услуги, качество, технические и функциональные характеристики которых являются улучшенными по сравнению с качеством и соответствующими техническими и функциональными характеристиками, указанными в контракте. Начальник МКУ не имел полномочия согласовывать замену тротуарной плитки и, как следствие, принимать выполненные работы, приемка которых осуществляется посредством подписания акта по форме КС-2. Добрянский районный суд, в свою очередь, ссылаясь на Положение об Управлении жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, в котором перечислены функции начальника МКУ, в частности полномочие заключать контракты и распоряжаться финансовыми средствами Управления в соответствии с законодательством Российской Федерации, заключил, что в силу своих должностных обязанностей он имел полномочия на подписание акта по форме КС-2.

Разногласия по квалификации деяния возникли из-за разного понимания того, что есть должностное полномочие. Органы предварительного следствия трактуют полномочие как дозволенное действие и основания (условия) для его совершения, а именно не просто «согласовать», а «согласовать замену при условии, что товары, работы, услуги лучше по качественным и техническим характеристикам», не просто «подписать акт КС-2», а «подписать акт КС-2, если виды и объем фактически выполненных работ соответствуют локальному сметному расчету». Суд сводит содержание полномочия исключительно к дозволенному действию, поэтому квалифицирует действия начальника МКУ как злоупотребление должностными полномочиями.

Анализируемый приговор суда наглядно показывает значимость концептуализации должностного полномочия для единообразного разграничения злоупотребления и превышения.

Как самостоятельный и замыкающий элемент конструкции должностного полномочия был выделен перечень нормативно-правовых актов. Правильно определенные источники закрепления должностного полномочия выступают необходимой предпосылкой для правильного применения уголовного

закона и, как следствие, вынесения законного и обоснованного приговора (ст. 297 УПК РФ). Верховный Суд РФ в ч. 22 постановления Пленума рекомендует судам выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, приводить их в приговоре и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяются в вину, ссылаясь при этом на конкретные нормы (статью, часть, пункт).

Настоящий приговор суда вскрывает причину ошибочной квалификации деяния, которая заключается в ненадлежащем исследовании законодательных и правоприменительных актов. Правильность квалификации действий начальника МКУ, которую дает Добрянский районный суд, можно поставить под сомнение:

– суд приходит к выводу о наличии полномочия подписывать акт по форме КС-2, ссылаясь только на Положение об Управлении жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, в котором сформулированы общие функции должностного лица, при этом не принимает во внимание содержание Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и самого муниципального контракта;

– суд выводит полномочие подписывать акт по форме КС-2 из перечня функций путем простого перечисления, без указания конкретных пунктов и частей данного Положения;

– вызывает большие вопросы вердикт суда о наличии полномочия подписывать акт по форме КС-2, который основывается на закрепленных в Положении функциях заключать контракты и распоряжаться финансовыми средствами Управления. Подобного рода дедукция неуместна.

Требование Верховного Суда РФ максимально конкретизировать полномочие посредством ссылки на пункт, часть, статью правового акта оправданно. Оставление без внимания районным судом положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ и условий муниципального контракта привело к неверно построенной конструкции должностного полномочия и в итоге к ошибочной квалификации деяния. В частности, ч. 7 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ однозначно определяет полномо-

чие начальника МКУ как заказчика по муниципальному контракту согласовывать замену тротуарной плитки только с улучшенными качественными характеристиками и только в этом случае осуществлять приемку работ посредством подписания акта по форме КС-2.

Изучение похожих приговоров суда позволило сделать вывод, что достаточно часто ни органы предварительного расследования, ни суды не включают в перечень правовых актов, регламентирующих должностные полномочия, государственные (муниципальные) контракты. В то же время во многих контрактах в разделе «Порядок расчетов» есть пункт, согласно которому, если объем фактически выполненных работ окажется меньше объема, определенного в проектно-сметной документации, заказчик производит оплату пропорционально объему фактически выполненных работ. Из этого следует, что должностное лицо, реализуя функции заказчика, имеет полномочие подписывать акт по форме КС-2 только в части выполненных работ. То есть полномочие неправомерно сводить только к дозволенному действию, проявляющемуся в подписании акта, игнорируя обязательные условия, установленные контрактной документацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свете предложенной концепции включения в категорию «должностное полномочие» оснований и условий осуществления дозволенного действия целесообразно уточнить новые критерии разграничения преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, и показать, как изменится представление о содержании деяний, соответствующих указанным составам. Отправной точкой для правильного применения уголовного закона служит перечень нормативно-правовых актов и иных документов, от полноты и релевантности которого зависит верная квалификация общественно опасного деяния. В связи с этим первый критерий разграничения – наличие нормативно-правовых актов, локальных актов, положений, писем, должностных инструкций, контрактной документации, регламентирующих условия и основания, наступление которых необходимо для реализации дозволенного действия.

Если в обозначенных нормативных правовых и правоприменительных актах не прописаны основания и условия для использования полномочий, то деяние следует квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями, поскольку не устанавливаются пределы допустимых действий, а значит, не представляется возможным квалифицировать деяние как «явно выходящее за пределы полномочий», то есть превышение. В случае, когда условия и основания имеют юридическое закрепление, то формируются достаточно весомые предпосылки для квалификации содеянного как превышения должностных полномочий. Когда устанавливаются границы дозволенного действия посредством закрепления в нормативных правовых актах условий и оснований, задача правоприменителя сводится к поиску ответа на вопрос о том, не выходит ли совершенное деяние за эти границы. Однако более точная квалификация становится возможной после применения второго критерия.

Второй критерий разграничения – степень конкретизации условий и оснований. Здесь речь идет о праве усмотрения должностного лица, которое предполагает отсутствие строго регламентированного порядка, необходимости соблюдения жестко установленных критериев и которое, как следствие, выражается в некоторой свободе действий, ограничиваемой интересами службы. Таким образом, чем ниже степень конкретизации условий и оснований, тем больше предпосылок для квалификации деяния как злоупотребления. Напротив, если правовыми актами устанавливаются определенный диапазон допустимых вариантов действий, четкие критерии, которым необходимо соответствовать для осуществления дозволенного действия, то выход за эти границы означает превышение должностных полномочий.

Продемонстрируем применение обозначенных критериев разграничения составов преступления на вступившем в законную силу приговоре суда.

Ленинским районным судом г. Ижевска был вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 285 УК РФ в отношении заместителя директора ГОУ ДПО «Учебно-методический центр по гражданской обороне, чрезвычай-

ным ситуациям и пожарной безопасности Удмуртской Республики» (далее – ГОУ ДПО «УМЦ УР»)⁵. Судом было установлено, что ФИО1 злоупотребила должностными полномочиями. Это выразалось в увеличении размера премии работникам учреждения с последующим получением части от указанных премий. Применяя первый критерий разграничения, приходим к выводу, что действует ряд нормативных правовых актов, закрепляющих условия и основания для подписания приказов о премировании, а именно Устав ГОУ ДПО «УМЦ УР» от 31 декабря 2020 г. и Положение о премировании работников ГОУ ДПО «УМЦ УР» от 16 января 2013 г. Следовательно, имеются предпосылки для квалификации деяния как превышения должностных полномочий. Однако более весомые аргументы можно получить после применения второго критерия разграничения, в частности, определив, насколько строго очерчиваются рамки дозволенного поведения и вписывается ли в них совершенное противоправное деяние.

На основе анализа описательно-мотивировочной части приговора суда были выделены четыре основания и условия премирования: 1) периодичность (месяц, квартал, полугодие, год); 2) максимально допустимый размер премии – не более 34 % от оклада; 3) условия – ежемесячные премии начисляются за конечные результаты работы согласно трудовому вкладу; 4) источники стимулирующих выплат – если стимулирующие выплаты осуществляются за счет доходов от деятельности учреждения, то должна быть создана комиссия, поскольку директор не имеет полномочий единолично определять расходование внебюджетных денежных средств на выплаты стимулирующего характера. Таким образом, весьма резонно утверждать о достаточно высокой степени конкретизации условий и оснований для выплаты премий.

Чтобы сделать окончательный вывод о квалификации, необходимо провести детальный анализ совершенного деяния на предмет соответствия данным критериям

⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 19.07.2024 по делу № 1-319/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VxHyhFCCwCot> (дата обращения: 05.03.2025).

премирования. Другими словами, сопоставить фактическое деяние с «эталонным» полномочием, сконструированным из положений нормативных правовых актов.

Судом было установлено, что суммы премий были несоразмерны трудовому вкладу работников, составляли более 100 % от размера оклада, выплачивались ФИО1 за счет внебюджетных источников денежных средств единолично, без образования комиссии. Таким образом, ФИО1 выдавала премии при отсутствии обязательных условий и оснований, а значит, не имела на то соответствующих полномочий и содеянное следует квалифицировать по ст. 286 УК РФ.

Кроме того, ФИО1 заключала с теми же работниками учреждения дополнительные соглашения к трудовому договору, в рамках которых были предусмотрены ежемесячные выплаты в размере 10 тыс. руб. Впоследствии часть этих выплат передавалась ФИО1. Согласно приказу ГОУ ДПО «УМЦ УР» с сотрудниками учреждения правомерно заключать такие соглашения, если дополнительные работы не входят в их обязанности по трудовому договору. Однако приказом не конкретизируются виды, характер, объем и стоимость таких работ. Формально ФИО1 действовала в рамках предоставленных ей полномочий, а именно реализовывала право усмотрения. Хотя судом было установлено, что отраженные в соглашении дополнительные виды работ не входят в круг обязанностей, закрепленных трудовым договором, после заключения соглашений фактический объем работы не увеличился, так как работники учреждения ранее выполняли работы, которые впоследствии стали предметом соглашения. Исходя из изложенного можно констатировать, что правовые основания и условия для заключения подобных соглашений были, но их заключение не вызвано служебной необходимостью, противоречит интересам службы, закрепленным в Уставе учреждения, состоящим в целевом и эффективном использовании денежных средств учреждения. Таким образом, последовательное применение выделенных нами критериев разграничения составов преступлений позволяет сделать вывод, что совершенное ФИО1 деяние соответствует объективной стороне ст. 285 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лексин И.В. Полномочие как категория отечественной юриспруденции: диалектика многозначности и унифицированности / И.В. Лексин // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 37–58.
2. Орешин Е.И. Правовая природа полномочия представителя / Е.И. Орешин // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 113–121.
3. Иванов Р.Л. Субъекты правотворчества: основные полномочия / Р.Л. Иванов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 19–28.
4. Романовская О.В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования / О.В. Романовская // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 36. – С. 143–154.
5. Давитадзе М.Д. Злоупотребление должностными полномочиями / М.Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 5. – С. 114–121.
6. Мусалов М.А. Превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями. Проблемы квалификации / М.А. Мусалов // Экономика и социум. – 2017. – № 1-2 (32). – С. 1413–1417.
7. Червонюк В.И. Злоупотребление правом в сфере действия частного и публичного права / В.И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 166–170.
8. Никонов П.В. Теория и практика квалификации должностных преступлений (глава 30 УК РФ) : учебное пособие / П.В. Никонов, В.Н. Шиханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. – 776 с.
9. Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве / В.А. Рясенцев. – Москва : Консультант плюс, Статут, 2006. – 601 с.
10. Шмидт А.В. Полномочия как элемент специального правового статуса / А.В. Шмидт // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 1. – С. 196–203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgenia Mikhailovna – Candidate of Sciences (Economics), Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 25.03.2025. The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.

REFERENCES

1. Leksin I.V. Authority as a Category of Russian Jurisprudence: Dialectics of Polysemy and Unification. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 37–58. (In Russian).
2. Oreshin E.I. Legal Nature of the Representative's authority. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2007, no. 2. pp. 113–121. (In Russian).
3. Ivanov R.L. Subjects of Law-Making: Basic Powers. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 19–28. (In Russian).
4. Romanovskaya O.V. Delegation of State Authoritative Powers in the Public Regulation System. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2017, iss. 36, pp. 143–154. (In Russian).
5. Davitadze M.D. Abuse of Office. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 5, pp. 114–121. (In Russian).
6. Musalov M.A. Abuse of Power and Abuse of Power. Problems of Qualification. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*, 2017, no. 1-2 (32), pp. 1413–1417. (In Russian).
7. Chervonyuk V.I. Abuse of Rights in the Sphere of Private and Public Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3, pp. 166–170. (In Russian).
8. Nikonov P.V., Shikhanov V.N. Theory and Practice of Qualification of Official Crimes (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation). 2nd ed. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2021. 776 p.
9. Ryasentsev V.A. Representation and Transactions in Modern Civil Law. Moscow, Consultant plus, Statut Publ., 2006. 601 p.
10. Schmidt A.V. Powers as an Element of Special Legal Status. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2024, no. 1, pp. 196–203. (In Russian).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ДОСТУПОМ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION

Аннотация. В статье показана необходимость рассмотрения направлений повышения эффективности расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, что обусловлено их широкой на сегодняшний день распространенностью. Прикладное значение исследования заключается в возможности формирования на основе криминалистической характеристики указанного вида преступлений частных криминалистических методик расследования таких преступлений, создания криминалистических учетов цифровых доказательств, разработки специализированного программного обеспечения в виде систем поддержки принятия решений, применяемых при выдвижении следственных версий. Цель исследования: описание элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с учетом современного развития информационных технологий. В процессе исследования использовалась совокупность общих (описания, обобщения и сравнения), общенаучных (анализа, синтеза, моделирования и классификации) и частнонаучных (статистический, кибернетический) методов познания. Результаты: описаны элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, которые могут выступить основой для формирования информационной модели (цифрового двойника) преступления.

Abstract. The article shows the need to consider the directions of improving the effectiveness of investigation of crimes related to illegal access to computer information, which is due to their widespread today. The applied significance of the study lies in the possibility of forming on the basis of the criminalistic characteristic of this type of crime private criminalistic methods of investigation of such crimes, creating criminalistic records of digital evidence and developing specialized software in the form of decision support systems used in putting forward investigative versions. The purpose of the research is to describe the elements of the criminalistic characteristics of crimes related to illegal access to computer information, taking into account the modern development of information technology. Research methods: in the course of the study, a set of general (description, generalization and comparison), general scientific (analysis, synthesis, modeling and classification), specific scientific (statistical, cybernetic) methods of cognition is used. Research results: the article describes the elements of the criminalistic characteristics of crimes related to illegal access to computer information, which can be the basis for the formation of an information model (digital twin) of the crime.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступность, неправомерный доступ к информации, криминалистическая характеристика преступлений, цифровая модель преступления, цифровые двойники, алгоритмы расследования, оптимизация расследования, компьютерная криминалистика, искусственный интеллект

Для цитирования: Харисова З.И. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации / З.И. Харисова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 96–105.

Keywords: computer information crimes, cybercrime, illegal access to information, criminalistic characteristics of crimes, digital model of crime, digital twins, investigation algorithms, investigation optimization, digital criminalistics, artificial intelligence

For citation: Kharisova Z.I. Criminalistic Characteristics of Crimes Related to Illegal Access to Computer Information. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 96–105. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.11.

ВВЕДЕНИЕ

Преступления в сфере компьютерной информации – это обозначение преступных деяний, предусмотренных гл. 28 УК РФ, объединяющей ст. 272, 272.1, 273, 274, 274.1, 274.2. Стоит отметить, что в настоящее время существенно увеличилось количество преступлений, связанных с утечкой конфиденциальных данных, способных нанести ущерб объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (ст. 274.1); хищением персональных данных граждан, их неправомерным использованием и распространением (ст. 272.1) [1, с. 156]; противоправным применением информационно-телекоммуникационных технологий организованными преступными группами, которые все чаще используют вредоносное программное обеспечение (ст. 273); нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации (ст. 274), централизованного управления средствами противодействия угрозам устойчивости и безопасности функционирования сети Интернет (ст. 274.2). Отдельно следует отметить неправомерный доступ к охраняемой законом информации (ст. 272), который составляет 99,56 % от общего числа зарегистрированных в 2024 г. преступлений в сфере компьютерной информации¹.

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / М.В. Гончарова, М.М. Бабаев, Р.В. Черкасов и др. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2025. С. 28.

В связи с этим особенно важно рассмотреть возможности оптимизации процесса расследования именно преступлений, связанных с несанкционированным доступом к информации, в частности изучить элементы, входящие в их криминалистическую характеристику.

Под доступом к компьютерной информации понимается возможность ознакомиться с ней либо в дальнейшем ею воспользоваться² в результате применения тех или иных средств и способов, что определяет наступление одного или нескольких последствий:

- уничтожение информации (в виде приведения ее (или ее части) в непригодное для использования по назначению состояние вне зависимости от возможности дальнейшего ее восстановления);

- блокирование информации (в виде создания условий, препятствующих в течение некоторого времени или постоянно доступу к компьютерной информации субъекта, имеющему право на него, а также ограничения или прекращения доступа к персональным компьютерам, системам и находящимся в них информационным ресурсам);

- модификация информации (в виде любых изменений компьютерной информации, в том числе внесение изменений в программное обеспечение, базы данных и информационные ресурсы, размещаемые на электронных носителях информации);

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– копирование информации (в виде неправомерного дублирования информации на другой носитель и воспроизведения ее в любой форме).

Соответственно, неправомерным признается доступ к информации лица, которое на момент доступа не обладало соответствующими правами на работу с данной информацией, персональным компьютером или информационной системой, равно как и не имело прав на использование средств и способов для ознакомления с информацией, в отношении которой приняты специальные меры защиты³.

ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ДОСТУПОМ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Все преступления в сфере компьютерной информации имеют общую родовую криминалистическую характеристику [2, с. 585], которая включает в себя сведения о способах совершения преступлений, лицах, их совершивших, о потерпевшей стороне и обстоятельствах, способствующих и препятствующих совершению данных преступлений. Между тем лишь перечисление элементов такой системы не может в полной мере определять ее сути, требующей выявления взаимосвязей между ее составляющими. Поэтому актуальной задачей является проведение содержательного анализа элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, с точки зрения системно-структурного, а также кибернетического подходов. Результаты анализа могут послужить основой для формирования информационной модели преступления в сфере компьютерной информации на основе наиболее значимых элементов сформированной криминалистической характеристики.

Анализ уголовных дел по фактам совершения рассматриваемых преступлений позволил выделить соответствующие текущему уровню состояния преступности в сфере компьютерной информации элементы их криминалистической характеристики:

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 3. Особенная часть. Раздел IX / В.М. Лебедев и др. ; отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2024. С. 286.

– способ совершения преступления (с описанием типичных следов преступления, способов их сокрытия, вероятных мест их нахождения и распространенности (серийности) преступного деяния);

- обстановка (место (среда), время) совершения преступления;
- личность преступника;
- личность потерпевшего и (или) предмет посягательства.

Включение в «способ совершения преступления» в сфере компьютерной информации такого элемента, как «распространенность (серийность) преступного деяния», целесообразно, поскольку подтверждается на практике необходимостью проверки схожести (серийности) эпизода с ранее выявленными преступными деяниями и обязательным включением сведений о способе и иных обстоятельствах совершения преступления в подсистемы программно-технического комплекса интегрированного банка данных федерального уровня (ИБД-Ф) ГИАЦ МВД России. Кроме того, серийность преступного деяния – один из обязательных реквизитов⁴ для указания в статистической карточке преступления, содержание которого может выступить основой для формирования нового криминалистического учета цифровых доказательств [3, с. 96], что сонаправлено с одной из основных задач государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий⁵.

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Среди основных преднамеренных способов осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации можно отметить преодоление систем защиты в виде хи-

⁴ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 25.03.2025 № 41-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щения учетных данных пользователей; использование несовершенств систем защиты информации; выявление уязвимостей программного обеспечения (эксплоитов (от англ. exploit – эксплуатировать)) и операционных систем; несанкционированное подключение к техническим средствам и информационным системам, а также вспомогательному компьютерному оборудованию – внешним запоминающим устройствам и пр., в том числе удаленно или в случае системной поломки; фишинг (создание поддельных ресурсов или сообщений для несанкционированного получения данных) и т. п.

Процессы, возникшие в ходе случайных действий либо стечения обстоятельств, относят к непреднамеренным. Это может быть, например, доступ к учетной записи иного пользователя из-за автосохранения пароля в браузере; работа на ПЭВМ, доступ к которой имеется у нескольких пользователей (в офисе, коворкинге), с сохранением личных данных в системе. К программным способам можно отнести неправомерный доступ к компьютерной информации, осуществленный с использованием специализированного программного обеспечения. Доступ к информации с использованием непрограммных способов осуществляется посредством специальных технических средств, но не предполагает использование дополнительных приложений (например, установку аппаратных устройств, записывающих нажатия клавиш (кейлоггинг), и т. п.). В целом все способы неправомерного доступа к компьютерной информации можно подразделить на непосредственный, удаленный и гибридный. В большинстве случаев при совершении указанных преступлений применяются комбинации перечисленных способов, функционирующих по различным алгоритмам [4, с. 100].

Анализ уголовных дел позволил выявить основные средства совершения неправомерного доступа к компьютерной информации. При непосредственном доступе ими могут выступать носители информации, эксплуатируемые с техническими средствами, а при опосредованном – сетевое оборудование и средства доступа в информационные системы (средства вычислительной техники, мобильные средства связи и пр.). К основным сред-

ствам также относится различное программное обеспечение (например, VPN-сервисы (Virtual Private Network – виртуальная частная сеть), обеспечивающие шифрование трафика и сокрытие реального IP-адреса преступника, системы прокси-серверов, построенные на базе многослойного шифрования данных, и пр.), в том числе вредоносное, предназначенное для распространения в локальных информационных системах в целях выполнения какого-либо деструктивного действия (удаление, блокирование или изменение файлов), а также программное обеспечение, предназначенное для проведения тестов на проникновение, и пр.

Основными способами сокрытия следов неправомерного доступа к компьютерной информации являются: очищение журналов и шифрование событий в системе; удаление сведений о подключениях к ПЭВМ или информационным системам; использование программных средств анонимизации в целях подмены IP-адресов устройств (VPN-сервисы и системы прокси-серверов); несанкционированное подключение к беспроводным точкам доступа; использование беспроводных модемов с SIM-картами, оформленными на подставных лиц, с целью анонимизации абонентских номеров, а также VoIP-технологий (от англ. Voice Over Internet Protocol – протокол, обеспечивающий передачу речевого сигнала по сети Интернет или другим IP-сетям) и виртуальных (облачных) автоматических телефонных станций; использование мессенджеров, обеспечивающих усиленное шифрование данных, и пр.

Типичными следами неправомерного доступа к компьютерной информации в общем случае являются: цифровые (установленное программное обеспечение, используемое для несанкционированного доступа, изменения в конфигурации операционной системы устройства, журналы подключений к ПЭВМ или информационным системам, модифицированные или заблокированные файлы данных и т. п.) и материальные следы на компьютерной периферии.

Основными следообразующими и следовоспринимающими объектами преступлений рассматриваемого вида могут выступать: системное и прикладное программное обеспечение; поименованные области записей на носителях информации; электронные файлы;

базы данных; электронные ключи (подписи); идентификаторы в сети передачи данных (например, IP-адрес устройства или MAC-адрес его сетевой карты), IMEI-коды мобильных средств связи, DNS-адреса; реестры операционных систем; файлы подкачки и временные файлы; сетевой трафик; цифровые финансовые активы и электронные кошельки; IMS-, SMS- и MMS-сообщения.

Отдельно стоит отметить факторы, связанные с развитием генеративного искусственного интеллекта, метавселенных и квантовых алгоритмов, которые порождают относительно новые виды преступных деяний, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации (подмена данных, кража виртуальной собственности, идентификаторов личности, взлом ключей шифрования, перехват данных и т. п.). По рассматриваемым преступным деяниям следовоспринимающими и следообразующими объектами будут, например, сфальсифицированный мультимедиа контент [5, с. 2], метаданные [6, с. 416] и конфигурации серверов, формирующие метапространство (журналы функционирования программного обеспечения, обеспечивающего визуализацию трехмерных виртуальных пространств и работу децентрализованных сетей [7, с. 2], конфигурационные файлы с настройками дополненной (AR), виртуальной (VR) и расширенной (XR) реальностей, сетевые адреса взаимодействия цифровых аватаров и пр.), или конфигурации квантовых компьютеров (реестры эксплуатации квантовых приложений и дампов квантовых состояний, протоколы квантовых связей [8, с. 80] и пр.). Вероятными местами расположения типичных следов неправомерного доступа к компьютерной информации в цифровом виде являются носители информации, серверное оборудование и облачные хранилища, в том числе файлы и каталоги хранения данных, файлы конфигурации программ удаленного доступа и пр.

Распространенность преступного деяния выражается в установлении факта схожести эпизода на основе полученных сведений об использовании в преступной схеме способа совершения преступления. Так, например, идентифицирующими признаками схожести могут выступать идентичные реквизиты в виде MAC- или IP-адресов устройств, абонентских

номеров, программируемых ботов, используемых для совершения массовых атак, IMEI-кодов задействованных мобильных средств связи, электронных адресов, банковских реквизитов и т. п.

Несмотря на имеющиеся проблемы реализации основных принципов теории криминалистической идентификации [9, с. 80] по установлению связи между двумя объектами (идентифицируемым и идентифицирующим) посредством определения их идентичности или отсутствия таковой в процессе расследования преступного деяния [10, с. 236], а также на сложности идентификации материальных процессов, явлений, состояний материальных объектов и их комплексов в соответствии с кибернетической теорией распознавания образов [11, с. 71] и теорией криминалистической диагностики, введение категории «распространенность преступного деяния» в элемент криминалистической характеристики «способ совершения преступления» в свете построения цифровых криминалистических моделей [12, с. 60] представляется актуальным. Ввиду тесной взаимосвязи с цифровыми идентифицирующими признаками преступных деяний рассматриваемого вида это позволит наиболее просто осуществить выявление задействованных в преступлении объектов либо диагностику протекающих информационных процессов, например, путем использования методов интеллектуального анализа и распознавания данных [13, с. 8]. Предлагаемый подход соответствует одному из главных направлений совершенствования криминалистического обеспечения, который заключается в интеграции в процесс расследования алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения [14, с. 123].

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Обстановка совершения неправомерного доступа к компьютерной информации предполагает как непосредственный доступ к объекту посягательства (преимущественно в момент отсутствия обладателя защищаемой информации), так и удаленный из любой точки мира (при наличии подключения к сети Интернет или к локальной сети предприятия) и определяется спецификой работы

с данными в электронном виде, использованием программно-аппаратных средств для их обработки, хранения и передачи.

Местами совершения рассматриваемых преступлений являются как конкретные ПЭВМ, серверы или информационные системы (зачастую значительно удаленные друг от друга), так и локальные территории, учреждения и организации, в которых эксплуатируется объект преступления. В целях сокрытия физического расположения преступника удаленный доступ нередко осуществляется из общественных мест, предоставляющих сеть Интернет в порядке пользования услугами на базе организации. В подавляющем большинстве случаев местом (средой) совершения неправомерного доступа к компьютерной информации является киберпространство ввиду его распространенности среди населения, реже – метапространство, блокчейн (распределенные реестры) либо гибридные инфраструктуры (распределенные облачные системы хранения данных и пр.). Таким образом, местом совершения рассматриваемого вида преступлений является, как правило, место реализации преступного умысла в интернет-пространстве – место, где фактически располагалось компьютерное оборудование, посредством которого реализован преступный план.

Согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время окончания преступного деяния, вне зависимости от момента наступления последствий. Время совершения рассматриваемых преступлений не всегда устанавливается точно, поскольку при их совершении часто задействуются различные ПЭВМ, программное обеспечение, информационные системы и т. д., реестры функционирования которых бывает довольно сложно сопоставить. Кроме того, работа указанных средств связана с временем, установленным в их системе, которое может быть легко изменено преступником в целях искажения типичных следов.

Таким образом, анализ обстановки совершения преступления, представленной в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики, позволяет следователю получить информацию об обстоятельствах и условиях, предшествовавших преступлению, о том, что в обстановке спо-

собствовало или препятствовало его совершению, каким образом обстановка повлияла на выбор способов, орудий и средств совершения преступления, а также о личности потерпевшего и др. [15, с. 35].

Личность преступника

Сведения о преступнике, сопоставленные с данными о способе и обстановке совершения преступления, позволяют сформировать новые сведения, способствующие его поиску и изобличению [16, с. 32]. Как правило, лицо, осуществляющее неправомерный доступ к компьютерной информации, имеет высшее или среднее инженерно-техническое либо экономическое образование, обладает устойчивыми преступными навыками. Совершаемые преступления часто носят серийный, многоэпизодный характер и сопровождаются тщательными действиями по сокрытию следов преступной деятельности.

Все чаще рассматриваемые деяния совершают несовершеннолетние, действующие по заранее определенным алгоритмам, диктуемым преимущественно взрослыми, что способствует активному вовлечению этой категории лиц в преступную деятельность [17, с. 57].

Одной из особенностей личности преступника, совершающего преступление в сфере компьютерной информации в целом, является его возраст – от 16 до 45 лет [18, с. 77], около 90 % лиц, совершивших указанные деяния, мужского пола [19, с. 75]. Вместе с тем деление преступников на возрастные категории весьма условно [20, с. 44].

Как правило, преступник грамотно владеет комплексом манипулятивных приемов и техник воздействия на жертву с целью неправомерного доступа к конфиденциальной информации, методами социальной инженерии, а также совокупностью знаний в области социологии и психологии, которые позволяют управлять поведением людей, играя на их эмоциях, чувствах, страхах и рефлексках, прогнозируя их возможное поведение исходя из складывающейся обстановки. Анализ уголовных дел показывает, что преступники часто используют принцип доверия, построенного на знании, тщательно готовятся к атаке конкретного лица, собирая о нем информацию

из открытых источников, персонализируя ее под предмет неправомерного доступа.

Основными мотивами совершения неправомерного доступа к компьютерной информации выступают корыстные побуждения (получение материальной выгоды), личная неприязнь к собственнику информации, вымогательство или мошенничество, хулиганство, вандализм (разрушение информационных систем, атаки на технические средства и пр.), шпионаж (получение сведений экономической направленности, о личной жизни и пр.).

Личность потерпевшего и (или) предмет посягательства

Предметом неправомерного доступа к компьютерной информации являются охраняемые законом сведения, под которыми понимаются данные о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, находящиеся на машинном носителе информации, в ЭВМ, системе ЭВМ или их сети⁶ в форме электрических сигналов. Нематериальный характер компьютерной информации не может выступать веским аргументом в пользу отрицания возможности ее рассмотрения в качестве предмета неправомерного доступа по смыслу ст. 272 УК РФ [21, с. 184].

Личность потерпевшего можно связать с владельцем технического средства или информационной системы, в которые осуществлен неправомерный доступ. Потерпевших по рассматриваемым преступлениям можно также разделить на категории по принадлежности к физическим или юридическим лицам, к государственным структурам.

Исходя из анализа сложившейся за последние несколько лет следственной и судебной практики можно выделить отличительные особенности личности потерпевшего. Как правило, основными чувствами и эмоциями, которые испытывают потенциальные жертвы, являются любопытство, жадность, жалость или страх, способные отключить объективное восприятие действительности, критическое мышление и логику. Дополняет перечисленное такой фактор, как безотлагательность действий, диктуемых преступ-

ником, что усиливает манипуляционный эффект. В протоколах допроса потерпевших часто фигурируют фразы: «все было как в тумане», «сам(-а) не понял(-а), как все произошло», «сделал(-а) все на автомате» и пр. Таким образом, в ряде случаев осуществляется вовлечение потерпевшего в совершение преступления с применением психологических манипуляций с целью, например, получения уникального кода для осуществления несанкционированного доступа к ресурсу или склонения жертвы к самостоятельной загрузке программного обеспечения, позволяющего удаленно управлять ее устройством.

Характерной особенностью потерпевшей стороны является бездействие или неохотное желание сообщать о преступлении в правоохранительные органы, что обусловлено безосновательным предположением о низкой вероятности раскрытия преступления. Потерпевшие часто не могут предоставить минимально необходимые данные и доказательства для создания полноценной картины расследования (параметры входа в сеть, учетные данные и пр.) [22, с. 95], что является следствием пока еще низкого уровня просвещенности населения в области информационно-телекоммуникационных технологий. Часто потерпевший использует условно бесплатное программное обеспечение или приложения, в которых настроен обход контроля лицензий, что позволяет внедрить в устройство пользователя дополнительный функционал для несанкционированного доступа к информации.

Стоит также отметить, что исследование уголовных дел показало массовость и идентичность совершаемых преступлений рассматриваемого вида, которые редко организуются единолично. Часто правоохранительные органы имеют дело с повторяющимися, детально подготовленными деяниями со сложным и многоступенчатым механизмом, что может осуществляться только организованными преступными группами, включающими организатора; специалистов в области информационных технологий и программирования; лиц, обладающих компетенциями в области компьютерных технологий, эксплуатации ПЭВМ и иных технических средств, а также электронных кошельков с целью последующего перевода на них денежных средств; лиц,

⁶ Клепицкий И.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : ИНФРА-М, 2019. С. 556.

осуществляющих снятие наличных денежных средств со счетов или в банкоматах⁷, и пр.

Потерпевшей стороной среди юридических лиц обычно являются организации финансового сектора, преимущественно занимающиеся электронной коммерцией, оказывающие телекоммуникационные или образовательные услуги. Кроме того, крупные компании и корпорации не желают сообщать в правоохранительные органы о совершенных преступлениях в связи с действующей репутационной политикой, боязнью раскрытия механизма обеспечения информационной безопасности и функционирования систем защиты информации на предприятии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление актуального набора элементов, входящих в состав криминалистической характеристики отдельно взятого вида преступлений – в сфере компьютерной информации, – позволит в дальнейшем формировать информационно-компьютерные модели деяний [23, с. 69] (обобщение сведений о криминалистически значимых признаках конкретного вида преступления и их закономерных связях на основе изучения больших массивов уголовных дел), а также цифровые криминалистические модели преступлений (обобщение в машиночитаемой форме, в которой сведения о значимых признаках и их взаимосвязях выражены математическими категориями) в виде основ криминалистической методики их расследования. Знание о модели в виде типовых наборов элементов криминалистической характеристики преступлений

⁷ Обзор правоприменительной практики по противодействию киберпреступлений : аналитический обзор / Е.А. Антонян, Е.Р. Россинская, Е.Н. Клещина и др. М. : Консорциум «Инновационная юриспруденция», 2024. С. 85.

позволяет выдвигать достоверные криминалистические версии об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию в каждом конкретном случае.

Элементы криминалистической характеристики рассматриваемой категории преступлений имеют существенное значение и требуют своевременной актуализации. Стоит также отметить, что все выделенные составляющие находятся в неразрывной связи друг с другом и обретают причинно-следственные связи. Необходимость их выявления и актуализации обусловлена тем, что при наличии сформированных наборов элементов, специфичных для конкретного преступного деяния, следователь сможет выстроить криминалистические версии и подобрать наиболее подходящую методику расследования со значительно меньшими трудовыми и временными затратами.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации, фактически представляет собой информационно-теоретическую базу для создания типовых алгоритмов их расследования. Изложенное позволяет сделать вывод о возможности формирования на их основе так называемого цифрового двойника [24, с. 3563] преступления в виде его цифровой копии, позволяющей оптимизировать процесс расследования. В качестве исходных дополнительных данных для построения такого рода информационно-компьютерной модели могут быть отобраны условные признаки, которые в наибольшей степени влияют на прогноз раскрываемости (взятые, например, из статистических карт по преступлениям прошлых лет) и, по сути своей, выступают значимыми элементами криминалистической характеристики преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ходанов А.И. Проблемы придания статуса *casus belli* кибератаке на государство – члена НАТО / А.И. Ходанов. – DOI 10.33184/pravgos-2024.3.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 155–159
2. Россинская Е.Р. Избранное : монография / Е.Р. Россинская. – Москва : Норма, 2021. – 680 с.

REFERENCES

1. Khodanov A.I. Challenges of Granting the Status of *Casus Belli* to a Cyberattack on a NATO Member State. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 3, pp. 155–159. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.3.18.
2. Rossinskaya E.R. Selected. Moscow, Norma Publ., 2021. 680 p.

3. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики / Е.Р. Россинская. - DOI 10.33184/pravgos-2020.4.9 // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - № 4-1 (62). - С. 88-101.
4. Вехов В.Б. Компьютерные преступления. Способы совершения. Методики расследования : монография / В.Б. Вехов. - Москва : Право и закон, 1996. - 136 с.
5. Hashemi A. AI-generated or Ai Touch-Up. Identifying AI Contribution in Text Data / A. Hashemi, W. Shi, J. Corriveau // International journal of data science and analytics. - 2024. - № 1. - P. 1-12.
6. Pachimatla D. Advanced Algorithms to Detect and Prevent the Spread of Manipulated Images and Videos Using Deep Learning and AI / D. Pachimatla, R. Kilari, I.B. Ranitha // Proceedings of 5th International Conference on Recent Trends in Machine Learning, IoT, Smart Cities and Applications. - 2025. - № 1182. - P. 415-427.
7. Qin H. Identity, Crimes, and Law Enforcement in the Metaverse / H. Qin, Y. Wang, P. Hui // Humanities and Social Sciences Communications. - 2025. - № 12 (194). - P. 1-15.
8. Mihailescu M. Quantum algorithms / M. Mihailescu, S. Nita, V. Marascu. - Springer, 2025. - 118 p.
9. Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации / С.М. Потапов // Советское государство и право. - 1940. - № 1. - С. 66-81.
10. Криминалистика. Теоретический курс : монография / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин и др. - Уфа : НИИ ППГ, 2022. - 650 с.
11. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода : монография / В.С. Тюхтин. - Москва : Наука, 1972. - 256 с.
12. Бессонов А.А. Цифровая криминалистическая модель преступления как основа противодействия киберпреступности / А.А. Бессонов // Академическая мысль. - 2020. - № 4 (13). - С. 58-61.
13. Татарникова Т.М. Интеллектуальный анализ данных : монография / Т.М. Татарников. - Вологда : Инфра-Инженерия, 2024. - 172 с.
14. Макаренко И.А. Содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений / И.А. Макаренко // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (66-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва 25 апреля 2025 г. : в 3 ч. - Москва : Академия управления МВД России, 2025. - Ч. 2. - С. 119-126.
15. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики / Н.П. Яблоков // Криминалистическая характеристика преступления : сборник научных трудов научной конференции. - Москва, 1984. - С. 38-39.
16. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р.Л. Ахмедшин. - Томск, 2006. - 54 с.
17. Макаренко И.А. Развитие идей профессора Л.Л. Каневского в современной криминалистике / И.А. Макаренко. - DOI 10.33184/pravgos-2024.2.7 // Правовое государство: теория и практика. - 2024. - № 2. - С. 56-59.
18. Зуев С.В. ИТ-справочник следователя : монография / С.В. Зуев. - Москва : Юрлитинформ, 2019. - 232 с.
19. Holt T.J. Cybercrime and Digital forensics. Introduction / T.J. Holt, A.M. Bossler, K.C. Seigfried-Spellar. - Abingdon-Routledge, 2018. - 754 p.
3. Rossinskaya E.R. The Doctrine of Forensic Activities Digitalization and the Problems of Forensic Didactics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2020, no. 4-1 (62), pp. 88-101. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2020.4.9.
4. Vekhov V.B. Computer Crimes. Means of Committing. Investigation Methods. Moscow, Pravo i zakon Publ., 1996. 136 p.
5. Hashemi A., Shi W., Corriveau J. AI-generated or AI Touch-Up. Identifying AI Contribution in Text Data. *International Journal of Data Science and Analytics*, 2024, no. 1, pp. 1-12.
6. Pachimatla D., Kilari R., Ranitha I.B. Advanced Algorithms to Detect and Prevent the Spread of Manipulated Images and Videos Using Deep Learning and AI. *Proceedings of 5th International Conference on Recent Trends in Machine Learning, IoT, Smart Cities and Applications*, 2025, no. 1182, pp. 415-427.
7. Qin H., Wang Y., Hui P. Identity, Crimes, and Law Enforcement in the Metaverse. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2025, no. 12 (194), pp. 1-15.
8. Mihailescu M., Nita S., Marascu V. Quantum Algorithms. Springer, 2025. 118 p.
9. Potapov S.M. Principles of Criminalistic Identification. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1940, no. 1, pp. 66-81. (In Russian).
10. Eksarkhopulo A.A., Makarenko I.A., Zainullin R.I. et al. Criminalistics. Theoretical Course. Ufa, 2022. 650 p.
11. Tyukhtin V.S. Reflection, Systems, Cybernetics. Reflection Theory in Light of Cybernetics and Systems Approach. Moscow, Nauka Publ., 1972. 256 p.
12. Bessonov A.A. Digital Forensic Crime Model as a Basis for Countering Cybercrime. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2020, no. 4 (13), pp. 58-61. (In Russian).
13. Tatarnikova T.M. Data Mining. Vologda, Infra-Engineering Publ., 2024. 172 p.
14. Makarenko I.A. Contents of Criminalistic Support for Crime Investigation. *Criminalistics, Criminal Procedure and Forensic Expertology in the 21st Century: Development Vectors (66th Annual Criminalistic Readings). Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 25, 2025*. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2025, pt. 2, pp. 119-126. (In Russian).
15. Yablokov N.P. The Environment of the Crime as an Element of Its Criminalistic Characteristics. *Criminalistic Characteristics of the Crime. Collection of Scientific Papers of the Scientific Conference*. Moscow, 1984, pp. 38-39. (In Russian).
16. Akhmedshin R.L. Criminalistic Characteristics of the Criminal's Personality. *Doct. Diss. Thesis*. Tomsk, 2006. 54 p.
17. Makarenko I.A. The Development of Professor L.L. Kanevsky's Ideas in Contemporary Criminalistics. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 56-59. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.2.7.
18. Zuev S.V. Investigator's IT Handbook. Moscow, Yurлитinform Publ., 2019. 232 p.
19. Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and Digital Forensics. Introduction. Abingdon-Routledge, 2018. 754 p.

20. Хисамова З.И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики / З.И. Хисамова // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 43–47.

21. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения : монография / Е.А. Русскевич. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 352 с.

22. Харисова З.И. Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности в глобальной сети «Интернет» / З.И. Харисова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (85). – С. 92–98.

23. Россинская Е.Р. Информационно-компьютерные криминалистические модели компьютерных преступлений как элементы криминалистических методик (на примере «кибершантажа») / Е.Р. Россинская, А.И. Семикаленова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 42. – С. 68–80.

24. Tao F. Digital Twin-Driven Product Design, Manufacturing and Service with Big Data / F. Tao, J. Cheng, Q. Qi // International Journal of Advanced Manufacturing Technology. – 2018. – № 94. – P. 3563–3576.

20. Khisamova Z.I. On the Criminal Liability for Embezzlement Performed Using IT Technology: An Analysis of Legal Amendments and the Law Enforcement Practice. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2018, no. 9, pp. 43–47. (In Russian).

21. Ruskevich E.A. Criminal Law and “Digital Crime”: Problems and Solutions. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 352 p.

22. Kharisova Z.I. Current Issues of Law Enforcement Agencies of Crime Counteraction in the Global “Network”. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3 (85), pp. 92–98. (In Russian).

23. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I. Information-Computer Criminalistic Models of Computer Crimes as the Elements of Criminalistic Techniques (Using the Example of “Cyber Blackmail”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2021, no. 42, pp. 68–80. (In Russian).

24. Tao F., Cheng J., Qi Q. Digital Twin-Driven Product Design, Manufacturing and Service with Big Data. *International Journal of Advanced Manufacturing Technology*, 2018, no. 94, pp. 3563–3576.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харисова Зарина Ирековна – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharisova Zarina Irekovna – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 21.05.2025. The article was submitted 19.04.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LAW SCIENCES

Original article
УДК 341.6:347.736
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.12

Научная статья

БЕЛКИН Дмитрий Семенович
Славяно-Греко-Латинская Академия,
Москва, Россия,
e-mail: dmitryb81@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0003-1532-1958>

BELKIN Dmitry Semenovich
Slavic Greek Latin Academy,
Moscow, Russia.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРНЫХ СРЕДСТВ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СТРОИТЕЛЬНОГО КОНТРАКТНОГО ПРАВА

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PEACEFUL MEANS FOR INTERNATIONAL DISPUTE
RESOLUTION IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CONSTRUCTION CONTRACT LAW

Аннотация. В рамках международного строительного контрактного права на современном этапе существенным фактором остается поиск эффективных и мирных способов разрешения споров. Их актуальность обусловлена ростом транснациональных проектов и необходимостью применения унифицированных подходов к регулированию конфликтов. Цель исследования – выявить основные тенденции и направления развития мирных средств разрешения международных строительных споров с учетом растущего числа трансграничных контрактов и активности международных судебных институтов. Анализ базируется на сравнительно-правовом методе, контент-анализе научных публикаций и материалов международных конференций, а также изучении практики международных арбитражных трибуналов. Уделено внимание документам Международной федерации инженеров-консультантов, регламентирующим процедуру арбитража. Результаты: исследование показало актуальность гармонизированных процедур арбитража и медиации в строительных проектах, что позволяет снижать время и затраты при разрешении конфликтов. Показано, что глобальные тенденции в деятельности международных судебных органов затрагивают национальное правовое поле и формируют новые подходы к регулированию

Abstract. In the framework of international construction contract law at the present stage, the pursuit for effective and peaceful dispute resolution methods remains a critical factor. Their relevance is determined by the growth of transnational projects and the necessity for unified approaches to conflict settlement. This study aims to identify the principal trends and directions in the development of peaceful means for resolving international construction disputes, taking into account the rising number of cross-border contracts and the increasing activity of international judicial institutions. The analysis is based on the comparative legal method, content analysis of scholarly publications and international conference materials, and a review of the practice of international arbitration tribunals. Special emphasis is placed on documents from the International Federation of Consulting Engineers, which regulate arbitration procedures. Results: the findings highlight the relevance of harmonized arbitration and mediation procedures in construction projects, allowing for reduced time and costs in conflict resolution. The study shows that global trends in the operations of international judicial bodies affect national legal frameworks and shape new approaches to the regulation of construction disputes. The study also

строительных споров. Продемонстрирована автономизация международных судов и их взаимодействие с государствами, что влияет на баланс суверенитета и обязательства стран-участниц.

Ключевые слова: международное правосудие, международные строительные контракты, арбитраж, медиация, мирное разрешение споров, международное строительное контрактное право, Международная федерация инженеров-консультантов

Для цитирования: Белкин Д.С. Тенденции развития мирных средств разрешения международных споров в контексте международного строительного контрактного права / Д.С. Белкин. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 106–112.

demonstrates the autonomism of international courts and their interaction with states, influencing the balance between sovereignty and the obligations of participating countries.

Keywords: international justice, international construction contracts, arbitration, mediation, peaceful dispute resolution, international construction contract law, ICCL, International Federation of Consulting Engineers

For citation: Belkin D.S. Trends in the Development of Peaceful Means for International Dispute Resolution in the Context of International Construction Contract Law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 106–112. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.12.

ВВЕДЕНИЕ

Международное строительное контрактное право – ключевая составляющая международного коммерческого права (МКП), регулирующая трансграничные строительные сделки и проекты. Настоящее исследование направлено на всестороннее изучение развития таких механизмов, как медиация, арбитраж, а также судебные процессы через международные институты правосудия в контексте регулирования строительных контрактов. Несмотря на широкое применение арбитража как предпочтительного средства разрешения споров, другие методы, включая медиацию и дипломатические инструменты, постепенно приобретают значимость и становятся неотъемлемой частью системы разрешения международных строительных конфликтов. В контексте интеграционной динамики конца XX – начала XXI в. наблюдается тенденция к автономизации международных организаций, которые, привлекая ресурсы третьих сторон, существенно повышают свою ресурсную обеспеченность. Такая коммерциализация экспертной и аналитической деятельности международных организаций способствует их независимости от учредителей, что особенно ярко проявляется в бюджетных структурах данных организаций, где трансферты составляют лишь около поло-

вины всех поступлений [1]. Это создает новый уровень независимости в судебной деятельности и способствует формированию судебных органов, решения которых обязательны для государств-участников¹.

Учитывая процессы построения многополярного мира и рост масштабов транснациональных строительных проектов, арбитраж, медиация и дипломатические инструменты становятся все более актуальными, что обуславливает необходимость комплексного подхода к изучению их эффективности и применения. Тем не менее с течением времени международные судебные институты, расширив свои полномочия, начали оказывать существенное воздействие на внутреннее правовое пространство государств. Это привело к трансформации их функций, а в ряде случаев – к корректировке местных правовых норм или даже к проведению правовых реформ на национальном уровне [2].

В данном исследовании применены методы сравнительно-правового анализа и контент-анализа научных публикаций, материалов международных конференций, решений международных арбитражных трибуналов.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 005) от 04.11.1950 [Электронный ресурс] // Европейский суд по правам человека : сайт. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 04.10.2024).

Особое внимание уделено анализу процессов автономизации международных судебных органов в условиях построения многополярного мира, когда финансовое обеспечение многих организаций стало менее зависимым от трансфертов со стороны государств и значительно возросла роль негосударственных акторов [3]. Также проанализированы положения Нью-Йоркской конвенции 1958 г. «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений»². Рассмотрены арбитражные процедуры, разработанные Международной федерацией инженеров-консультантов (МФИК), проанализированы решения Международного суда ООН, вынесенные по результатам рассмотрения споров, связанных со строительством.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В настоящее время многие международные организации создают институциональные партнерства с негосударственными акторами, что способствует эффективному выполнению судебных функций. Наказание и примирение тесно взаимосвязаны и играют существенную роль в механизмах разрешения споров на международной арене. Х. Арендт в 1958 г. отметила: «People cannot forgive what they cannot punish, and they cannot punish what they find unforgivable» («Люди не способны простить то, за что они не могут наказать виновных, и не способны наказать виновных, если считают, что этого наказания будет недостаточно». – Пер. авт.) [4]. Эта дихотомия ярко проявляется в сфере международного коммерческого права, особенно в контексте международных строительных контрактов, где выбор методов разрешения споров зависит от восприятия сторонами возможности наказания и прощения. Например, выбор между арбитражем и медиацией может определяться тем, насколько стороны уверены в своей способ-

² Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10.06.1958) [Электронный ресурс] // UNCITRAL : сайт. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 04.10.2024).

ности эффективно наказать за нарушения. После создания международных трибуналов в Нюрнберге и Токио возникла тенденция к осознанию того, что цели разрешения споров выходят за рамки простой компенсации ущерба и включают восстановительные функции. Примером успешного функционирования международных судебных органов является Компенсационная комиссия ООН, ответственная за дела о возмещении ущерба от конфликта Ирака и Кувейта. Ее решения обладают обязательной силой и подтверждают значимость международного правосудия в принуждении к исполнению обязательств³.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА И УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВОВОГО БАЛАНСА

Несмотря на то что международное уголовное правосудие применяется реже по сравнению с арбитражем, его влияние на поддержание справедливости и стабильности в разрешении споров значительно. Исследователи в области международного уголовного права указывают, что примирение не следует рассматривать как полноценную «альтернативу правосудию». При этом, как отмечает Н.Ю. Ерпылева, международное частное право обладает полисистемным характером, объединяя национальные и международные нормы, но это не означает, что механизмы примирения автоматически подменяют полноценный судебный процесс [5]. Сомнительно, насколько примирение может служить основной целью международного уголовного правосудия. Международные судебные органы не способны непосредственно остановить конфликт или инициировать процесс примирения. Судебная палата может вынести приговор, но только заинтересованные стороны способны строить или восстанавливать социальные отношения. Международные судебные органы не могут требовать извинений от преступников или прощения от жертв. Либеральный уголовный процесс может способствовать уважению воли тех, кто не желает прощать.

³ United Nations Security Council. Resolution 705 (1991) [Электронный ресурс] // UN Compensation Commission : сайт. URL: [https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-705%20\[1991\].pdf](https://uncc.ch/sites/default/files/attachments/S-Res-705%20[1991].pdf) (дата обращения: 04.10.2024).

Примирение предполагает признание более широкой общей идентичности, однако в уголовном процессе могут быть созданы условия, способствующие формированию сложных примирительных механизмов.

СУДЕБНЫЕ ИНСТИТУТЫ И РАСТУЩАЯ РОЛЬ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПОРОВ

Развитие мирных средств разрешения споров в международном строительном контрактном праве характеризуется явной тенденцией к расширению использования медиации и арбитража как ключевых инструментов урегулирования конфликтов. Медиация, представляющая собой менее формализованный и более гибкий метод, приобретает все большую значимость, особенно в тех случаях, когда стороны стремятся сохранить и укрепить долгосрочные деловые отношения, минимизируя при этом затраты и время, связанные с традиционными судебными процедурами. Исследования Ч. Мура демонстрируют, что медиация эффективно сокращает время и расходы при разрешении споров, предоставляя сторонам возможность достичь взаимовыгодных соглашений без необходимости обращения в суд [6].

Кроме того, наблюдается общая тенденция к расширению компетенций международных судебных институтов, таких как Международный суд ООН, которые выходят за рамки традиционного межгосударственного разрешения споров и становятся важнейшими механизмами для решения вопросов, связанных с международными строительными проектами и обеспечением экономической стабильности государств. В последние десятилетия международные организации, такие как Европейский суд по правам человека, продемонстрировали значительное увеличение своей производительности. С 1998 г. количество рассмотренных заявлений возросло до 1,5 тысяч, что свидетельствует об интересе государств и частных субъектов к судебным механизмам разрешения споров⁴,

подчеркивает роль судебных органов в процессе урегулирования строительных споров и других сложных международных конфликтов, важность интеграции этих механизмов в систему международного строительного контрактного права.

Институционализация судебных органов в рамках международных организаций существенно усилила их независимость и авторитет в принятии решений, что стало особенно заметно в последние три десятилетия⁵. Процесс эмансипации международных судебных органов от учредителей, наблюдаемый в последние годы, усилил их независимость, однако одновременно привел к конфликтам с государствами-участниками. Примером таких конфликтов является выход США из-под юрисдикции Международного уголовного суда и разрыв Венесуэлой отношений с Межамериканским судом. Эти случаи иллюстрируют сложности, с которыми сталкиваются международные судебные органы в стремлении сохранить свою независимость и эффективность при взаимодействии с государствами-членами, что является важным аспектом для рассмотрения в контексте международного строительного контрактного права.

Однако, как отмечает М.М. Богуславский, с развитием международных проектов возникают новые вызовы, такие как необходимость стандартизации арбитражных процедур и унификации правовых норм [7]. Стандартизация арбитражных процедур позволяет обеспечить более предсказуемые и справедливые решения, а унификация правил способствует гармонизации правовых систем различных стран, участвующих в международных строительных проектах. Это, в свою очередь, способствует снижению риска правовых конфликтов и повышению эффективности сотрудничества между сторонами. Примером применения международных арбитражных механизмов в строительных проектах являются документы, разработанные МФИК, которые содержат подробные арбитражные процедуры для разрешения споров между сторонами. Строительные контракты,

⁴ European Court of Human Rights. Overview 1959–2019 [Электронный ресурс] // Strasbourg: European Court of Human Rights : сайт. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Overview_19592019_ENG.pdf (дата обращения: 04.10.2024).

⁵ European Court of Human Rights. Annual Report 2022 [Электронный ресурс] // Strasbourg: European Court of Human Rights : сайт. URL: https://www.echr.coe.int/documents/annual_report_2022_eng.pdf (дата обращения: 04.10.2024).

основанные на рекомендациях МФИК, становятся все более популярными в транснациональных строительных проектах благодаря их стандартизации, обеспечивающей единообразие в разрешении конфликтов, и возможности эффективно разрешать споры посредством арбитража, что минимизирует риски для всех участников проекта⁶.

Взаимодействие иностранных партнеров основывается на уверенности в надежной правовой защите их вложений, что особенно актуально для проектов с участием транснациональных корпораций. В международной практике широко применяется международный коммерческий арбитраж, предоставляющий эффективные инструменты для разрешения внешнеэкономических споров. Иностранные контрагенты, заключая международные строительные контракты, часто предпочитают арбитраж как основной способ разрешения потенциальных конфликтов, считая его нейтральной и профессиональной площадкой по сравнению с национальными судами. Это предпочтение находит обоснование в положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, который играет ключевую роль в обеспечении единообразия процедур арбитража и признании его решений⁷. Также важным примером использования международного правосудия является Европейский суд по правам человека, который с принятием Протокола № 9 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸ значительно расширил свои полномочия, предоставив возможность частным субъектам напрямую обращаться в суд. Этот шаг позволил не только защитить права индивидов в спорах с государственными органами, но и сформировать более высокие стандарты правовой защиты в сфере международных экономических от-

ношений, включая международные строительные контракты.

Помимо арбитражных механизмов, международное уголовное правосудие также играет значительную роль в урегулировании международных споров. Примеры таких институтов, как Международный трибунал по морскому праву, показывают, что решения международных судов могут напрямую влиять на реализацию инфраструктурных проектов, особенно в спорных морских зонах, таких как исключительные экономические зоны. Эти споры часто требуют решений, которые оказывают воздействие на национальные правовые системы и законодательные акты стран, участвующих в проектах⁹.

Важным уроком международного правосудия является необходимость сокращения практик, подрывающих потенциал примирения в спорах. Международные суды играют решающую роль в предотвращении эскалации конфликтов и должны разрабатывать эффективные механизмы для предотвращения противоречий между государствами и судебными инстанциями. Это требует сложного баланса между интересами национальных правительств и соблюдением международных норм [8].

Международное правосудие и арбитраж выступают ключевыми инструментами для обеспечения юридической определенности в международном строительном контрактном праве. Однако их использование сопряжено с рядом значительных трудностей. Расширение юрисдикции международных судебных органов и арбитражных институтов все чаще оказывает влияние на национальные правовые системы, что приводит к возникновению конфликтных ситуаций в тех юрисдикциях, где внутренние правовые нормы не всегда соответствуют международным стандартам. Вопрос соотношения суверенитета государств и обязательств по международным договорам был освещен в работах А.И. Ковлера, который подчеркивает, что суверенитет прав человека и государственный суверенитет могут находиться в состоянии конфликта в правовых системах некоторых стран [9].

9 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10.12.1982 [Электронный ресурс] // ООН. : сайт. URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/part5.htm (дата обращения: 04.10.2024).

6 FIDIC Contracts. [Электронный ресурс] // FIDIC : сайт. URL: <https://www.fidic.org/themes/fidic-contracts> (дата обращения: 04.10.2024).

7 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. [Электронный ресурс] // UNCITRAL : сайт. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения: 04.10.2024).

8 Протокол № 9 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ETS № 140) от 06.11.1990 [Электронный ресурс] // ECHR : сайт. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Library_Collection_P9_ET140E_ENG (дата обращения: 04.10.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные тенденции развития мирных средств разрешения международных строительных споров – это расширение использования медиации, стандартизация арбитражных процедур и увеличение роли международного правосудия. Важным аспектом является продолжающийся процесс автономизации международных судов и арбитражных институтов, что усиливает их влияние и на международное, и на национальное правовое пространство. Это создает необходимость глубокого анализа и унификации стандартов арбитража и медиации, что, в свою очередь, позволит повысить эффективность урегулирования споров в строительных проектах. В данном контексте полезно дополнительно исследовать функциональность международных организаций, о которой пишет Р. Лалл в своей статье, подчеркивая важность не только институционального дизайна, но и его практического исполнения.

По результатам проведенного исследования можно сделать три основных вывода:

1) медиация, являясь менее формализованным методом урегулирования споров, способна обеспечить оперативное решение конфликтов. Однако этот процесс требует

преодоления культурных и правовых барьеров, связанных с различными правовыми системами и традициями участников спора;

2) арбитраж остается основным механизмом в строительных спорах, особенно в контексте обязательств по Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Для повышения эффективности арбитражных решений необходимо продолжать работу по дальнейшей унификации процедур на международном уровне, учитывая подходы, разработанные МФИК;

3) международное правосудие, представленное Международным судом ООН, может оказать значительное влияние на разрешение сложных межгосударственных споров, особенно в крупных строительных проектах, связанных с государственными интересами и территориальными вопросами.

Для более эффективного разрешения строительных споров требуется дальнейшая унификация международных стандартов, совершенствование процедур медиации и арбитража. Эти меры обеспечат более продуктивное урегулирование конфликтов в условиях увеличения числа транснациональных строительных проектов и глобальных вызовов, что особенно актуально в современных условиях построения многополярного мира и экономической интеграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lall R. Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations // *International Organization*. – 2017. – № 71 (2). – P. 245–280.
2. Teubner G. Legal irritants: good faith in British law or how unifying law ends up in new divergencies // *The modern law review*. – 1998. – № 61 (1). – P. 11–32.
3. Fioretos O. Politics and theory of global governance / O. Fioretos, J. Tallberg // *International Theory*. – 2021. – № 13 (1). – P. 99–111.
4. Arendt H. *The Human Condition: Second Edition* / H. Arendt. – Chicago : University of Chicago Press, 1998. – 369 p.
5. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право / Н.Ю. Ерпылева. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 655 с.
6. Moore C.W. *The mediation process: Practical strategies for resolving conflict* / C.W. Moore. – San Francisco : Jossey-Bass, 2014. – 704 p.
7. Богуславский М.М. *Международное частное право* / М.М. Богуславский. – Москва : Юрист, 2007. – 317 с.

REFERENCES

1. Lall R. Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations. *International Organization*, 2017, no. 71 (2), pp. 245–280.
2. Teubner G. Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Divergencies. *The Modern Law Review*, 1998, no. 61 (1), pp. 11–32.
3. Fioretos O., Tallberg J. Politics and Theory of Global Governance. *International Theory*, 2021, no. 13 (1), pp. 99–111.
4. Arendt H. *The Human Condition: Second Edition*. University of Chicago Press Publ., 1998. 369 p.
5. Erpyleva N.Yu. *International Private Law*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. 655 p.
6. Moore C.W. *The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict*. San Francisco, Jossey-Bass Publ., 2014. 704 p.
7. Boguslavsky M.M. *International Private Law*. Moscow, Yurist" Publ., 2007. 317 p.

8. Гальперин М.Л. Политизация права или легализация политики? О justiciability и доктрине «политического вопроса» на примере международного правосудия / М.Л. Гальперин // Международное правосудие. – 2020. – № 4. – С. 45–58.

9. Ковлер А.И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» / А.И. Ковлер // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2 (54). – С. 81–88.

8. Gal'perin M. Politicising Law or Legalising Politics? Justiciability and the “Political Question” on the Examples from International Justice. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2020, no. 4, pp. 45–58. (In Russian).

9. Kovler A.I. State Sovereignty and the “Sovereignty of Human Rights”. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2016, no. 2 (54), pp. 81–88. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белкин Дмитрий Семенович – старший преподаватель кафедры международного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belkin Dmitry Semenovich – Senior Lecturer of the Chair of International Law.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025.
The article was submitted 07.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 12.03.2025.

Original article
УДК 342.3/342.5
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.13

Научная статья

КАРАМАН Александр Акимович
Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва, Россия,
e-mail: alexman-k@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0002-9459-3363>

KARAMAN Alexander Akimovich
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КУРС КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ МОЛДОВЫ. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

THE EUROPEAN COURSE AS A THREAT TO THE STATEHOOD OF MOLDOVA. HISTORICAL
AND LEGAL ASPECTS

Аннотация. Начиная с 2009 г. Республика Молдова взяла курс на европейскую интеграцию. Этот курс был призван сменить неудавшуюся попытку объединения с Румынией, предпринятую в первые годы суверенности и независимости Молдовы на первом пике активности прорумынских националистов. В настоящее время проходит вторая волна унионистских действий. И к ним тоже причастна Румыния. В первый раз ее содействие выражалось в участии экспертов из различных государственных структур в подготовке нормативных актов органов государственной власти Молдавской ССР, затем Молдовы, которыми были провозглашены суверенитет и независимость, изменена государственная символика республики. В настоящее время содействие выражается в том, что Молдова непосредственно управляется гражданами Румынии. В этом году прозвучали официальные заявления, что Молдова может интегрироваться в европейские структуры без Приднестровья. Актуальность настоящего исследования обусловлена последними событиями в Молдове, в том числе результатами референдума, на котором с мизерным перевесом победили сторонники интеграции Молдовы в европейские структуры. В процессе исследования использованы исторический и ретроспективный методы, а также системный, анализа, синтеза, толкования и др. Сделан вывод, что реализация на данном этапе де-факто и де-юре отказа от Приднестровья ведет к возможной интеграции и оптации Молдовы в состав Румынии, следовательно, к утрате Молдовой своей государственности. Новизна исследования состоит в том, что в нем проведен правовой анализ румынизации Молдовы через деятельность ее высшего руководства и органов государственной власти, учтены

Abstract. Since 2009, the Republic of Moldova has embarked on European integration. This course was intended to replace the failed attempt to unite with Romania, undertaken in the early years of Moldova's sovereignty and independence at the first peak of pro-Romanian nationalist activities. There is currently a second wave of unionist actions. Romania is involved in these actions, as well. For the first time its assistance was expressed in the participation of experts from various state structures in the preparation of normative acts of the state authorities of the Moldavian SSR, then Moldova, which proclaimed the sovereignty and independence and changed the state symbols of the republic. At present, its assistance is expressed in the fact that Moldova is directly governed by Romanian citizens. This year, official statements have been made that Moldova can integrate into European structures without Transnistria. The relevance of this study is due to recent events in Moldova, including the referendum, according to the results of which, supporters of Moldova's integration into European structures won with a negligible margin. The research uses historical and retrospective, systematic, analysis and synthesis, interpretation and other research methods. The author concludes that the implementation of de facto and de jure renunciation of Transnistria at this stage leads to the possible integration and option of Moldova into Romania, therefore to the loss of Moldova's statehood. The novelty of the study consists in the fact that it provides a legal analysis of the Romanianization of Moldova through the activity of its top leadership and public authorities,

результаты референдума, состоявшегося в Молдове 20 октября 2024 г.

Ключевые слова: Республика Молдова, суверенитет, независимость, государственная символика, государственный язык, евроинтеграция, Приднестровье

Для цитирования: Караман А.А. Европейский курс как угроза государственности Молдовы. Исторические и правовые аспекты / А.А. Караман. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 113–122.

taking into account the results of the referendum held in Moldova on October 20, 2024.

Keywords: Republic of Moldova, sovereignty, independence, state symbols, state language, European integration, Transnistria

For citation: Karaman A.A. The European Course as a Threat to the Statehood of Moldova. Historical and Legal Aspects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 113–122. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.13.

ВВЕДЕНИЕ

Цель и задача настоящего исследования – исторический и правовой анализ курса современной Молдовы с момента обретения ею независимости, особенно периода правления М. Санду, который может завершиться оптацией Молдовы в состав Румынии без Приднестровья. Исследование отличается тем, что в нем в сжатой форме проведен комплексный правовой анализ деятельности органов государственной власти Молдовы, направленной на объединение с Румынией. Такая политика знала периоды активности и ремиссии. Особенно бурная активность развита командой действующего Президента Молдовы, когда основные органы государственной власти страны управляются гражданами Румынии.

Обращаясь к проблематике, исследованной в настоящей статье, обязательно следует учитывать исторический период, предшествовавший образованию современного государства Молдова, что поможет уяснить тенденцию государственной политики, проводимой ее властями.

Румынизация Молдовы – первый шаг к ее оптации в состав Румынии

В актах о суверенитете и независимости Республики Молдова особое место уделено итогам Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., по результатам которой Османская империя уступила Российской империи Днестровско-Прутское междуречье¹. В Румынии инте-

рес к итогам этой войны появился с первых лет ее существования, поскольку возврат Российской империи территорий, которые ранее являлись частью Киевской Руси, воспринимаются в этой стране как упущенная выгода.

Большинство румынских и современных молдавских исследователей подают передачу Бессарабии России как отторжение части Молдавского княжества и ее аннексию Российской империей. Такой подход заложен румынскими исследователями еще в XIX в. Так, В.А. Урекия писал, что потерянная Бессарабия была «самой красивой половиной Молдовы» [1, р. 705–706]. Другой румынский публицист, А.Д. Ксенопол, считал присоединение Бессарабии к России демонстрацией агрессивной русской политики в Дунайских княжествах [2, р. 408].

Точка зрения румынских исследователей XIX в. о якобы расчленении Молдавского княжества была подхвачена в ходе массовых манифестаций, организованных Народным фронтом в Молдавской ССР, а всплеск интереса к итогам Бухарестского трактата пришелся на последние годы существования СССР. Параллельно в это же время в соседней Румынии проходили массовые выступления, апофеозом которых стало вооруженное восстание. В результате его 22 декабря 1989 г. было свергнуто Правительство Социалистической Республики Румынии, а Президент и генеральный секретарь компартии Н. Чаушеску и его супруга были казнены.

После того как представители прорумынских националистических сил пришли к власти в бывшей Молдавской ССР, они направили все усилия на формирование новой истории

¹ Трактат о мире между Россией и Оттоманской Портой от 16.05.1812 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. XXXII. С. 316–322.

молдавского государства как производного от румынского государства. Такая деятельность нашла отражение в принятых официальных нормативных правовых актах. В частности, пространственный исторический экскурс в историю Румынии содержится в подзаконном акте, принятом специальной Комиссией, на базе которого в этот же день Верховным Советом ССР Молдова была принята Декларация о суверенитете Молдовы. Однако в постановлении, основанном на заключении Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-германского договора о ненападении, изложены исторические события и юридические факты, которые имели место задолго до подписания указанного договора².

В самом начале акта указана главная идея, которая заключается в том, что молдавское государство было создано в XIV в. на территории предков румын. Политико-юридическая оценка Советско-германского договора о ненападении депутатами начата с Трактата о мире от 16 мая 1812 г. Возврат в состав России Днестровско-Прутского междуречья подан как акт расчленения молдавского государства и аннексия указанной территории. Через год об аннексии Бессарабии будет изложено и в акте о независимости Молдовы³.

Нормы и положения этих официальных актов были призваны обеспечить формирование исторического и правового обоснования будущего объединения Румынии и Молдавской ССР. Первое такое объединение, в результате которого Молдавское княжество потеряло свою государственность, состоялось в 1859 г. и затем было признано целым рядом международных конференций покровительствующих держав. И только факт нахождения Бессарабии в составе Российской империи с 1812 г. спас ее от включения в состав нового искусственного государства – Румынии.

Процессы подготовки будущей интеграции Молдавской ССР с Румынией начались с

2 О Заключении Комиссии Верховного Совета ССР Молдова по политико-юридической оценке Советско-германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 года, а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины : постановление Верховного Совета ССР Молдова от 23.06.1990 № 149 // Buletinul oficial. 1990. № 6.

3 О Декларации о независимости Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 27.08.1991 № 691 // Monitorul Oficial. 1991. № 11-12, ст. 103, 118.

государственных и национальных символов – языка, флага, герба, гимна. Румынизация молдавского языка началась еще в 1989 г., когда в один день были приняты два законодательных акта. Первым был принят закон, само название которого было призвано убедить народ, что происходит некое восстановление исторической справедливости и молдавскому языку возвращается латинская графика, которой в действительности в Молдавском княжестве до его объединения с Валашским никогда не пользовались⁴.

Вторым законом вносились изменения в Конституцию Молдавской ССР, которыми было установлено, что молдавский язык функционирует на основе латинской графики⁵. На следующий день был принят еще один закон, в котором норма о латинской графике была продублирована⁶.

Также Верховным Советом была принята Государственная комплексная программа обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР⁷. Теоретически и практически с принятием указанных законов была осуществлена унификация молдавского языка с румынским. Этим был сделан первый шаг к будущему объединению с Румынией.

Известный молдавский поэт, исследователь, священник, патриот своего края А. Матеевич, автор стихотворения «Лимба ноастрэ» («Наш язык»), назвал молдавский язык кладом многовекового происхождения. При этом он выделил коренные различия между молдавским и румынским языками, одно из которых заключается в том, что молдавский язык всегда функционировал на кириллице⁸.

4 О возврате молдавскому языку латинской графики : Закон Республики Молдова от 31.08.1989 № 3462 // Ведомости Верховного Совета и Правительства ССР Молдова. 1989. № 9, ст. 214.

5 О статусе государственного языка Молдавской ССР : Закон Республики Молдова от 31.08.1989 № 3464 // Ведомости Верховного Совета и Правительства ССР Молдова. 1989. № 9, ст. 216.

6 О функционировании языков на территории Молдавской ССР : Закон Республики Молдова от 01.09.1989 № 3465 // Ведомости Верховного Совета и Правительства ССР Молдова. 1989. № 9, ст. 217.

7 Государственная комплексная программа обеспечения функционирования языков на территории Молдавской ССР : сборник. Кишинёв : Картя Молдовеняскэ, 1989. 68 с.

8 Матеевич А. Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка // Кишиневские епархиальные ведомости. 1910. № 45. С. 1593-1597.

Несмотря на формулировки, содержащиеся в принятых законах и в Конституции, что язык называется молдавским и функционирует на основе латинской графики, в Декларации о независимости государственный язык был назван румынским. Такая формулировка послужит основанием для принятия Конституционным судом Молдовы постановления, которым конституционная норма будет признана ниже по юридической силе, чем норма Декларации о независимости.

Следующим решением в череде унификации государственных атрибутов Молдавской ССР и Румынии стали решения о государственной символике. В ст. 168 Конституции Молдавской ССР, действовавшей в то время, было описание государственного флага: «...красное прямоугольное полотнище с зеленой полосой посередине во всю длину флага с изображением в углу верхней красной части полотнища, у древка, золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой»⁹.

Верховный Совет Молдавской ССР 27 апреля 1990 г. принял Закон Молдавской ССР «О Государственном флаге Молдавской Советской Социалистической Республики», которым в ст. 168 Конституции Молдавской ССР в редакции 1978 г. было внесено новое описание государственного флага: «Государственный флаг Молдавской Советской Социалистической Республики – триколор – представляет собой прямоугольное полотнище, состоящее из трех полос одинакового размера, расположенных вертикально в следующей последовательности цветов от вершины флага: голубой (лазурь) (в молдавском тексте – *albastru (azuriu)*), желтый, красный. В центре желтой полосы – Государственный герб Молдавской Социалистической Советской Республики»¹⁰.

Бывший депутат Верховного Совета Молдовы В. Андрущак описывает, как 27 апреля 1990 г. были внесены изменения в ст. 168 Конституции МССР, при этом главным ар-

гументом в пользу принятия решения был тот факт, что такой же флаг у Румынии¹¹.

Поскольку на момент принятия указанной поправки в Конституцию новый герб МССР еще не был утвержден, новая редакция ст. 168 Основного закона МССР оказалась недействующей с момента ее принятия. Поэтому постановлением Верховного Совета ССР Молдова от 12 мая 1990 г. была принята новая редакция ст. 168 с новым описанием государственного флага, которая повторяла редакцию статьи из Закона от 27 апреля 1990 г., но без упоминания государственного герба, который должен был находиться в центре желтой полосы¹².

Вопрос о новом гербе слушался 27 апреля 1990 г., в один день с вопросом о новом государственном флаге, но вопрос о гербе был снят с повестки дня, как неподготовленный. В действительности он оказался неподготовленным в Румынии, поскольку в ходе революции 1989 г. там решили отказаться от прежнего социалистического герба, а новый еще не был принят. И на протяжении некоторого времени в центре Государственного флага Румынии, где раньше размещался герб, зияла дыра. Позже целостность флага восстановили, но без изображения герба.

12 мая 1990 г. законодательный орган Молдавской ССР принял постановление, которым объявил международный конкурс по созданию нового государственного герба. Фотографии шести якобы лучших работ были направлены в Бухарест, в Национальную комиссию Румынии по геральдике, где и был выбран вариант государственного герба для Молдовы, который 3 ноября был утвержден законодательно¹³.

Новый герб ССР Молдова оказался очень похож на королевский герб Румынии, который использовался с 1922 по 1947 г. Отличается он тем, что на груди орла изображен герб Молдавского княжества. Ничего удиви-

11 Андрущак В.Е. Государственные символы Молдовы // Коммунист. 2007. 27 дек.

12 Об утверждении Положения о Государственном флаге Молдавской Советской Социалистической Республики : постановление Верховного Совета ССР Молдова от 12.05.1990 № 17-XII // Ведомости Верховного Совета и Правительства Молдавской ССР. 1990. № 5, ст. 93.

13 О Государственном гербе Советской Социалистической Республики Молдова : Закон ССР Молдова от 03.11.1990 № 337 // Ведомости Верховного Совета и Правительства ССР Молдова. 1990. № 11, ст. 267.

9 Конституция (Основной закон) Молдавской Советской Социалистической Республики: Принята на Внеочередной восьмой сессии Верховного Совета МССР девятого созыва 15.04.1978. – Кишинёв : Картя Молдовеняскэ, 1978. – 111 с.

10 Флаги Молдавской ССР [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vexillographia.ru/moldova/mssr.htm> (дата обращения: 22.03.2025).

тельного в этом нет, ведь соавтор герба Молдовы госпожа М. Догару была вице-председателем национальной комиссии по геральдике. Победители конкурса Г. Врабие и М. Догару были награждены денежной премией¹⁴.

И только через двадцать лет был принят новый Закон Республики Молдова от 17 сентября 2010 г. № 217 «О Государственном флаге Республики Молдова»¹⁵. В описании флага вновь было установлено, что в центре желтой полосы располагается Государственный герб Республики Молдова. Днем государственного флага было установлено 27 апреля, то есть дата принятия первой редакции закона – 27 апреля 1990 г. Вышеуказанное постановление Верховного Совета ССР Молдова от 12 мая 1990 г. было признано утратившим силу.

Новый герб Румынии был утвержден позже герба ССР Молдова – в сентябре 1992 г. За основу тоже взят малый герб Королевства Румынии, который использовался с 1922 по 1947 г., при этом на груди орла изображены символы составных частей Румынии – Валахии, Молдовы, Добруджи, Олтении и Трансильвании.

Но самая интересная ситуация имела место при утверждении нового государственного гимна. 27 августа 1991 г. Парламент Молдовы утвердил в качестве Государственного гимна Молдовы гимн Румынии «Deșteaptă-te, române!» («Пробудись, румын!»). В тот же день была принята и Декларация о независимости. Как свидетельствует молдавский исследователь В. Стати, проекты актов о государственном гербе и независимости Молдовы «написал румынский посол по особым поручениям, агент под прикрытием, генерал в отставке Аурел Преда»¹⁶.

Возникла парадоксально-анекдотичная ситуация, которая состояла в том, что у двух государств – Молдовы и Румынии – были практически одинаковые государственные

флаги, гимны и гербы. И в течение четырех лет граждане Республики Молдова просыпались под слова «Пробудись, румын!», пока не был принят Закон, утвердивший новый текст и новую мелодию гимна страны¹⁷.

Таким образом, для объединения с Румынией была подготовлена соответствующая нормативная база, и объединение неизбежно должно было состояться, если бы не Приднестровье, которое отказалось следовать таким курсом. В результате противостояние Молдовы с Приднестровьем переросло в широкомасштабный вооруженный конфликт, завершившийся подписанием известного Соглашения¹⁸.

С завершением вооруженного конфликта завершилась и первая фаза форсированного сближения Молдовы и Румынии. Периоды президентства П.К. Лучинского и В.Н. Воронина, казалось, сняли с повестки дня вопрос объединения стран, который стал пусковым механизмом государственного строительства в Приднестровье. В период президентства П.К. Лучинского был подписан известный Московский меморандум, которым стороны – Республика Молдова и Приднестровье – договорились строить общее государство¹⁹.

Еще ближе казалось окончательное разрешение конфликта в 2003 г., но В.Н. Воронин в последний момент отказался подписать уже парафированный вариант документа, который вошел в историю как «меморандум Козака»²⁰.

С проведением молдавского варианта цветной революции в апреле 2009 г. партия коммунистов была лишена конституционного большинства, полученного в ходе парламентских выборов. По результатам повторных выборов победил альянс политических

17 О Государственном гимне Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 22.07.1995 № 571-XIII // Официальный монитор Республики Молдова. 1995. № 45-46/555.

18 О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 21.07.1992 // Дипломатический вестник. 1992. № 15-16.

19 Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем (Москва, 08.05.1997) [Электронный ресурс]. URL: <https://mid.gospmr.org/ru/JLK> (дата обращения: 10.11.2024).

20 Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://mid.gospmr.org/ru/KdT> (дата обращения: 10.11.2024).

14 О результатах конкурса на лучший проект Государственного герба ССР Молдова : постановление Верховного Совета МССР от 11.11.1990 № 355 // Buletinul Oficial. 1990. № 11, ст. № 294.

15 О Государственном флаге Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 17.09.2010 № 217 // Monitorul Oficial. 2010. № 231-234, ст. 728.

16 Стати В. Кто написал проект декларации независимости Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evedomosti.md/news/kto-napisal-proekt-deklaracii-nezavisimosti-respubliki-moldo> (дата обращения: 10.11.2024).

сил, выступающих за интеграцию Молдовы в европейские структуры, после чего вновь активизировались политические силы, выступающие за объединение с Румынией.

Исследования, в которых рассматривается вариант объединения Румынии и Молдовы, носят в основном исторический и политологический характер и приурочены к 100-летию аннексии Бессарабии Румынией. Это событие широко отмечалось в 2018 г. в Румынии и в несколько меньшей степени в Молдове. Так, например, В.Б. Кириллов и И.С. Путинцев отмечали рост тенденции к отказу от молдавской национальной идентичности и принятию румынской этнической самоидентичности²¹.

ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ С РУМИНИЕЙ?

Начиная с 2009 г. в Молдове активизировались политические силы, выступающие за европейскую интеграцию. Идеологемой этого процесса вновь стала румынизация. В статье С.Я. Лавренова исследованы «процессы постепенной "румынизации" Молдовы» во взаимосвязи с ее курсом на евроинтеграцию [3]. Особенно быстрый характер этот процесс приобрел в связи с резко обострившимся противостоянием коллективного Запада и России, в том числе с приходом к власти М. Санду.

А.А. Азаренкова верно отмечает, что сегодня позиция Румынии в Евросоюзе, и особенно в НАТО, заметно окрепла, что стимулирует возрождение идеи «Великой Румынии» и в первую очередь отразится на судьбе Молдовы [4]. О том, что вопрос объединения Румынии и Молдовы начинают выводить на финишную прямую, свидетельствует активизация его обсуждения в Румынии. Так, премьер-министр Румынии М. Чолаку заявил, что молдаван и молдавского языка не существует²².

По мнению автора, одним из лучших ответов на вопрос об этнониме «молдаван» является книга известного молдавского историка В. Стати, в которой доказывается существование молдавского этноса за сотни лет до появления искусственного этноса

²¹ Матеевич А. Указ. соч.

²² Премьер Румынии заявил, что молдаван и молдавского языка не существует [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240515/moldavia-1946226635.html> (дата обращения: 10.11.2024).

«румын» [5, с. 25]. Научные доказательства существования молдавского этноса изложены в монографии известного отечественного исследователя в области этнологии Н.М. Губогло [6, с. 13]. Что же касается молдавского языка, то в Молдове его уже отменили.

В марте и сентябре 2013 г. две группы депутатов Парламента Молдовы обратились в Конституционный суд с запросом о толковании ст. 13 Конституции, согласно которой государственный язык продолжал называться молдавским. В своем запросе они ссылались на то, что в Декларации о независимости государственный язык назван румынским.

Обращение депутатов рассматривал Конституционный суд в составе шести судей. Пять судей имели двойное гражданство, одно из которых румынское²³. Не вдаваясь в подробности многостраничного разъяснения Конституционного суда, следует отметить, что он удовлетворил запрос и определил, что текст Декларации превалирует над текстом Конституции²⁴. Это решение стало беспрецедентным в сфере конституционной юстиции, наверное, не только Молдовы. Однако оно не означало автоматического изменения текста редакции ст. 13 Конституции Республики Молдова, в которой государственный язык по-прежнему именовался молдавским. Указанное решение Конституционного суда получило закрепление в законодательном акте только через восемь лет.

Инициатором принятия данного законодательного акта стала Президент Молдовы М. Санду, гражданка Румынии, получившая гражданство этой страны, как и многие граждане Молдовы. 19 апреля 2021 г. она заявила, что решение Конституционного суда Республики Молдова, которым государственный язык Молдовы признан румынским, не исполнено, так как в тексте Конституции

²³ Яланжи Г. Пять из шести представителей Конституционного суда Молдавии являются гражданами Румынии. В пользу какого государства будут принимать решения члены КС в Кишиневе – вопрос очевидный [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2013/04/12/840731-pyat-iz-shesti-predstaviteley-konstitutsionnogo-suda-moldavii-yavlyayutsya-grazhdanami-rumynii.html> (дата обращения: 06.11.2024).

²⁴ О толковании статьи 13 ч. 1 Конституции в соотношении с Преамбулой Конституции и Декларацией о независимости Республики Молдова (Обращение № 8b-41b/2013): постановление Конституционного суда Республики Молдова от 05.12.2013 № 36 // Monitorul Oficial. 2013. № 304-310, ст. № 51.

государственный язык продолжает называться молдавским²⁵.

Поскольку у сторонников переименования государственного языка нет конституционного большинства для изменения Конституции в установленном законом порядке, руководствуясь вышеуказанным заключением Конституционного суда по вопросу названия государственного языка, депутаты от правящей партии приняли органический закон, нормами которого предписывается, чтобы во всех ранее принятых нормативных правовых актах словосочетание «молдавский язык» было заменено на «румынский язык»²⁶.

О. Стамате, возглавляющая юридическую комиссию Парламента, разъяснила, что настоящим законом приняты технические правки, поскольку решения Конституционного суда обязательны для всех²⁷. Такие технические правки уже выполнены, и в нормативных правовых актах и в других официальных документах словосочетание «молдавский язык» заменено на «румынский язык».

Таким же образом, посредством технических правок, будут внесены поправки в текст Конституции Молдовы после референдума 20 октября 2024 г.

При М. Санду в Молдове с участием Президента и руководителей органов государственной власти официально отмечают государственные праздники Румынии. Так, в декабре 2021 г. в Парламенте Молдовы отмечался Национальный день Румынии²⁸. В дальнейшем этот праздник стали отмечать ежегодно²⁹.

25 Кириллов М. Санду предложила переименовать государственный язык в Молдавии [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2021/04/20/sandu_gos/ (дата обращения: 08.11.2024).

26 Об исполнении заключений некоторых постановлений Конституционного суда : Закон Республики Молдова от 16-03-2023 № 52 // Monitorul Oficial. 2023. № 97-99, ст. № 150.

27 Кармазин И. Уроки румынского: почему Молдавия отказывается от своего языка [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1484888/igor-karmazin/uroki-rumynskogo-pochemu-moldaviia-otkazyvaetsia-ot-svoego-iazuka> (дата обращения: 09.11.2024).

28 Острякова Е. В молдавском парламенте – унионистский шабаш по поводу Дня Румынии [Электронный ресурс]. URL: <https://m.politnavigator.net/v-moldavskom-parlamente-unionistskij-shabash-po-povodu-dnya-rumynii.html> (дата обращения: 18.11.2024).

29 Генчу М. Санду, Речан и Гросу пышно отпраздновали Национальный день Румынии [Электронный ресурс]. URL: <https://bloknot-moldova.ru/news/sandurechan-i-grosu-pyshno-otprazdnovali-natsiona-1675261> (дата обращения: 18.11.2024).

29 июля 2023 г. в Кишинёве впервые было организовано мероприятие, по замыслу организаторов, объединившее румын с обоих берегов Прута, – День национального гимна Румынии. Профессор университета из Румынии А. Чорояну заявил, что «гимн "Пробудись, румын!" – вот лозунг, с которым мы идем вперед»³⁰.

Якорем, который все эти годы удерживает Молдову от дрейфа в сторону Румынии, стало Приднестровье. Поэтому в последнее время в Молдове при несомненной поддержке западных покровителей раскручивается вторая волна румынизации и исправления того, что не было сделано в 1990-е годы, в том числе отказ от Приднестровья как от фактора, мешающего евроинтеграции Молдовы. Такой вариант подсказан самим Европейским союзом.

Официально Европейская Комиссия 8 ноября 2023 г. приняла Пакет расширения, согласно которому Европейскому Совету рекомендуется начать переговоры с Молдовой о вступлении в Евросоюз. В декабре 2023 г. Европейский союз принял решение начать переговоры о вступлении Украины и Молдовы в объединение. Но процедура вступления достаточно громоздкая и рискованная, требующая консенсуса всех государств-членов. И действительно, против начала переговоров выступили Венгрия и Словакия³¹.

Поэтому, по мнению автора, в Европейском союзе разработан план ускоренного превращения Молдовы в часть зоны НАТО и Европейского союза. Самый реальный способ – оптация территории Молдовы в состав Румынии. Так, во время своего пребывания в Кишинёве Й. Хан, еврокомиссар по вопросам администрации и бюджета, на брифинге с Президентом М. Санду объявил, что Молдова может стать членом Евросоюза до 2030 г.³² После такого заявления глава делегации

30 Как меняют наше самосознание: день национального гимна Румынии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.md/news/kak-menyayut-nashe-samosoznanie-v-kishineve-proshel-den-naci> (дата обращения: 19.11.2024).

31 В Брюсселе решили начать переговоры о вступлении Украины и Молдавии в ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/12/2023/657b3cbd9a7947612d9f552b> (дата обращения: 15.08.2024).

32 В ЕК назвали условие вступления Молдавии в ЕС до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/05/09/1036400-ek-nazvali-uslovie-vstupleniya-moldavii> (дата обращения: 15.08.2024).

Евросоюза в Республике Молдова Я. Мажейкс добавил, что поскольку утвержденным графиком предполагается вступление Молдовы в Евросоюз до 2030 г., он надеется на решение приднестровской проблемы до этого момента. Вместе с тем он допустил, что существует возможность интеграции Молдовы в Евросоюз и без спорного региона³³.

Этот подход к вступлению Молдовы в ЕС не вписывается в проводимую до этого Евросоюзом политику по отношению к территориальной целостности Республики Молдова. Чем можно это объяснить? Автор считает, что такое заявление было обусловлено спешкой и паникой, связанными с перспективой возможного смещения М. Санду, которая форсирует отрыв Молдовы от СНГ и превращение республики в территорию Евросоюза и НАТО.

В настоящее время главные органы государственной власти Молдовы возглавляются гражданами Румынии и в большинстве своем состоят из граждан Румынии. По-прежнему пять из шести судей Конституционного суда Молдовы, в том числе председатель, имеют еще и гражданство Румынии³⁴.

22 декабря 2023 г. Парламент Молдовы решением 58 депутатов утвердил кандидатуру бывшего министра финансов Румынии А. Драгу на должность руководителя Национального банка Молдовы³⁵. Не следовало рассчитывать на то, что результат голосования мог быть иным, поскольку, по свидетельству депутата Парламента Румынии Е. Томак, 64 из 101 депутата законодательного органа Молдовы во главе с Председателем Парламента И. Гросу – граждане Румынии³⁶. Такое же соотношение и в Правительстве Молдовы.

33 Степанова В. В ЕС не исключили вступления Молдавии в союз без Приднестровья [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/v-es-ne-isklyuchili-vstupleniya-moldavii-v-soyuz-bez-pridnestrovyu> (дата обращения: 18.11.2024).

34 Исаев А. Все руководство Молдавии состоит из граждан Румынии [Электронный ресурс]. URL: <https://naspravdi.info/novosti/vsyo-rukovodstvo-moldavii-sostoit-iz-grazhdan-rumynii> (дата обращения: 20.11.2024).

35 Лаврова М. Нацбанк Молдовы под контролем Румынии – и не только [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evedomosti.md/news/nacbank-moldovy-pod-kontrolem-rumynii-i-ne-tolko> (дата обращения: 10.11.2024).

36 Октябев В. Большинство парламентариев Молдавии имеют румынское гражданство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/bolshinstvo-parlamentariev-moldavii-imeyut-rumynskoe-grazhdanstvo.html> (дата обращения: 11.11.2024).

Гражданами Румынии являются директора Службы информации и безопасности и Национального центра по борьбе с коррупцией, министры внутренних дел и обороны и даже посол Молдовы в Румынии³⁷. Сегодня Молдова практически уже находится под управлением Румынии через ее граждан, возглавляющих высшие органы государственной власти страны.

Кроме этого, Евросоюз направил в Кишинёв специальную Миссию, которая состоит из экспертов в различных областях. Главой Миссии Евросоюза в Республике Молдова назначен К. Динеску, профессиональный дипломат в ранге посла, имеющий 25 лет дипломатического опыта, бывший генеральный секретарь МИД Румынии. Практически все консультанты ранее работали в различных структурах Румынии³⁸.

На последних выборах Президента Молдовы и референдуме по вопросу европейской интеграции коллективному Западу удалось решить оба вопроса: и М. Санду переизбрана на должность президента, и референдум признан состоявшимся.

Для уяснения смысла юридического факта под названием референдум от 20 октября 2024 г. необходим правовой анализ и сравнение норм двух законодательных актов – Избирательного кодекса и Конституции Молдовы.

Согласно нормам ст. 182 Избирательного кодекса в зависимости от правового характера вопросов, выносимых на референдум, республиканские референдумы могут быть четырех видов: конституционными, законодательными, об отстранении от должности Президента Республики Молдова и консультативными. Естественно, что на конституционный референдум выносятся вопросы о пересмотре Основного закона, а на консультативный – вопросы общенационального значения в целях консультирования с общественностью³⁹.

37 Чубашенко Д. Румыны, кругом одни румыны: почему все возбудились от того, что у руля страны одни обладатели гражданства Румынии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.md.kp.media/daily/27598.5/4870381/> (дата обращения: 19.11.2024).

38 Стойка И. 12 апостолов Майи Санду: граждане Румынии откомандированы управлять Молдовой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evedomosti.md/news/12-grazhdan-rumynii-komandirovani-upravlyat-moldovoj> (дата обращения: 19.11.2024).

39 Избирательный кодекс Республики Молдова от 08.12.2022 № 325 (с изм. и доп. по сост. на 26.04.2024) // Monitorul Oficial. 2022. № 426-427, ст. 770.

В ст. 141 Конституции Молдовы перечислены субъекты права инициативы пересмотра Основного закона: не менее чем 200 000 граждан Республики Молдова, имеющих право избирать; не менее чем одна треть депутатов Парламента; Правительство Молдовы. При этом в п. 2 указанной статьи установлена императивная норма, согласно которой проекты конституционных законов представляются Парламенту только вместе с заключением Конституционного суда, принятым не менее чем четвертью судьями⁴⁰.

В настоящем случае инициатива о проведении референдума исходила от Парламента Молдовы и была принята простым большинством голосов. Следует напомнить, что на референдум был вынесен один вопрос: «Поддерживаете ли вы внесение изменений в Конституцию в целях присоединения Республики Молдовы к Европейскому союзу?». При этом не был представлен проект конституционного закона о пересмотре Конституции и соответствующее заключение Конституционного суда, как того требуют нормы Конституции. Поскольку в бюллетень не были внесены конкретные формулировки редакции будущих поправок в Конституцию, настоящий референдум нельзя считать конституционным, его можно считать только совещательным.

Нормы ст. 211 Избирательного кодекса Молдовы устанавливают, что для признания референдума состоявшимся достаточно участия в нем более одной трети избирателей. А для того чтобы решение было признано принятым, за него должно проголосовать более половины избирателей, принявших участие в референдуме.

Конституционный суд своим постановлением от 31 октября 2024 г. № 24 оперативно признал референдум состоявшимся⁴¹. Это решение позволило задним числом признать заранее подготовленный проект и назвать его Законом Республики Молдова от 20 октября 2024 г. № 244 «О внесении изменений в Конституцию Республики Молдова», в соответствии с которым преамбула Основного закона дополнена двумя новыми пунктами:

40 Конституция Республики Молдова от 29.07.1994 // Monitorul Oficial. 2016, № 78, ст. 140.

41 О подтверждении результатов республиканского конституционного референдума : постановление Конституционного Суда Республики Молдова от 20.10.2024 // Monitorul Oficial. 2024. № 457-458.

«– признавая европейскую идентичность народа Республики Молдова и необратимость европейского курса Республики Молдова;

– декларируя интеграцию в Европейский союз как стратегическую цель Республики Молдова»⁴².

Также в текст Основного закона добавлен раздел V «Интеграция в Европейский союз».

Таким образом, по сути, технической правкой, без соблюдения требований законодательства Молдовы о проведении конституционного референдума и о порядке принятия конституционного закона об изменении Конституции по воле одной шестой части избирателей в текст Конституции Молдовы внесены соответствующие изменения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку уже анонсировано возможное вступление Молдовы в Евросоюз без Приднестровья, то есть без сохранения территориальной целостности республики, за которую на протяжении более тридцати лет ратовал Евросоюз, автор считает, что оно может произойти не по общепринятой схеме – с достижением консенсуса всех государств-членов. Как представляется, сценаристы такого варианта полагают, что это самый простой и быстрый путь перевода под контроль Евросоюза и НАТО территории Молдовы без Приднестровья.

Такой вывод подтверждается также анализом одного малоизвестного, но интересного юридического факта: в день принятия Декларации и Закона «О независимости Республики Молдова»⁴³ Правительство Румынии приняло Декларацию в связи с провозглашением независимости Республики Молдова, в которой заявлено, что провозглашение независимого румынского государства на территории, занятой силой, является устранением последствий, направленных против прав и интересов румынского народа⁴⁴. Под тер-

42 О внесении изменений в Конституцию Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 20.10.2024 № 244 // Monitorul Oficial. 2024. № 457-458.

43 О Декларации о независимости Республики Молдова : Закон Республики Молдова от 27.08.1991 № 691-XII // Монитор. 1991. № 11-12.

44 Стати Василе Отношения Румынии с Республикой Молдова (информационно-аналитическое исследование) [Электронный ресурс]. URL: <https://terramoldaviae.wordpress.com/2021/01/15/отношения-румынии-с-республикой-молд-2/> (дата обращения: 15.09.2024).

риторией, занятой силой, подразумевается Бессарабия, вошедшая в состав СССР в июне 1940 г., а Республика Молдова названа в документе румынским государством.

Таким образом, Румыния была первым иностранным государством, признавшим независимость Республики Молдова. Вместе с тем, признав независимость Молдовы, Правительство Румынии дало понять, что воспринимает Молдову как румынское государство, следовательно, независимость Молдовы воспринимается только как устранение последствий событий 1940 г., то есть как восстановление территориальной целостности Румынии. При этом Правительство Румынии до сих пор не признает наличие государственной границы между Румынией и Молдовой,

отказывается признавать реку Прут приграничной рекой и обсуждать вопрос о разработке межгосударственного договора о границе. Тем самым Румыния практически считает Молдову частью своей территории, которую когда-то у нее отторгли, и ожидает юридического оформления факта возврата Молдовы.

Автор полагает, что такое решение, с учетом уже состоявшегося референдума, может быть принято парламентами Румынии и Молдовы даже без учета волеизъявления граждан двух государств, поскольку граждане Молдовы как бы уже проголосовали на референдуме за европейскую интеграцию. Таким образом, европейский курс руководства Молдовы может закончиться утратой этой страной своей государственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Urechia V.A. Istoria românilor: Curs făcut la Facultatea de Litere din București: Seria 1800–1830 / V.A. Urechia. Vol. 9. – Bucuresti : Institutul de Arte Grafice Carol Govl, 1896. – 719 p.
2. Xenopol A.D. Epoca Fanariotilor 1711–1821 / A.D. Xenopol. – Iasi, 1892. – 776 p.
3. Кириллов В.Б. Влияние Румынии в Молдавии: формы и эволюция унионизма / В.Б. Кириллов, И.С. Путинцев // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С. 37–48.
4. Лавренов С.Я. Унионистский проект для Молдовы: основные риски и перспективы (к 100-летию со дня присоединения Румынией Молдовы) / С.Я. Лавренов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 5. – С. 273–284.
5. Азаренкова А.А. Реализация геополитического проекта «Великая Румыния» в современных условиях / А.А. Азаренкова // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – № 1 (13). – С. 48–55.
6. Стати В. Молдаване – не румыны / В. Стати. – Одесса : Изд-во КП ОГТ, 2013. – 308 с.
7. Губогло М.Н. Молдаване / М.Н. Губогло, В.А. Держачев. – Москва : Наука, 2010. – 542 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Караман Александр Акимович – кандидат юридических наук, советник ректора.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karaman Alexander Akimovich – Candidate of Sciences (Law), Rector's Advisor.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 12.03.2025. The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 12.03.2025.

Original article
УДК 341.48
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.14

Научная статья

СКИРДА Максим Владимирович
Управление Министерства юстиции
Российской Федерации по Республике
Татарстан; Казанский институт
(филиал) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)»,
Казань, Россия,
e-mail: skimax@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-4489-9521>

SKIRDA Maksim Vladimirovich
Department of the Ministry of Justice of
the Russian Federation for the Republic of
Tatarstan; Kazan Institute (Branch) of the
All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Kazan, Russia.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ И РИСКАХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОД ЭГИДОЙ ООН В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ON THE PROSPECTS AND RISKS OF INTERSTATE COOPERATION IN COMBATING
CRIME WITH THE USE OF NEW TECHNOLOGIES UNDER THE AUSPICES OF THE
UNITED NATIONS

Аннотация. *Предпринимаемые международным сообществом меры по борьбе с преступностью разрабатываются и реализуются в условиях новых вызовов, связанных с процессом глобализации. В статье анализируются международные правовые акты, затрагивающие использование искусственного интеллекта, цифровых технологий в сфере предупреждения преступности и осуществления уголовного правосудия. Цель исследования заключается в рассмотрении дискуссионных вопросов обоснованности использования искусственного интеллекта и цифровых технологий в борьбе с современным криминалом, в определении перспектив правового регулирования применения искусственного интеллекта в международном уголовном праве. Методы: диалектический метод познания, синтеза, дедукции и индукции, формально-юридический, историко-правовой и сравнительного правоведения. Результаты: исследование показало, что при ответственном использовании современные цифровые технологии способствуют реализации принципа верховенства права. Вместе с тем они могут представлять угрозу реализации права на неприкосновенность частной жизни, подрывать основы государственной безопасности, усиливать неравенство в обществе. Особо выделены недостатки неконтролируемого распространения новых технологий. Сформулирован вывод, что национальные системы уголовного правосудия*

Abstract. *The measures taken by the international community to combat crime are being developed and implemented in the context of new challenges associated with the process of globalization. In the article, the author analyzes international legal acts affecting the use of artificial intelligence, digital technologies in the field of crime prevention and criminal justice. The purpose of the study is to consider the debatable issues of the validity of the use of artificial intelligence and digital technologies in the fight against modern crime, to determine the prospects for the legal regulation of the use of artificial intelligence in international criminal law. Methods: the dialectical method of cognition, synthesis, deduction and induction, formal-legal, historical-legal and the method of comparative law. Results: the study reveals that modern digital technologies, when used responsibly, contribute to the implementation of the rule of law. At the same time, new technologies can pose a threat to the right to privacy, undermine the foundations of state security, and increase inequality in society. The author highlights the shortcomings of the uncontrolled spread of new technologies. The author concludes that national criminal justice systems must be prepared to withstand the negative impact of the uncontrolled spread of advanced technologies. At the normative*

для должны быть готовы противостоять этому. На нормативном уровне для решения растущих проблем, связанных с преступным использованием информационно-коммуникационных технологий, необходимы универсальные обязательные стандарты. В перспективе представляется целесообразным принять универсальный международно-правовой акт по вопросам пресечения и предупреждения преступного использования информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: Организация Объединенных наций, Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, сотрудничество государств по борьбе с преступностью, новые вызовы преступности, цифровые технологии, искусственный интеллект, международное уголовное право

Для цитирования: Скирда М.В. К вопросу о перспективах и рисках межгосударственного сотрудничества под эгидой ООН в области борьбы с преступностью с использованием новых технологий / М.В. Скирда. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 123–131.

level, universal, binding standards are needed to address the growing problems associated with the criminal misuse of information and communication technologies. In the future, it seems expedient to adopt a universal international law instrument on the suppression and prevention of the criminal use of information and communication technologies.

Keywords: United Nations, UN Congress on Crime Prevention and Criminal Justice, cooperation of states in combating crime, new crime challenges, digital technologies, artificial intelligence, international criminal law

For citation: Skirda M.V. On the Prospects and Risks of Interstate Cooperation in Combating Crime with the Use of New Technologies under the auspices of the United Nations. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 123–131. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.14.

ВВЕДЕНИЕ

Тема межгосударственного сотрудничества по борьбе с преступностью многие годы рассматривается в работах юристов, специализирующихся в области международного и уголовного права [1; 2].

В контексте вопроса о международном сотрудничестве государств по борьбе с преступностью на заседании одного из главных органов ООН – Генеральной Ассамблеи (далее – ГА) – рассматривалась тема очередного Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию – «Активизация деятельности по предупреждению преступности, уголовному правосудию и утверждению верховенства права: защита людей и планеты и осуществление Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в цифровую эпоху»¹.

В повестку работы XV конгресса включены следующие вопросы:

1) разработка направлений предупреждения и борьбы с преступностью, целью которых является поддержание в государствах – членах ООН должного уровня социального и экономического развития;

2) разработка новых направлений противодействия преступности;

3) разработка направлений межгосударственного сотрудничества по противодействию международному терроризму и др.

По решению ГА ООН в рамках практического семинара XV конгресса запланирован к рассмотрению концептуальный, на наш взгляд, вопрос – использование новых возможностей в области цифровизации, например, расширение форм применения цифровых технологий в межгосударственной деятельности по предупреждению преступности и в сфере осуществления уголовного правосудия. В связи с этим напомним, что в соответствии с Резолюцией ГА ООН 46/152 конгрессы ООН представляют собой глобальные форумы, цель которых – определение тенденций и путей решения проблем ответственности в сфере предупреждения криминальных деяний. В целом не представляется возмож-

¹ Руководство для дискуссий на пятнадцатом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_33/ECN152024_CRP1_r.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

ным до конца понять процессы изменения преступности в конкретном государстве, если не исследовать общемировые тенденции, влияющие на криминальную ситуацию [3, с. 97]. Не вызывает сомнения вывод о том, что в условиях, когда международным сообществом предпринимаются меры по борьбе с преступностью в условиях постоянно возникающих угроз глобального характера, государства должны рассмотреть возможность имплементации разработанных в системе ООН руководящих принципов и стандартов в национальное законодательство [4, с. 71]. Последствия утраты биоразнообразия, загрязнения окружающей среды и изменения климата (так называемый тройной планетарный кризис) требуют от общества активизации исследований причинно-следственных связей этих явлений с преступностью, интеграции мер осуществления уголовного правосудия.

Особого внимания требует вопрос использования высоких технологий в борьбе с преступностью. Нет сомнений в том, что ответственное использование прогрессивных цифровых технологий положительно влияет на развитие гражданского общества. Вместе с тем согласимся с суждением, что технологии, наряду с очевидным позитивным эффектом, могут угрожать неприкосновенности частной жизни, подрывать безопасность государства и усиливать неравенство [5, с. 171]. Поэтому важно, чтобы внутригосударственные правоохранительные органы и органы правосудия смогли внедрить разработанные на основе международно-правовых стандартов законодательные меры по предупреждению противоправного воздействия новых цифровых технологий на обычные сферы жизни.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ООН ПО ВОПРОСАМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Принцип верховенства права – один из основополагающих принципов права вообще и международного права в частности. Он закрепляет обязанность государств в полном объеме осуществлять имплементацию между-

народно-правовых стандартов международного уголовного права. Так, на выступлениях в ООН не раз подчеркивалось, что люди стали «свидетелями глобального снижения уважения к верховенству права, и это усугубляется эскалацией конфликтов и ослаблением национальных учреждений»².

Верховенство права заключается не только в привлечении правонарушителей к ответственности, это принцип, который гарантирует и права потерпевших, и права правонарушителей, и права свидетелей, тем самым обеспечивая равный для всех людей доступ к правосудию³.

Международно-правовые инструменты, например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., содержат нормы, которые устанавливают общее содержание прав человека. Несомненно, для справедливого осуществления уголовного правосудия каждому государству – члену ООН необходимо не только соблюдать права человека, но и действительно обеспечивать их реализацию через свое законодательство, систему защиты прав человека и специализированные национальные программы⁴.

Направления сотрудничества государств – членов ООН по вопросам противостояния преступности и осуществления уголовного правосудия в эпоху совершенствования новых технологий

Эволюция цифровых технологий привела к росту и диверсификации форм преступлений, включая гендерное насилие и насилие в отношении детей, совершаемое с помощью высоких технологий. Выявление и пресечение таких преступлений сопряжены с целым рядом сложных задач, поскольку правоохранительные органы и органы уголовного правосудия должны отслеживать развивающиеся цифровые технологии и учитывать изменяющиеся модели поведения правона-

² Новая концепция верховенства права, предлагаемая Генеральным секретарем ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ruleoflaw/wp-content/uploads/2023/10/Rule-of-Law-New-Vision-Russian.pdf>. (дата обращения: 12.09.2024).

³ Киотская декларация [Электронный ресурс]. URL: http://www.unodc.org/documents/commissions/Congress/Kyoto_Declaration_booklet/21-02817_Kyoto_Declaration_ebook_R.pdf. (дата обращения: 16.09.2024).

⁴ Dawson P., Cuppleditch L. An impact assessment of the Prolific and Other Priority Offender programme. Home Office Online Report. 2007. 08.07. 24 p.

рушителей. При этом необходимо совершенствовать национальные системы уголовного правосудия и пенитенциарные практики в условиях переполненности мест содержания под стражей [6].

Методология предупреждения преступности претерпела значительные изменения. Большинство исследований антисоциального поведения правонарушителей сосредоточены на различных причинах и факторах риска [7]. На наш взгляд, эффективность принимаемых государствами мер в области противодействия криминальным проявлениям можно оценить в числе иных по таким, к примеру, параметрам, как уровень социально-экономического неравенства в обществе, уровень образования в стране, соотношение числа лиц, употребляющих наркотические вещества, к общей численности населения на определенной территории и др. Действительно, для эффективного пресечения преступных деяний необходимо собирать и анализировать различные количественные и качественные данные о лицах, совершающих преступления, и коренных причинах роста преступности. Цифровизация открывает новые возможности для эффективного анализа тенденций роста преступности при условии соблюдения гарантий защиты персональных данных и прав человека и основных свобод в сети Интернет.

Напомним, что на универсальном уровне Международная классификация преступлений для статистических целей (далее – МКПС) устанавливает систему единообразных определений преступлений. Полагаем, что установление единых стандартов сбора данных о преступных посягательствах на основе МКПС остается одним из ключевых направлений анализа статистических сведений об уголовных преступлениях и способствует совершенствованию политики в области предупреждения преступности⁵. Особую сложность представляет оценка новых форм преступности (киберпреступность, финансовые преступления, коррупция и др.). Такие преступления многогранны и не всегда могут быть точно отражены в традиционной статистике. Для минимизации процента латентной преступности представляется правильным ре-

шением использование подхода, ориентированного на включение в единую базу данных системы уголовного правосудия и таких цифровых данных, как спутниковые изображения. Далее обратим внимание на то, что в зависимости от юрисдикции государств ответственность за совершение того или иного правонарушения регулируется нормами различных отраслей законодательства: уголовного, административного или гражданского. В связи с этим нам видится, что государствам необходимо разрабатывать новые методы анализа причин и характера совершения правонарушений, чтобы избегать ситуаций со столь разным отношением к ответственности. Отметим, что государства стали включать в систему органов, которые могут анализировать данные, не относящиеся к правоохранительным органам, например, органы местного самоуправления. Вызывает тревогу, что значительная доля новых форм преступности остается латентной. Для регистрации, оценки и понимания таких преступлений необходимо оптимизировать использование существующих инструментов работы с данными и различных источников информации, дополняющих традиционную статистику преступности (например, аналитические данные, предоставленные органами по охране экологии, данные фото- и видеофиксации, спутниковые изображения, данные геолокации и др.). Источники подобного рода могут быть использованы при выявлении новых способов совершения преступлений, которые нелегко определить только на основе официальной статистики. К примеру, экологические преступления представляют собой группу уголовных правонарушений, в которой особенно остро ощущается недостаточность статистических и иных данных. В целях действия преодолению тройного планетарного кризиса необходимо улучшать формы сбора данных, включаемых в официальную статистику, и на законодательном уровне определить дополнительные, прежде всего цифровые, источники, которые могут быть использованы при формировании статистических данных. Сведения спутниковых изображений, базы данных экологического мониторинга, на наш взгляд, могут быть использованы именно для формирования статистики по экологическим преступлениям.

⁵ Руководство для дискуссий на пятнадцатом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

На наш взгляд, так называемые большие данные также могут быть полезны для выявления и определения количественных характеристик и анализа преступной деятельности. Справедливо, что в ряде случаев доступ к данным должен быть ограничен. Это напрямую связано с возможностью нарушений права человека на неприкосновенность частной жизни. Кроме того, применение больших данных требует наличия доступа государственных органов к высокопроизводительной инфраструктуре в сфере информационных технологий. Использование подобных новых источников данных (данные с привязкой к географическим координатам, биометрические характеристики и др.) в каждом случае имеет свои преимущества, но сопряжено с определенными проблемами. Нам представляется целесообразным разработать новую систему управления такими данными для сектора уголовного правосудия, четко определить принципы сбора, извлечения, обработки, распространения и использования цифровых данных.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ АНАЛИЗА ДАННЫХ

Последние разработки в сфере применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) привели к появлению целого ряда прикладных программ в области осуществления уголовного правосудия. Более совершенные системы такого рода используются для решения различных задач, например, биометрическая идентификация (распознавание лица), прогностическая работа органов полиции, направленная на выявление территории с наиболее напряженной криминогенной обстановкой и оценку рисков на данной территории. Использование ИИ – важный этап в предупреждении преступности. Так, анализ правоохранительными органами изображений, полученных с помощью высоких технологий, позволяет оперативно обнаружить незаконную вырубку лесов и отреагировать на совершение этого правонарушения. Беспилотные летательные аппараты можно использовать для обнаружения незаконного пересечения границы мигрантами. Одним из достоинств систем ИИ является возможность быстро обрабатывать

большие объемы информации. Нет сомнения в том, что системы ИИ содействуют работе сотрудников органов правосудия, помогая им выполнять повторяемые задачи и исследовать опасные для восприятия материалы (например, материалы о сексуальных надругательствах над детьми).

ИИ активно помогает в борьбе с дипфейками: нейросети обучают на специальных датасетах, чтобы они могли анализировать видео или голосовые сообщения на подлинность по миллионам параметров. Вместе с тем обратим внимание, что применение систем ИИ может быть сопряжено с рядом проблем и ограничений [8]. Одной из таких проблем является зависимость автоматического поиска от введенного в него конкретным человеком алгоритма. Любой человек не лишен субъективного отношения к той или иной проблеме. И такой «предвзятый» поиск может стать основанием для нарушения прав человека – дискриминации. Другая проблема (так называемая проблема черного ящика) связана с тем, что отсутствует определенная прозрачность, которая заключается в невозможности четко объяснить процесс того, как система ИИ пришла к конкретному результату. Очевидно, что решения, принимаемые органами судебной власти, должны быть юридически обоснованными, понятными для лиц, которых они касаются.

Таким образом, внедрение судебных решений, вынесенных с использованием ИИ, требует достаточных гарантий для обеспечения добросовестности и механизмов защиты прав человека при сборе и анализе данных в соответствии с международными правовыми стандартами и нормами.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ТЕРРОРИЗМОМ

Мы отмечали, что одним из вопросов, внесенных в повестку работы XV конгресса ООН, является вопрос противодействия организованной преступности и терроризму. Действительно, современный криминальный мир быстро меняется, что обусловлено скоростью технического прогресса. Преступники активно пользуются новыми цифровыми спосо-

бами и ищут новые технические возможности для совершения преступлений, приносящих незаконные доходы. Известно, что организованная преступность и террористические группы представляют одну из угроз для мира и безопасности. Вновь появляющиеся террористические группы для реализации своих интересов достаточно активно используют изменения, которые происходят в системе государственной власти и местного самоуправления, пробелы в национальном законодательстве. Как следствие, государства сталкиваются с необходимостью усиления мер реагирования и поиска новых форм сотрудничества в вопросах, касающихся предупреждения и борьбы с новыми проявлениями организованной преступности и терроризма.

Организованная преступность, как и любое другое явление, постоянно развивается. На развитие форм организованной преступности оказывают влияние глобализация и цифровые технологии. В настоящее время незаконный оборот наркотических средств и оружия остается одной из наиболее часто встречающихся форм организованной преступности. Органы правопорядка должны оперативно реагировать и предупреждать новые способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Преступные группы, которые участвуют в незаконном обороте оружия, активно используют новые технологии не только при его производстве, но и при сбыте террористическим группам и негосударственным вооруженным формированиям. Здесь необходимо особо упомянуть и даркнет (теневой интернет), специализирующийся на незаконной торговле запрещенных к обороту препаратов и оружия.

Цифровые данные необходимы для разработки, анализа и коррекции целевых мер профилактики организованной преступной деятельности, включая национальные комплексные стратегии борьбы с ней. Безусловно, в отношении всех форм преступности цифровые технологии действуют как фактор роста. Следуя прогрессивным новациям, преступные группы расширяют свою незаконную деятельность, реализуя технологии ИИ. В качестве примера использования систем ИИ при совершении преступлений можно привести незаконную торговлю людьми,

где жертвы вовлекаются в незаконную деятельность через сайты знакомств или сайты поиска работы.

Отметим, что собственно акты торговли людьми все чаще совершаются исключительно в сети Интернет. Продолжается рост онлайн-торговли наркотиками, огнестрельным оружием и другими изъятыми из оборота товарами через видимый и «темный» сегменты интернета с использованием функций анонимности и шифрования. Технический прогресс радикально повлиял и на процесс незаконного изготовления огнестрельного оружия, его составных частей и боеприпасов к нему. В ряде стран часть огнестрельного оружия, изымаемого на месте преступления, – самодельное, так называемое призрачное оружие, изготовленное из комплектов для сборки, купленных в сети Интернет и отправленных почтовой посылкой. Научно-технический прогресс, например, появление 3D-принтеров, позволил преступным группам изготавливать детали для сборки огнестрельного оружия в домашних условиях.

Стремительное расширение возможностей подключения к сети Интернет повысило риск совершения киберпреступлений с применением вредоносных программ [8, с. 13]. Особую опасность представляет фишинг – метод киберпреступления, при котором злоумышленники пытаются получить личные данные пользователей. В современных реалиях благодаря использованию ИИ фишинг выходит на новый уровень. Представляется важным обратить внимание на то, что системы уголовного правосудия должны отслеживать быстро меняющиеся формы преступного использования технологий и корректировать меры уголовного правосудия в соответствии с новыми параметрами на всех стадиях выявления преступлений, проведения предварительного расследования и привлечения к уголовной ответственности. Полагаем, что для эффективной борьбы с организованной преступностью необходимо привлекать экспертов нового формата, например тех, кто занимается цифровой криминалистикой. Именно такие специалисты могут внести неоценимый вклад в раскрытие киберпреступлений, а также любых преступлений, совершенных с использованием сети Интернет.

Обратим внимание на то, что в настоящее время существует острая необходимость разработки и принятия международно-правовых инструментов по вопросам предупреждения преступлений, совершаемых с использованием ИИ или других новых технологий.

БОРЬБА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ В ПЕРИОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Масштабы и расширение географии международной террористической деятельности, наряду с традиционными проблемами и вызовами, включая отсутствие в международном праве самого понятия «международный терроризм» и единых подходов к борьбе с данным явлением, поставили перед государствами – членами ООН новую задачу – предупреждение и пресечение новых способов совершения террористических актов с использованием ИИ [9, с. 4]. Террористические группы все чаще применяют новые цифровые технологии при планировании и совершении террористических актов. Активно используется сеть Интернет для вербовки новых членов террористических групп. Криптовалюта используется для финансирования подготовки террористических актов по всей планете. Посредством 3D-принтеров создаются самодельные взрывные устройства, используемые в террористических целях. Справедлива позиция, что каждое транснациональное преступление, в особенности террористической направленности, покушается на глобальный правопорядок и на общечеловеческие интересы [10, с. 27]. Мировое сообщество обязано реагировать на их чрезвычайно опасный характер посредством реализации норм международного права. Естественно, для противодействия новым формам международного терроризма государства должны иметь современные инструменты использования новых технологий.

Обеспечение сохранности электронных доказательств, находящихся в другой национальной юрисдикции или на облачных серверах, осложняет расследование дел о транснациональной организованной преступности и международном терроризме, поскольку эти вопросы требуют оперативного реагирования в рамках международного сотрудничества.

Поставщики коммуникационных услуг по-прежнему играют важнейшую роль в уголовном правосудии и межгосударственном сотрудничестве по уголовным делам.

Представляется эффективным уделить первоочередное внимание проведению упреждающих финансовых расследований в целях выявления собственников-бенефициаров, конфискации и возвращения доходов от преступлений, нарушения функционирования сетей незаконного оборота.

В современных условиях международное сообщество все больше внимания уделяет потенциалу использования новых технологий. Генеральный секретарь ООН отмечает, что необходимо соблюдать требования к «открытому, свободному и защищенному цифровому будущему для всех», которое основано на соблюдении прав человека и основных свобод⁶.

Нельзя утверждать, что развитие новых технологий приносит пользу только преступному миру, но широкое применение новых технологий сопряжено с рисками: «Наши данные покупаются и продаются, чтобы воздействовать на наше поведение, в то время как шпионские программы и слежка выходят из-под контроля, а право на частную жизнь не соблюдается. Искусственный интеллект ставит под угрозу неприкосновенность информационных систем, средства массовой информации и саму демократию»⁷.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ГОСУДАРСТВАМИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ряде резолюций, принятых на универсальном уровне, акцентируется, что достоинства использования цифровых технологий требуют разработки стандартов их применения с соблюдением прав человека и основных свобод. Отмечая наличие возможности повышать эффективность, прозрачность, опе-

⁶ Концептуальная записка Генерального секретаря «Глобальный цифровой договор: открытое, свободное и защищенное цифровое будущее для всех». Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/global-digital-compact> (дата обращения: 01.10.2024).

⁷ Там же.

ративность действий систем уголовного правосудия путем содействия их цифровизации, сфокусируем внимание на том, что принципы использования новых технологий при осуществлении правосудия и в процессе противодействия преступности должны в полном объеме соответствовать международным правовым стандартам, гарантирующим соблюдение и охрану прав человека и основных свобод.

Нет необходимости доказывать положительные стороны использования высоких технологий при расследовании преступлений. Они позволяют повысить эффективность работы и расширить возможности выявления преступлений. И нет сомнений в том, что государства должны содействовать ответственному использованию цифровых технологий в осуществлении правосудия. Например, оказание юридической помощи потерпевшим может осуществляться с использованием средств видео-конференц-связи. Повышению прозрачности правосудия и предупреждению коррупции в органах судебной власти могут помочь такие цифровые инструменты, как запись следственных действий на видео, видеопотоколирование судебных заседаний.

Обсуждая тенденции развития уголовного законодательства в сфере противодействия киберпреступности, особо отметим, что обеспечение безопасности в условиях цифровизации требует не только совершенствования работы правоохранительных органов, но и адаптации к новым условиям всего институционального аппарата

противодействия преступности. Учитывая трансграничный характер преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, эффективная борьба с ними возможна при соответствующем развитии международно-правовых механизмов сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходима разработка международных правовых актов, обеспечивающих эффективный государственный надзор за внедрением систем ИИ в сферу уголовного правосудия. Особые механизмы обеспечения ответственности крайне важны для принятия мер регулирования, не допускающих использования новых технологий с целью посягательства на права человека и основные свободы. Правового регулирования на адекватном прогрессу уровне требуют вопросы обеспечения информационной безопасности мирового сообщества и уголовно-правовой охраны информационной безопасности в России и за рубежом.

Сохранение общего цифрового достоинства требует принятия соответствующих межгосударственных обязательств. В грядущей перспективе представляется, что решение выявленных проблем, связанных с цифровыми технологиями, заключается в принятии универсальной конвенции ООН по вопросам противодействия преступному использованию информационно-коммуникационных технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мацкевич И.М. Опыт международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью / И.М. Мацкевич // Юридическое образование и наука. – 2020. – № 11. – С. 4–8.
2. Волеводз А.Г. Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты / А.Г. Волеводз, Ализде В.А. // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 6. – С. 7–11.
3. Овчинский В.С. Криминология Нового мирового беспорядка / В.С. Овчинский // Журнал российского права. – 2005. – № 8 (104). – С. 97–108.

REFERENCES

1. Matskevich I.M. The Experience of the International Cooperation in Organized Crime Combating. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Juridical Education and Science*, 2020, no. 11, pp. 4–8. (In Russian).
2. Volevodz A.G., Alizade V.A. International Law Approaches to Combating Extremism: Substantive and Procedural Aspects. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 6, pp. 7–11. (In Russian).
3. Ovchinsky V.S. Criminology of the New World Disorder. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 8 (104), pp. 97–108. (In Russian).

4. Костенко Н.И. Организация объединенных наций в развитии международной уголовной юстиции / Н.И. Костенко // Международное право и международные организации. – 2012. – № 3. – С. 71–82.

5. Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития / О.А. Пучков // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 163–172.

6. Lösel F. Counterblast: the prison overcrowding crisis and some constructive perspectives for crime policy / F. Lösel // *Howard Journal of Criminal Justice*. – 2007. – Vol. 46, № 5. – P. 512–519.

7. Lösel F. Protective factors and resilience / F. Lösel, D. Bender // *Early Prevention of Adult Antisocial Behaviour*. – Cambridge University Press, 2003. – P. 130–204.

8. Ефремова М.А. К вопросу об уголовной ответственности за создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ / М.А. Ефремова // Информационное право. – 2015. – № 3. – С. 12–16.

9. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 2. – С. 3–6.

10. Ляхов Е.Г. Мировое сообщество и противодействие терроризму / Е.Г. Ляхов, В.О. Бояринова // Московский журнал международного права. – 2010. – № 2. – С. 20–36.

4. Kostenko N.I. The United Nations in the Development of International Criminal Justice. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii = International Law and International Organizations*, 2012, no. 3, pp. 71–82. (In Russian).

5. Puchkov O.A. Law in the Mirror of High Technology: Comparative Analysis of Legal Development Trends. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 163–172. (In Russian).

6. Lösel F. Counterblast: The Prison Overcrowding Crisis and Some Constructive Perspectives for Crime Policy. *Howard Journal of Criminal Justice*, 2007, vol. 46, no. 5, pp. 512–519.

7. Lösel F, Bender D. Protective factors and resilience. *Early Prevention of Adult Antisocial Behaviour*. Cambridge University Press Publ., 2003, pp. 130–204.

8. Efremova M.A. To the Question about Criminal Responsibility for the Creation, Dissemination and Use of Malicious Computer Programs. *Informacionnoe pravo = Information Law*, 2015, no. 3, pp. 12–16. (In Russian).

9. Volevodz A.G. Criminalization of International Terrorism in Criminal Law. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International Criminal Law and International Justice*, 2014, no. 2, pp. 3–6. (In Russian).

10. Liakhov E.G., Boyarinova V.O. World Community and Counter-Terrorism. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2010, no. 2, pp. 20–36. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скирда Максим Владимирович – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, начальник Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skirda Maksim Vladimirovich – Candidate of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Assistant Professor of the Chair of State Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 11.04.2025. The article was submitted 02.02.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Трибуна молодого ученого

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Original article

УДК 343.98

DOI 10.33184/pravgos-2025.2.15

Научная статья

АБДРАХМАНОВА Лилия Набиулловна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: kriminalist2010@mail.ru

ABDRAKHMANOVA Lilia Nabiullova
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ОСНОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТА К УЧАСТИЮ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

FOUNDATIONS FOR DECIDING ON THE INVOLVEMENT OF A SPECIALIST IN CRIMINAL
PROCEEDINGS

Аннотация. Решение о привлечении специалиста к судебному разбирательству по уголовным делам основывается на криминалистических и процессуальных аспектах. В том случае, когда суд не может решить некоторые задачи без использования специальных знаний, в уголовный процесс привлекается специалист. Цель работы – систематизировать задачи, решаемые специалистом в ходе расследования. Методы: анализа, сравнительно-правовой, обобщения. Результаты: выделены основания привлечения специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам, перечислены основные задачи, решаемые специалистом, проанализированы критерии выбора специалиста, его роль в обеспечении объективности и достоверности доказательств, а также правовые и методические аспекты его участия в уголовном процессе.

Ключевые слова: специалист, уголовное судопроизводство, криминалистическое обеспечение

Для цитирования: Абдрахманова Л.Н. Основания принятия решения о привлечении специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам / Л.Н. Абдрахманова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 132–138.

Abstract. The decision to involve a specialist in criminal proceedings is based on criminalistic and procedural aspects. In the event when the court cannot solve some tasks without the use of special knowledge, a specialist is involved in criminal proceedings. The purpose of this publication is to systematize the tasks solved by a specialist during the investigation. Methods: analysis, comparative-legal, generalization. Results: the article highlights the grounds for involving a specialist to participate in criminal proceedings, lists the main tasks solved by a specialist, analyzes the criteria for selecting a specialist, his/her role in ensuring the objectivity and reliability of evidence, as well as legal and methodological aspects of his/her participation in criminal proceedings.

Keywords: specialist, criminal proceedings, criminalistic support

For citation: Abdrakhmanova L.N. Grounds for Deciding on the Involvement of a Specialist in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 132–138. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.15.

ВВЕДЕНИЕ

В современном уголовном судопроизводстве участие специалиста позволяет обеспечить объективность и достоверность доказательств. Обладая знаниями в определенной области, специалист помогает суду правильно интерпретировать факты, анализировать вещественные доказательства и применять современные методы исследования. Однако, принимая решение о привлечении специалиста, необходимо тщательно проанализировать криминалистические и процессуальные основания его привлечения.

ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА К УЧАСТИЮ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Криминалистические основания привлечения специалиста к рассмотрению уголовного дела в суде связаны с необходимостью использования специальных знаний для решения задач, которые не могут быть решены судом самостоятельно. К таким задачам относится, например, анализ вещественных доказательств. Специалист может оказать содействие в исследовании следов преступления – отпечатков пальцев, следов ДНК [1] и орудий взлома, других материальных объектов, которые могут быть использованы в качестве доказательств. В условиях цифровизации и развития криминалистических технологий специалисты играют ключевую роль при анализе цифровых следов, данных с мобильных устройств, компьютерных систем и сетей. В случаях, когда исследование доказательств требует специальных знаний в области медицины, химии, физики, баллистики и других наук, привлечение специалиста становится необходимым для правильной интерпретации данных. Внедрение искусственного интеллекта, машинного обучения и анализа больших данных требует привлечения специалистов, обладающих знаниями в области информационных технологий и цифровой криминалистики.

В ходе судебного разбирательства проблемы, требующие обращения к специалистам, возникают по мере получения от

участников судебного процесса и из иных источников информации об обстоятельствах познаваемого события и ее сопоставления с данными, содержащимися в материалах дела.

ЗАДАЧИ, РЕШАЕМЫЕ СПЕЦИАЛИСТОМ В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Среди возникающих в ходе судебного разбирательства задач можно выделить те, потребность в решении которых в наибольшей степени мотивирует обращение сторон и суда за содействием к специалистам, являясь в то же время правовым основанием и обязательным условием такого обращения.

1. Обнаружение сторонами или судом проблем, вызванных неполнотой, необъективностью или односторонностью исследования обстоятельств события преступления, решение которых невозможно без привлечения специалистов. Такие проблемы могут быть обнаружены как при подготовке к судебному заседанию, так и в процессе рассмотрения уголовного дела. Так, по делу о ДТП был проведен следственный эксперимент, результаты которого подтвердили показания водителя автомашины, пострадавшего в аварии. Они и были положены в основу выводов следователя. В ходе изучения материалов уголовного дела по окончании предварительного расследования стороной защиты были обнаружены многочисленные нарушения, допущенные при подготовке и проведении эксперимента, в частности связанные с реконструкцией обстановки и условий, в которых происходило проверяемое событие. Вопрос, на который надлежало ответить путем производства следственного эксперимента, заключался в необходимости выяснить, под разрешающий или запрещающий сигнал светофора потерпевший должен был выехать на перекресток, где произошло столкновение с встречным автомобилем, управляемым обвиняемой по делу. По мнению адвоката, одним из существенных нарушений, которое могло привести к недостоверному результату следственного эксперимента, стало то, что вместо автомашины «Фольксваген Гольф 4», участвовавшей в аварии, следователь использовал более мощную и более ди-

намичную «Ауди А6», способную с большим ускорением и поэтому быстрее преодолеть за единицу времени то же расстояние, что и автомобиль потерпевшего. Из материалов дела стали известны и иные несоответствия реконструированной обстановки ДТП реальным условиям. В частности, в ходе эксперимента были созданы условия, при которых автомобиль потерпевшего мог выехать на перекресток раньше, нежели это имело место на самом деле, и, соответственно, успеть под разрешающий сигнал светофора. Специалист, привлеченный стороной защиты для оценки достоверности результатов проведенного на предварительном следствии эксперимента, в том числе путем расчетов, подтвердил, что если бы следователь восстановил материальную обстановку и условия эксперимента в соответствии с показаниями даже самого потерпевшего, то результаты проверки были бы иными – опровергающими выводы следствия. На основании этих данных сторона защиты заявила в суде ходатайство о проведении повторного эксперимента с привлечением специалиста-автотехника. Но суд отказал в его удовлетворении, указав в вынесенном постановлении, что эксперимент был проведен «в полном соответствии с законом и при правильном воспроизведении и его обстановки, и условий проведения» [2, с. 356–364].

Ошибочность такого умозаключения судьи более чем очевидна, ибо противоречит позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в одном из его постановлений, где указаны основания для сомнений в допустимости использования результатов следственного эксперимента в доказывании по уголовным делам: «Несоблюдение условий, максимально приближенных к тем, в которых совершено проверяемое действие, расценивается как нарушение требований уголовно-процессуального закона, регулирующего проведение следственного эксперимента, влекущее потерю доказательственного значения полученных данных»¹.

Изложенные в протоколе следственного эксперимента условия его проведения, выра-

жившиеся в безосновательном изменении следователем обстановки проверяемого события, как было верно отмечено в заключении специалиста, наглядно свидетельствовали о нарушениях правил, выработанных криминалистикой и поддержанных Верховным Судом РФ, а также норм уголовно-процессуального законодательства (ст. 181 УПК РФ) [2, с. 364]. Мы разделяем такую оценку материалов проведенного по делу следственного эксперимента и поддерживаем мнение ученых о целесообразности привлечения специалистов к разрешению такого рода вопросов [3].

2. Постановка конкретных вопросов, вытекающих из обнаруженной проблемы, ответы на которые могут быть получены не иначе как путем обращения к сведущим лицам, способным помочь в выяснении еще не установленных обстоятельств познаваемого события.

Так, по делу о разбойном нападении на Г. был задержан и предъявлен для опознания потерпевшему подозреваемый М. Опознающий на предъявленных ему фотоснимках, среди которых был и снимок М., узнал в нем одного из преступников.

Результаты опознания были положены следователем в основу и предъявленного М. обвинения, и обвинительного заключения по делу. Между тем в процессе изучения стороной защиты материалов опознания были обнаружены факты, позволившие высказать обоснованные сомнения в достоверности его результатов. Во-первых, было обращено внимание на то, что в протоколе предъявления для опознания адреса места жительства двух понятых, участвовавших в данном следственном действии, и места проведения следственного действия совпадали, причем по этому адресу в то время располагалось Управление по борьбе с организованной преступностью.

Во-вторых, анализ протоколов следственных действий, связанных с проведенным опознанием, подтвердил обоснованность выводов о недостоверности его результатов. В частности, выяснилось, что допрошенный перед началом опознания потерпевший Г. ни особых примет, ни иных индивидуализирующих признаков внешности опознаваемого назвать не смог. Сомнения в достоверности результатов опознания вызвал один факт, о котором во время допроса сообщил

¹ Научно-практический комментарий к УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. 9-е изд. М.: Юрайт, 2014. С. 381.

опознанный М. В день совершения преступления он перенес операцию по удалению фурункула на лице и поэтому в течение нескольких дней начиная с этой даты не мог обходиться без повязки. Не заметить этой броской приметы потерпевший не мог [4, с. 164–172].

Возникла проблема с оценкой доказательственного значения полученных сведений и результатов проведенного опознания. Для ее решения надлежало ответить на вопросы:

- действительно ли М., задержанному по подозрению в совершении разбойного нападения, проводилась операция на лице в указанный им день, где и кем из врачей? Для ответа на него следовало направить запрос в лечебное учреждение;

- мог ли М. после сделанной ему операции обходиться без повязки на лице, в течение какого времени? На этот вопрос мог ответить специалист в области хирургии, и его следовало пригласить в суд для консультаций;

- какие следы хирургического вмешательства должны были остаться на лице М. после удаления фурункула, в течение какого времени они должны были сохраняться на коже? Имеются ли на лице М. такие следы? Для ответа на эти вопросы можно было непосредственно в суде провести освидетельствование подсудимого с привлечением специалиста в области лицевой хирургии.

3. Оценка знаний, требуемых для решения поставленных вопросов, как знаний специальных, привлечение которых позволит ликвидировать пробелы предварительного расследования, устранить противоречия в собранных доказательствах или развеять сомнения в их достоверности. Решение этой задачи в полной мере зависит от понимания сути специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Как верно заметила Е.Р. Россинская, необходимость участия в деле эксперта и специалиста «напрямую зависит от того, какой смысл вкладывается в термин "специальные знания"»².

4. Осознание сторонами и судом невозможности ответить на поставленные вопросы, основываясь лишь на собственных

знаниях и умениях, либо признание целесообразности обращения к специалисту в складывающейся ситуации, даже при наличии у сторон и суда необходимых знаний и навыков. Если осознание собственной некомпетентности сторон и суда особых трудностей не вызывает, разумеется, при условии правильной оценки потребности в специальных знаниях и навыках для решения конкретных вопросов, то выбор между обращением к специалисту и использованием собственных знаний и навыков далеко не всегда оказывается простым. И проблема здесь если и возникает, то не столько в возможности получить нужный результат. Надо думать, следователи или судья, владеющие навыками обращения с компьютерной техникой, не хуже специалиста справятся, например, с просмотром содержимого изъятой при обыске флеш-карты. Проблема может возникнуть с признанием доказательственного значения за полученными результатами применения собственных специальных знаний следователем и судьей.

5. Выбор правовой формы привлечения специалиста для решения поставленных вопросов, среди которых закон выделяет следующие: а) оказание помощи при производстве судебных действий или для участия в исследовании материалов уголовного дела; б) получение устной консультации (в том числе в форме допроса специалиста); в) дача заключения и др.

Выбор той или иной формы привлечения специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовному делу напрямую зависит от процессуального статуса и полномочий его участников, наделенных соответствующим правом. Это действительно важно иметь в виду, разрабатывая и предлагая свои рекомендации по принятию соответствующего решения. Между тем статус и полномочия субъекта обращения к сведущим лицам определяют не столько сами правовые формы их участия в судебном разбирательстве, сколько возможности для их выбора. И именно потому, что, устанавливая право обращаться к специалисту, закон накладывает и некоторые ограничения на выбор отдельными их представителями той или иной правовой формы.

² Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации». М., 2002. С. 23.

Тем не менее главным критерием, определяющим выбор правовых форм использования специальных знаний и навыков, все же остается специфика подлежащих решению задач. Они могут различаться, не выходя, однако, за рамки трех решаемых сторонами и судом групп задач: 1) поисковых, направленных на обнаружение новых источников информации; 2) исследовательских, решаемых посредством изучения обнаруженных доказательств; 3) оценочных, позволяющих убедиться в доказательственном значении собранной информации и в ее достоверности.

Задачи первой группы, как правило, решаются посредством привлечения специалистов к участию в судебных действиях – осмотре местности или помещений, следственном эксперименте, освидетельствовании и др.; исследовательские задачи могут быть решены в форме дачи специалистами заключений по поставленным им сторонами вопросам. К решению третьей группы задач, возникающих в процессе судебного разбирательства по уголовному делу, специалистов целесообразно привлекать для исследования материалов уголовного дела, позволяющего дать научную оценку обоснованности средств и методов, использованных для обнаружения, закрепления или исследования собранных на предварительном следствии или в суде доказательств.

Однако одних только процессуальных оснований для привлечения сведущих лиц к отправлению правосудия недостаточно, чтобы возникающие вопросы были решены с максимальной определенностью. Для этого перечисленные выше условия принятия обоснованного решения о привлечении специалистов к решению стоящих перед судом задач, требующих специальных знаний или навыков, должны создаваться не только процессуальными, но и комплексом криминалистических приемов, методов и средств. Среди них малоисследованными остаются методы и методики исследования материалов уголовного дела, позволяющего выявить проблемы в познании обстоятельств события преступления, сформулировать вопросы, без решения которых невозможно эти проблемы устранить, выбрать оптимальные средства и методы решения текущих задач,

в том числе с привлечением знаний и навыков специалистов.

На важность тщательного исследования материалов уголовных дел неоднократно обращал внимание российских судей Верховный Суд, подчеркивая значимость их глубокого изучения как условия, определяющего качество всей судебной работы. «Суды иногда поверхностно проверяют материалы предварительного следствия, – говорится, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда от 22 марта 1966 г. № 31, – и не устанавливают все обстоятельства, имеющие значение для правильного решения дела...»³.

Спустя год Верховный Суд вновь вернулся к проблеме надлежащего изучения судьями материалов уголовного дела. Объясняя свою озабоченность необходимостью улучшения организации судебных процессов, Пленум в преамбуле к постановлению от 7 февраля 1967 г. отметил, что «отдельные судьи недостаточно ответственно подходят к подготовке процессов, поверхностно изучают дела, вносимые на судебное рассмотрение»⁴. Еще через два года Пленум обратил внимание судов на последствия пренебрежительного отношения к исследованию рассматриваемых ими материалов уголовных дел. В постановлении от 19 марта 1969 г. указано: «Вместе с тем в деятельности судов допускались случаи поверхностного исследования в судебном заседании материалов предварительного следствия, в результате чего имело место как осуждение невиновных, так и освобождение от уголовной ответственности лиц, злостно уклоняющихся» от выполнения судебных решений⁵. Аналогичные требования были сформулированы и в ряде более поздних постановлений Верховного Суда⁶.

3 О судебной практике по делам о грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22.03.1966 № 31 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961–1996. М. : Юрид. лит., 1997. С. 205.

4 Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения : постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 07.02.1967 № 35 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961–1996. С. 3–5.

5 О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст.122 УК РСФСР : постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19.03.1969 № 46 // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961–1996. С. 210.

6 Там же. С. 247–248, 262.

Эти требования высшей судебной инстанции России остаются актуальными и сегодня, когда даже оформление материалов уголовных дел редко обходится без использования современных технических средств, в частности компьютерной техники, требующей специальных умений и навыков. А учитывая, что такие материалы, особенно по новым экономическим и техногенным преступлениям, которые современным судьям приходится рассматривать, бывают перенасыщены информацией, требующей разъяснений, анализа и оценки сведущих лиц, проблема участия специалистов в судебных разбирательствах в целях анализа собираемых судом материалов, которыми пополняется дело, приобретает всеобъемлющий характер. Поэтому и сегодня актуально звучит предложение Р.А. Рейсса о необходимости на постоянной основе привлекать сведущих лиц к расследованию преступлений [5, с. 3]. Мы полагаем, оно вполне заслуживает того, чтобы реализовать его не только на предварительном следствии, но и в ходе заседаний суда по уголовным делам.

Принимая решение о привлечении специалиста, важно, помимо сугубо юридических, руководствоваться и криминалистическими обоснованиями. Такие обоснования заложены, в частности, в положениях криминалистической теории принятия решений, позволяющей выработать оптимальную линию поведения при наличии альтернативных способов дей-

ствия. Признав, к примеру, необходимым привлечение специалистов-технологов для оценки обоснованности норм расхода сырья на изготовление конкретного вида продукции, участник разбирательства дела в суде, обнаруживший пробел в решении этого вопроса на предварительном следствии, должен решить: провести ли следственный эксперимент с привлечением такого специалиста или назначить технологическую экспертизу. Выбор и, соответственно, принятие оптимального решения будет базироваться на криминалистических критериях, позволяющих обеспечить техническую, организационно-тактическую и методическую стороны выработки и реализации принятого решения, без анализа и учета которых невозможно рассчитывать на достоверность, объективность и научную обоснованность получаемых результатов использования знаний и навыков специалистов или экспертов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Привлечение специалиста к участию в судебном разбирательстве по уголовным делам – важный элемент криминалистического обеспечения. Оно позволяет повысить объективность и достоверность доказательств, вынести справедливое решение. Для успешного привлечения специалистов необходимо учитывать как криминалистические, так и процессуальные аспекты, активно внедрять современные технологии в процесс расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чемерис А.В. Использование ДНК-фенотипирования при расследовании преступлений: криминалистический и этический аспекты / А.В. Чемерис, А.Ф. Халиуллина, И.А. Макаренко, Р.Р. Галяутдинов, Ф.Г. Аминев // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 522–532.
2. Эксархопуло А.А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения / А.А. Эксархопуло. – 2-е изд., изм. и доп. – Уфа : БашГУ, 2019. – 396 с.
3. Макаренко И.А. К вопросу о сущности криминалистического исследования материалов уголовных дел и его легализации в уголовном процессе / И.А. Макаренко, А.А. Эксархопуло // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 171–176.

REFERENCES

1. Chemeris A.V., Khaliuina A.F., Makarenko I.A., Galyautdinov R.R., Aminev F.G. The Use of DNA Phenotyping in Crime Investigation: Forensic and Ethical Aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 5, pp. 522–532. (In Russian).
2. Eksarkhopulo A.A. *Criminalistics: Theoretical Problems and Practical Solutions*. 2nd ed. Bashkir State University Publ., 2019. 396 p.
3. Makarenko I.A., Eksarkhopulo A.A. To the Issue of the Essence of Criminalistic Research of Criminal Case Files and Its Legalisation in Criminal Proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4, pp. 171–176. (In Russian).

4. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2005. – 277 с.

5. Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений / Р.А. Рейсс. – Санкт-Петербург, 1912. – 178 с.

4. Eksarhopulo A.A. Special Knowledge and its Application in the Study of Criminal Case Materials. Saint Petersburg State University Publ., 2005. 277 p.

5. Reiss R.A. Scientific Technique of Crime Investigation. Saint Petersburg, 1912. 178 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдрахманова Лилия Набиulloвна – аспирант кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Abdrakhmanova Lilia Nabiullova – postgraduate student of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 22.04.2025; принята к публикации 22.04.2025.
The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 22.04.2025; accepted for publication 22.04.2025.

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.16

Original article

ЛЕССАРД Алек Браен
Саратовская государственная
юридическая академия,
Саратов, Россия,
e-mail: alessard@mail.ru

LESSARD Alek Bryan
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia.

ИСТОЧНИКИ ЭКСПЕРТНОГО СВЕТА КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД ОБНАРУЖЕНИЯ ЗУБОВ И КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ЧЕЛОВЕКА: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

EXPERT LIGHT SOURCES AS AN INSTRUMENTAL METHOD FOR DETECTING HUMAN
TEETH AND BONE REMAINS: FEATURES AND PROBLEMS OF APPLICATION IN THE
PRODUCTION OF ACCIDENT SCENE EXAMINATION

Аннотация. В статье рассматриваются принципы, особенности и проблемные аспекты использования источников экспертного света при производстве осмотра места происшествия в целях обнаружения зубов и костных останков человека, расположенных в укрывающей среде – массиве близких к ним по цвету инертных материалов, затрудняющих обнаружение искомым объектов способом визуального осмотра материальной среды. Цель: изучение эффективности применения источников экспертного света при осмотре места происшествия для обнаружения фрагментов зубов и костных останков человека, формирование тактического комплекса правил и рекомендаций по работе с ними. В результате экспериментальных исследований с использованием объектов судебно-медицинской медико-криминалистической экспертизы (экспертного исследования черепа неопознанного трупа в целях получения идентификационной информации и восстановления прижизненного облика) с постмортальным периодом более 20 лет (четырёх моляров с сохранившимся цементом корней, одного фрагмента корня зуба, одного зубного протеза и четырёх фрагментов клиновидной кости черепа человека) и осветителей, генерирующих оптическое излучение в спектральных диапазонах 365, 395, 430–440 нм, установлено, что источники экспертного света позволяют эффективно обнаруживать фрагменты зубов и костей человека, находящиеся в нефлуоресцентной укрывающей среде, создающей отвлекающий фон при визуальном осмотре. Однако они не лишены и ряда недостатков, наиболее значимый из которых за-

Abstract. The article discusses the principles, features and problematic aspects of the use of expert light sources during the accident scene examination in order to detect human teeth and bone remains, located in a concealing environment – an array of inert materials close to them in color, making it difficult to detect the desired objects by visual inspection of the material environment. Purpose: to study the effectiveness of the use of expert light sources during the accident scene examination for the detection of human dental fragments and bone remains and to form a tactical set of rules and recommendations for working with them. As a result of experimental research using objects of forensic medical-criminalistic examination (expert examination of a skull of an unidentified corpse in order to obtain identification information and restore the lifetime appearance) with a postmortem period of more than 20 years (four molars with preserved root cement, one tooth root fragment, one dental prosthesis and four fragments of sphenoidal bone of the human skull) and illuminators generating optical radiation in the spectral ranges 365, 395, 430-440 nm, the author establishes that expert light sources allow effective detection of human dental and bone fragments located in a non-fluorescent concealing environment, which creates a distracting background during visual inspection. However, they are not without a number of disadvantages, the most significant of which is the difficulty in interpreting the results obtained by an expert criminalist when finding the desired objects

ключается в сложности интерпретации получаемых специалистом-криминалистом результатов при нахождении искомых объектов в среде, обладающей флуоресцентными свойствами (в богатой органикой, железом или фосфатами осадочной среде). Во избежание затруднений при интерпретации результатов поиска зубов и костных останков человека и с целью исключения потенциально нерезультативных изъятий предлагается комплекс методов предварительного исследования объектов, предположительно являющихся зубами или костными останками человека, обнаруженных при помощи источников экспертного света.

Ключевые слова: следственный осмотр, убийство, расчленение, холодное оружие, огнестрельное оружие, следы оружия, фрагменты зубов, костные останки, экспертный свет, ультрафиолетовое излучение

Для цитирования: Лессард А.Б. Источники экспертного света как инструментальный метод обнаружения зубов и костных останков человека: особенности и проблемы применения при производстве осмотра места происшествия / А.Б. Лессард. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 139–149.

in an environment with fluorescent properties (in an organic, iron or phosphate-rich sedimentary environment). In order to avoid difficulties in interpreting the results of the search for human teeth and bone remains and to exclude potentially inconclusive seizures, the article proposes a set of methods for preliminary examination of objects suspected to be human teeth or bone remains detected by expert light sources.

Keywords: *investigative examination, murder, dismemberment, cold weapon, firearms, weapon traces, dental fragments, bone remains, expert light, ultraviolet radiation*

For citation: Lessard A.B. Expert Light Sources as an Instrumental Method for Detecting Human Teeth and Bone Remains: Features and Problems of Application in the Production of Accident Scene Examination. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 139–149. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.16.

ВВЕДЕНИЕ

Зубная и костная ткань – один из наиболее идентификационно значимых объектов при экспертных исследованиях разложившихся, фрагментированных или скелетированных человеческих останков. Фрагменты зубов и костей человека могут оставаться на местах преступлений против личности, связанных с причинением потерпевшему механических травм в результате применения холодного (как правило, ударно-раздробляющего) и огнестрельного оружия или с совершением убийств, сопряженных с расчленением или захоронением трупа в целях сокрытия следов преступления.

Современные достижения в области одонтологической и остеологической судебно-медицинской экспертизы позволяют решать ряд диагностических и идентификационных задач, направленных на установление расы, пола, возраста, анатомических особенностей человека и в конечном счете на отождествление его личности путем исследования зубов и костей.

Кроме того, на современном этапе развития криминалистической техники и науки в целом происходит интеграция инновационных методов исследования в судебно-экспертную деятельность, что позволяет на более высоком уровне решать экспертные задачи [1, с. 73].

Одним из инновационных методов, внедряемых в судебно-экспертную деятельность в настоящее время, является метод ДНК-фенотипирования, позволяющий решать вопросы криминалистического моделирования личности человека путем использования генетической информации о полиморфизме генов и молекул ДНК. Перспективы, возможности и организационно-правовые аспекты ДНК-фенотипирования в раскрытии и расследовании преступлений широко освещаются в научных трудах [2; 3; 4; 5].

Применение данного метода при расследовании преступлений против личности (в частности, убийств) большой давности имеет большое значение, что объяснимо возможностью воссоздания прижизненного облика

(возраста, цвета глаз, волос, кожи, черт лица) неопознанных трупов при исследовании зубов и костей (в том числе их небольших фрагментов) даже при отсутствии всеобъемлющей базы ДНК-данных населения, что, в свою очередь, способно пролить свет на не установленные следствием обстоятельства механизма совершения криминального события.

Однако обнаружение фрагментов зубов и костей человека при производстве осмотра места происшествия (далее – ОП) может осложняться рядом факторов: малым размером искомым объектов, их расположением в укрывающей среде (массиве схожих с ними по цвету объектов, создающих отвлекающий фон), захлапленностью осматриваемой территории или помещения. В таких ситуациях возникает необходимость использования специальных технических средств.

Современное состояние научных знаний и методологического обеспечения судебно-экспертных исследований зубной и костной ткани человека в целях раскрытия и расследования преступлений против личности, в том числе большой давности, актуализирует необходимость научного исследования возможностей практического применения современных технико-криминалистических методов и средств, облегчающих процесс обнаружения зубов и костных останков человека при производстве следственных действий и говорит о необходимости ознакомления специалистов-криминалистов экспертно-криминалистических подразделений с особенностями их использования.

Наиболее экспрессный и наглядный инструментальный метод обнаружения зубов и костей при производстве ОП заключается в использовании источников экспертного света (далее – ИЭС) с определенным спектральным диапазоном, описанию возможностей применения которых в подобных целях в отечественной криминалистической литературе уделяется крайне мало внимания.

О СОСТАВЕ, СВОЙСТВАХ И ПРИНЦИПЕ ОБНАРУЖЕНИЯ ЗУБОВ И КОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Зубы человека, в сравнении с костными останками, являются наиболее приоритетным

объектом генно-молекулярных экспертных исследований, что объясняется их уникальным составом, особенностями расположения в челюстях (фиксацией зубов в альвеолярных лунках челюстей, наличием многоуровневой структуры тканей и др.), обеспечивающими дополнительную защиту зубной ткани, и стойкостью к температурному воздействию. В криминалистической литературе отмечается, что зубы человека без существенных изменений выдерживают температуру до 150 °С и начинают разрушаться лишь на пределе 250 °С [6, с. 118].

Костная ткань, в свою очередь, более подвержена структурным и элементным изменениям. Ученые отмечают, что после смерти и последующего захоронения костных останков происходит процесс гидролитической деградации их органических компонентов. В связи с высокой пористостью костей неорганические соединения, входящие в их элементный состав, находятся в состоянии химического обмена с осадочной средой [7, с. 318].

Принцип обнаружения зубов и костных останков человека при помощи ИЭС основан на поглощении генерируемого ими электромагнитного излучения флуорофорами зубной и костной ткани с последующим испусканием света молекулой вещества, поглотившей фотон, в результате перехода электронов между различными электронными орбитами. Иными словами, при освещении зубов и костей потоком оптического излучения в определенном спектральном диапазоне органические соединения, входящие в их элементный состав, начинают флуоресцировать и выделяются на общем фоне осматриваемого участка.

Стоит отметить, что ИЭС входят в состав научно-технического обеспечения экспертно-криминалистических и следственных подразделений ряда ведомств. В отделах медико-биологических и традиционных экспертиз экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Ставропольскому краю, медико-криминалистическом отделе ГВСУ СК РФ и экспертно-криминалистическом отделе ГСУ СК России по городу Москве особое распространение получили ИЭС производства компании Foster+Freeman – двухдиапазонные (зеленая и голубая зона спектра) ИЭС Crime-Lite 42S и

ультрафиолетовые Crimelite 82S¹. Кроме того, следователями и следователями-криминалистами ГСУ СК России по городу Москве применяются ИЭС «МИКС-450» и Projectina SL-450². В настоящее время наиболее технологичные ИЭС, производимые в СНГ, представлены комплексами экспертного света «Регула 3116»³.

Стоит учитывать, что ИЭС являются эффективным средством обнаружения зубов и костных останков только в том случае, если эти объекты расположены на поверхности осматриваемого участка местности. Расположение искомым объектов в толще грунта, осадочных сред и др. требует использования более сложной техники. Так, в целях обследования мест погребения, обнаружения ископаемых, решения ряда геологических задач используется прибор георадар⁴, предназначенный для получения георадиолокационных данных путем «сканирования» почвы и анализа диэлектрической проницаемости и (или) электропроводности укрывающей среды.

Принцип действия георадара основан на испускании электромагнитной волны в толщу осматриваемой среды с последующим изучением георадарного профиля, строящегося прибором при анализе совокупности сигналов, полученных в результате обследования. Георадар позволяет обнаруживать костные

останки на глубине до 30 метров в грунте и до 300 метров в толще льда⁵.

В медицинской литературе отмечается, что процесс флуоресценции зубной ткани происходит в органической фракции зуба и дентин (структурная часть твердой ткани зуба) флуоресцирует значительно интенсивнее в сравнении с эмалью (флуоресценция дентина примерно в 4 раза выше флуоресценции эмали)⁶ [8, с. 67], молодые зубы флуоресцируют интенсивнее, чем пожилые, флуоресценция естественных зубов человека характеризуется бело-голубым цветом (пик эмиссии варьирует в спектральном диапазоне 450–465 нм)⁷, а главным флуоресцентным соединением (эндогенным флуорофором) зубной ткани является белок коллаген [9, с. 110].

Исследователи констатируют, что флуоресценция белков зубной ткани обусловлена наличием в их молекулах ряда аминокислот – триптофана (обладает самой яркой флуоресценцией), фенилаланина, тирозина и др., пик эмиссии которых приходится приблизительно на 300–350 нм. В спектральном диапазоне 400–600 нм флуоресцируют внеклеточные белки коллаген и эластин (пики эмиссии варьируют в пределах 400, 430 и 460 нм), даже после распада которых флуоресценция зубной ткани не теряется [10].

Помимо естественных зубов при помощи ИЭС могут быть обнаружены и зубные протезы, поскольку в целях придания им характерных для естественных зубов человека эстетических свойств в состав композитных материалов протезов производителями включаются соединения различных металлов, призванные обеспечивать близкую по интенсивности и цвету к естественным зубам флуоресценцию. В некоторых случаях зубные протезы имеют маркировку, что может облегчить идентификацию личности неопознанного трупа или преступника,

1 Результат апробации источников экспертного света Crime-Lite 42S BLUE/GREEN и 82S UV в ЭКЦ ГУ МВД России по Ставропольскому краю [Электронный ресурс] // Целевые технологии : сайт. URL: <https://aimtech.ru/approbations/download/62> (дата обращения: 06.06.2025); Результат апробации источника экспертного света Crime-Lite 42S UV/IR в ГВСУ СК России [Электронный ресурс]. URL: <https://aimtech.ru/approbations/download/38> (дата обращения: 06.06.2025); Результат апробации источника экспертного света Crime-Lite 82S УФ, Crime-Lite 82S Синий в ГСУ СК России [Электронный ресурс] // Целевые технологии : сайт. URL: <https://aimtech.ru/approbations/download/24> (дата обращения: 24.03.2025).

2 Источники экспертного света «МИКС 450» и «Projectina SL-450» [Электронный ресурс] // Главное следственное управление Следственного комитета РФ по Московской области : сайт. URL: <https://mosobl.sledcom.ru/Kabinet-kriminalistiki/Kriminalisticheskaya-tehnika/item/1798530/> (дата обращения: 24.03.2025).

3 Комплекс экспертного света Регула 3116 [Электронный ресурс] // Целевые технологии : сайт. URL: <https://aimtech.ru/catalog/279> (дата обращения: 24.03.2025).

4 Обследование мест погребения [Электронный ресурс] // Георадар-эксперт : сайт. URL: https://www.georadar-expert.ru/Example_009.html (дата обращения: 24.03.2025).

5 Старые кости мамонтов ищут новым методом [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20201006/georadar-1578211353.html?ysclid=m9trhxp6y025421464> (дата обращения: 24.03.2025).

6 Морфологические особенности, оптические эффекты и эстетическое восприятие зубов [Электронный ресурс] // Квинтэссенция : сайт. URL: <https://www.quintessence.ru/blog/12/> (дата обращения: 24.03.2025).

7 Флуоресценция композитных материалов [Электронный ресурс] // Dental Magazine : сайт. URL: <https://dentalmagazine.ru/posts/fluorescenciya-kompozitnykh-materialov.html> (дата обращения: 24.03.2025).

если обнаруженный на месте происшествия протез принадлежал ему [6, с. 118].

В зарубежном исследовании отмечается, что главным флуорофором костей человека, аналогично зубной ткани, является белок коллаген. Авторы установили, что, несмотря на разрушение и денатурацию коллагена, происходящую с течением времени, флуоресценция костей уменьшается, но не теряется полностью. Это позволяет эффективно обнаруживать скелетированные человеческие останки при помощи ИЭС [11].

Стоит отметить, что на характер флуоресценции зубов и костей может влиять наличие кариеса или имевшее место применение определенных медикаментов, изменяющих органическую составляющую зубной и костной ткани, в частности антибиотиков тетрациклинового ряда.

Зарубежными исследователями был проведен ряд экспериментов, направленных на определение приоритетной комбинации длины волны оптического излучения, генерируемого ИЭС Sirchie megaMAXX⁸, и цвета светофильтра, позволяющей возбудить и зафиксировать наиболее интенсивную флуоресценцию зубов и фрагментов костей человека, находящихся в укрывающей среде (исследуемые объекты размещались в массиве неббиологического материала белого цвета – пенополистирола, создающего отвлекающий фон при визуальном осмотре). В результате экспериментов с использованием ИЭС, генерирующих излучение в спектральных диапазонах 455, 470, 505, 530, 590 и 625 нм, установлено, что сочетание длины волны 455 нм и оранжевого светофильтра является наилучшим. Авторы отметили, что ИЭС – эффективное техническое средство для обнаружения зубов и костей человека, не оказывающее разрушающего воздействия на объект исследования [12].

Несмотря на обширность проведенного исследования, авторы обошли стороной использование иных материалов и объектов в качестве укрывающей среды и ИЭС, позволяющих работать в других диапазонах электромагнитного спектра. В смоделированных условиях флуоресценция зубов и костей была значительно интенсивнее флуоресценции укрывающей среды, что не является ти-

пичным явлением при работе на практике. Все эти положения были учтены при планировании экспериментов, составляющих эмпирическую часть настоящего исследования.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Экспериментальные исследования проводились на базе медико-криминалистической лаборатории с использованием объектов судебно-медицинской медико-криминалистической экспертизы (экспертного исследования черепа неопознанного трупа в целях получения идентификационной информации и восстановления прижизненного облика) с постмортальным периодом более 20 лет – четырех месяцев с сохранившимся цементом корней, одного фрагмента корня зуба, одного зубного протеза и четырех фрагментов клиновидной кости черепа человека.

Фрагменты зубов и костей поочередно помещались в кюветы, заполненные инертным материалом, создающим отвлекающий фон: одна кювета была заполнена почвой, содержащей включения мела, а другая – флуоресцентными камнями. Флуоресцентные камни использовались в качестве укрывающей среды, создающей отвлекающий фон не только при визуальном осмотре, но и при осмотре в оптических лучах в целях оценки эффективности ИЭС при работе в различных условиях и ситуациях.

В качестве ИЭС были использованы следующие осветители и технические средства: двухдиапазонный портативный ультрафиолетовый осветитель Sirchie Tiger twin при длине волны 365 нм, УФ-модуль (газоразрядная лампа) универсального детектора VILDIS Ultramag C6 365 нм, ультрафиолетовый светодиодный фонарь iCartool IC-L201 395 нм и осветитель, сконструированный автором настоящего исследования на базе четырех светодиодов повышенной мощности BLD-HP005UV1-E45 430–440 нм (см. рис. 1) [13, с. 50]. При освещении объектов исследования потоком электромагнитного излучения с длиной волны 365 нм в связи с малой мощностью излучения использовалось одновременно два осветителя – Sirchie Tiger twin и УФ-модуль VILDIS Ultramag C6.

Фотосъемка осуществлялась в затемненном помещении на цифровой фотоаппарат Canon PowerShot G9 со следующими компо-

⁸ Alternate Light Sources [Электронный ресурс] // Sirchie : сайт. URL: https://www.sirchie.com/media/resourcecenter/item/0/5/05_ALS_vol_3_.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

зиционными настройками: $f/2.8-4$, выдержка $1/8$ с, ISO-200. В целях отсекающего мощного возбуждающего излучения и получения фотоснимков с наибольшей контрастностью при

фотосъемке флуоресценции объектов исследования, возбужденной излучением с длиной волны 395 и 430–440 нм, использовался отсекающий светофильтр «ОС 11».

Рис. 1. Сконструированный осветитель, генерирующий оптическое излучение в спектральном диапазоне 430–440 нм

В результате экспериментов было установлено, что ИЭС, генерирующие оптическое излучение в спектральных диапазонах 365, 395 и 430–440 нм, позволяют эффективно обнаруживать

зубы и костные останки человека, расположенные в нефлуоресцентной укрывающей среде, затрудняющей их визуальное обнаружение при естественном освещении (см. рис. 2).

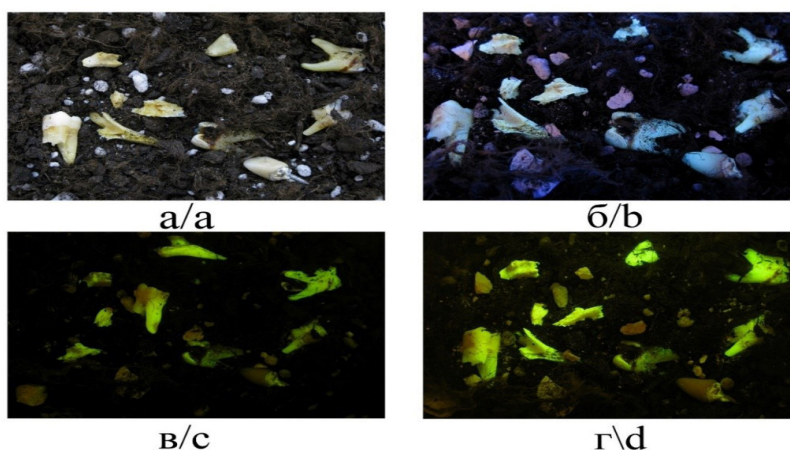

Рис. 2. Фотоизображения фрагментов зубов и костей человека, расположенных в грунте с включениями мела, в оптических лучах с различной длиной волны: а – при видимом свете; б – в оптических лучах 365 нм; в – в оптических лучах 395 нм; г – в оптических лучах 430–440 нм

Флуоресценция фрагментов зубов и костей, расположенных в грунте, возбуждалась оптическим излучением в каждом из указанных спектральных диапазонов и обладала бело-голубым цветом, видимым невооруженным глазом без светофильтра, однако наибольшей интенсивностью она характеризовалась при возбуждении излучением с длиной волны 430–440 нм.

При освещении объектов исследования излучением с длиной волны 365 и 430–440 нм была установлена незначительная фоновая флуоресценция меловых включений, отличавшаяся по цвету и интенсивности от флуоресценции зубной и костной ткани и наблюдавшаяся только при использовании ИЭС с указанными спектральными диапазонами.

Подобные явления могут вызывать сложности в оценке получаемых специалистом-криминалистом результатов, вследствие чего важно владеть информацией о различиях в цвете флуоресценции зубной и костной ткани и иных материалов. Кроме того, на наглядность и интенсивность флуоресценции зубов и костей может негативно влиять наличие на них загрязнений.

Результаты второй группы экспериментов кардинально отличались от первой – интенсивность флуоресценции укрывающей среды значительно превосходила по интенсивности флуоресценцию зубов и костей, что затрудняло их обнаружение даже при использовании ИЭС. Лучший результат был получен при освещении объектов исследования излучением с длиной волны 365 нм (см. рис. 3).

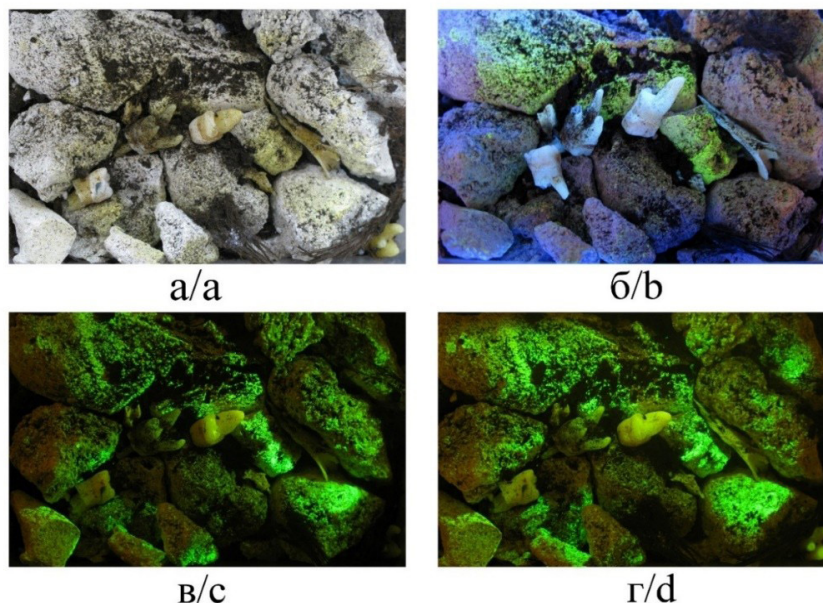

Рис. 3. Фотоизображения фрагментов зубов и костей человека, расположенных в массиве флуоресцентных камней, в оптических лучах с различной длиной волны: а – при видимом свете; б – в оптических лучах 365 нм; в – в оптических лучах 395 нм; г – в оптических лучах 430–440 нм

В подобных ситуациях, когда флуоресценция укрывающей среды превышает по интенсивности флуоресценцию зубной и костной ткани, распознать искомые объекты представляется непростой задачей, во избежание чего цвет и плотность светофильтра необходимо подбирать индивидуально, учитывая длину волны и мощность используе-

мого излучения. Однако укрывающая среда, в сравнении с фрагментами зубов и костей, может иметь другой пик поглощения, а потому специалисту-криминалисту целесообразно поочередно освещать осматриваемую область ИЭС, генерирующими излучение в различных спектральных диапазонах.

Описанная выше проблема характеризуется практической значимостью, поскольку в подобных ситуациях могут возникать сложности в интерпретации получаемых специалистом-криминалистом результатов, из-за чего присутствует риск пропустить идентификационно значимый объект или изъять тот, который в дальнейшем будет исследован впустую.

Получение подобных результатов при производстве ОМП представляется наиболее проблемным в случае, когда анатомическое строение зубов и костей (в частности, их форма) было нарушено в результате посткриминального видоизменения, обусловленного влиянием внешних факторов, или предпринятыми преступником попытками уничтожить следы преступления, затрудняющими визуальную дифференциацию обнаруженных объектов на биологические и небологические в сравнении с останками с естественной морфологией.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗУБОВ И КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ЧЕЛОВЕКА

В случаях, когда флуоресценция укрывающей среды препятствует визуализации зубов и костей, сократить количество изымаемых объектов и провести их качественную выборку позволяет предварительное исследование. Наиболее экспрессными и достоверными неразрушающими методами предварительного исследования фрагментов зубов и костей на месте происшествия являются методы морфологического и элементного анализа.

Морфологический анализ может проводиться визуально или с помощью специальных технических средств и наиболее результативен, если с момента появления в материальной среде предполагаемых биологических объектов прошло не очень много времени, а их строение и структура не были нарушены внешними воздействиями.

Установление в ходе внешнего визуально-морфологического анализа цвета, формы, размеров и возможного наличия на объектах, обнаруженных при помощи ИЭС, остаточных биологических веществ и тканей (крови, мышечной и хрящевой ткани, сухожилий, фрагментов внутренних органов и т. д.) имеет важное значение и должно осу-

ществляться специалистом-криминалистом совместно со специалистом в области судебной медицины при принятии решения о целесообразности изъятия обнаруженных объектов и выдвижении суждений об их вероятной биологической природе.

Внутренний морфологический анализ позволяет получить куда более информативные сведения – как о цельных объектах, так и о фрагментированных – путем исследования их структурного строения, характеризующегося специфичными признаками в сравнении с небологическими объектами, и может осуществляться с использованием переносных малогабаритных рентгенотелевизионных комплексов (например, портативной рентгенотелевизионной установки «НОРКА»)⁹, широко распространенных в практике таможенных служб, возможность внедрения которых в криминалистическую практику в настоящий момент рассматривается [14, с. 172].

Рентгеноструктурный анализ наиболее информативен при предварительном исследовании зубов и позволяет установить наличие у исследуемых объектов характерных анатомических элементов – эмали, полости зуба, корневых каналов [15, с. 18–19].

Элементный анализ является методом количественного исследования и позволяет достоверно определять природу обнаруженных объектов и производить изъятие строго биологических объектов.

Современными и технологичными инструментальными методами элементного анализа на месте происшествия являются рентгеноспектральный флуоресцентный анализ и лазерный элементный анализ. Данные методы основаны на сборе и последующем анализе спектра, специфичного для конкретного вещества, строящегося при облучении объекта потоком рентгеновского излучения или импульсом лазерного излучения, сфокусированным на поверхность исследуемого объекта. В рамках предварительного исследования на месте происшествия могут использоваться портативные рентгенофлуоресцентные ана-

⁹ Портативная рентгенотелевизионная установка НОРКА [Электронный ресурс] // ТСНК ООО Диагностика-М : сайт. URL: <https://tsnk.ru/equip/equip/digital-systems-and-installations/norka/?ysclid=m95b9hff2q377539403> (дата обращения: 24.03.2025).

лизаторы¹⁰ (далее – РФА) и лазерные анализаторы элементного состава¹¹ пистолетного типа, позволяющие в кратчайший срок получить достоверные результаты даже при исследовании небольших по размеру объектов.

Стоит отметить, что применение указанных приборов не ограничивается возможностью установления природы обнаруженных объектов. Предварительное исследование зубов и костных останков человека с использованием РФА, обладающих широким диапазоном идентифицируемых веществ (от Li до U или от Be до U), позволяет определить наличие чужеродных веществ в их составе, что может указывать на наличие заболеваний, род профессиональной деятельности человека или возможное отравление, приведшее к его смерти, и позволит получить информативные сведения о его личности и обстоятельствах совершения преступления, необходимые для построения следственных версий и планирования оперативно-розыскных мероприятий.

Систематическое взаимодействие человека с определенными химическими веществами, обусловленное его профессией, или факт его смертельного отравления способны изменять элементный состав зубов и костей. Работа на радиационных объектах (оборонных, научных или промышленных) может стать причиной накопления в зубах и костях человека радиоактивных изотопов или продуктов распада ряда веществ – стронция-90, цезия-137, плутония-239 и др. В результате смертельного отравления при помощи РФА могут быть обнаружены мышьяк, фтор, производные некоторых сильных кислот. Работа в области химической и металлургической промышленности или на предприятиях по производству аккумуляторов может обусловить наличие в элементном составе зубов и костей свинца, кадмия, некоторых форм ртути или фосфатов.

10 Применение рентгенофлуоресцентного анализа при расследовании преступлений [Электронный ресурс] // Синистр : сайт. URL: https://www.sinistr.ru/Download/Pribory/Rean/Prim/Kriminalystika/Rassledovanie_prestupleniy.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

11 Лазерный анализатор элементного состава NanoLIBS-Q [Электронный ресурс] // CZL лабораторное оборудование : сайт. URL: <https://www.czl.ru/catalog/spektr/libs-spectrometers/nanolibs-q-spektrometr.html> (дата обращения: 24.03.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принимая во внимание изложенное, можно заключить, что фрагменты зубов и костей человека являются важными объектами судебно-экспертных исследований при расследовании преступлений против личности, в том числе большой давности, однако требуют тщательной работы с ними при производстве ОМП и высокой осведомленности специалистов-криминалистов о принципах действия технических средств и методов, необходимых для их обнаружения.

В результате проведенных экспериментальных исследований было установлено, что ИЭС, генерирующие оптическое излучение в спектральных диапазонах 365, 395, 430–440 нм, являются довольно эффективным инструментальным методом обнаружения зубов и костных останков человека, находящихся в нефлуоресцентной укрывающей среде, затрудняющей их визуальное обнаружение при естественном свете, однако не дают гарантии их обнаружения среди флуоресцентных инертных материалов. Кроме того, ИЭС эффективны только в том случае, если искомые объекты расположены на поверхности осадочной или иной среды, создающей отвлекающий фон при визуальном осмотре. Расположение зубов и костей в толще почвы, снега, льда и иных сред исключает возможность их обнаружения при помощи ИЭС и требует использования более сложной техники, например, георадара.

В ситуациях, когда зубы и костные останки находятся в массиве флуоресцентных объектов, особое значение приобретает предварительное исследование всех обнаруженных флуоресцентных объектов в целях установления их природы и дифференциации на биологические и небиологические в целях исключения потенциально нерезультативных изъятий. Современное состояние и стремительное развитие науки позволяет интегрировать в криминалистическую практику инновационные технические средства, необходимые для предварительного исследования предполагаемых зубов и костных останков человека на месте происшествия, и вывести выборку и изъятие материальных объектов для последующих судебно-экспертных исследова-

дований на качественно иной, более высокий уровень. Применение описанных технических средств дает возможность получить информацию об обнаруженных объектах в различных информационных полях, необходимую для выдвижения суждений не только о природе предполагаемых биологических тканей, но и о профессиональной деятельности человека, которому они принадлежали, наличии у него определенных заболеваний или имевшем место смертельном отравлении.

Таким образом, можно рекомендовать расширить научно-техническое оснащение

экспертно-криминалистических подразделений и передвижных криминалистических лабораторий современными техническими средствами обнаружения зубов и костных останков человека – ИЭС, позволяющими работать с материальными объектами в различных диапазонах электромагнитного спектра, и радиотехническим устройством типа георадара, а также современными техническими средствами предварительного исследования, в частности портативными рентгенофлуоресцентными анализаторами и лазерными элементными анализаторами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майлис Н.П. Новые тенденции в развитии судебно-экспертной деятельности, обусловленные духом времени / Н.П. Майлис // Инновации в судебно-экспертной деятельности в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России : материалы всероссийской конференции, Москва, 19–20 апреля 2022 г. / сост. Е.В. Чеснокова. – Москва : РФЦСЭ при Министерстве юстиции Российской Федерации, 2022. – С. 73–75.
2. Чемерис А.В. Генетические и этические проблемы ДНК-фенотипирования / А.В. Чемерис, А.Ф. Халиуллина, Р.Р. Галютдинов, Ф.Г. Аминев // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях : материалы XIII Международной научно-практической конференции, Уфа, 25 октября 2024 г. / отв. ред. Ф.Г. Аминев. – Уфа : НИИ проблем правового государства, 2024. – С. 280–283.
3. Аминев Ф.Г. О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1 (21). – С. 105–113.
4. Кубасов И.А. Разработка методов ДНК-фенотипирования для расследования и раскрытия преступлений / И.А. Кубасов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 166–172.
5. Рудавин А.А. Организационно-правовые возможности использования метода криминалистического ДНК-фенотипирования в практике раскрытия и расследования преступлений / А.А. Рудавин, Д.В. Теткин // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 3. – С. 74–79.
6. Сухарев А.Г. Трасология и трасологическая экспертиза : учебник / А.Г. Сухарев, А.В. Калякин, А.Г. Егоров, А.И. Головченко. – Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2010. – 420 с.
7. Киселева Д.В. Особенности микроэлементного состава современных и ископаемых костных и зубных тканей млекопитающих / Д.В. Киселева, Н.Г. Смирнов, Н.О. Садыкова // Труды института геологии и геохимии имени академика А.Н. Заварицкого. – 2009. – № 156. – С. 318–322.

REFERENCES

1. Mailis N.P. New Trends in the Development of Forensic Activities Due to the Spirit of the Times. In Chesnokova E.V. (ed.). *Innovations in Forensic Activities in the System of Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia. Materials of the All-Russian Conference*, Moscow, April 19–20, 2022. Russian Federal Forensic Center under the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2022, pp. 73–75. (In Russian).
2. Chemeris A.V., Khaliullina A.F., Galyautdinov R.R., Aminev F.G. Genetic and Ethical Problems of DNA Phenotyping. In Aminev F.G. (ed.). *Current Issues of Using Specialized Knowledge in Criminal, Civil, Arbitration Proceedings and in Cases of Administrative Offenses. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference*, Ufa, October 25, 2024. Ufa, Research Institute of Problems of the Rule-of-Law State Publ., 2024, pp. 280–283. (In Russian).
3. Aminev F.G., Chemeris A.V. On Modern Forensic Personality Modeling of an Unidentified Offender. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 1, pp. 105–113. (In Russian).
4. Kubasov I.A. Development of DNA Phenotyping Methods to Investigate and Solve Crimes. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2, pp. 166–172. (In Russian).
5. Rudavin A.A., Tetkin D.V. Organizational and Legal Possibilities of Using Forensic Method DNA Phenotyping in the Practice of Crimes Discovery and Investigation. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2023, no. 3, pp. 74–79. (In Russian).
6. Sukharev A.G., Kalyakin A.V., Egorov A.G., Golovchenko A.I. *Traceology and Trace Examination*. Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2010. 420 p.

8. Новак Н.В. Флуоресценция зубов и пломбировочных материалов / Н.В. Новак // Проблемы здоровья и экологии. – 2009. – № 4 (22). – С. 67–70.

9. Дьяконенко Е.Е. Флуоресценция стоматологических керамических материалов на основе диоксида циркония / Е.Е. Дьяконенко, С.А. Вердиян, Д.А. Сахабиева, И.Ю. Лебеденко // Стоматология. – 2021. – № 3 (100). – С. 109–114.

10. Янушевич О.О. Фотолуминесценция твердых тканей зуба : монография / О.О. Янушевич, И.Н. Сарычева, Д.А. Минаков, В.А. Шульгин. – Москва : Академия Естествознания, 2014. – 53 с.

11. Swaraldahab M.A.H. The Effect of Time on Bone Fluorescence: Implications for Using Alternate Light Sources to Search for Skeletal Remains / M.A.H. Swaraldahab, A.M. Christensen // Journal of Forensic Sciences. – 2016. – № 2 (61). – P. 442–444.

12. Miranda G.E. Use of an Alternate Light Source to Detect Tooth and Bone / G.E. Miranda, R.F.H. Melani, L. Francisquini Júnior, E. Daruge Júnior // Brazilian Dental Journal. – 2017. – № 1 (28). – P. 78–81.

13. Лессард А.Б. Соединение «флуоресцеина» как аналог люминола. Возможности и перспективы использования в криминалистической практике / А.Б. Лессард // Юридические науки: актуальные вопросы теории и практики : сборник трудов конференции, Пенза, 15 июня 2024 г. / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. – С. 46–58.

14. Моисеева Т.Ф. Инновационные технологии осмотра места происшествия / Т.Ф. Моисеева // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 170–173.

15. Стоматологическая радиология : учебно-методическое пособие / Р.Г. Хафизов, А.К. Житко, Д.А. Азизова, Ф.А. Хафизова, А.Р. Хаирутдинова. – Казань, 2015. – 64 с.

7. Kiseleva D.V., Smirnov N.G., Sadykova N.O. Features of the Microelement Composition of Modern and Fossil Bone and Dental Tissues of Mammals. *Trudy instituta geologii i geohimii imeni akademika A.N. Zavarickogo = Proceedings of the Institute of Geology and Geochemistry named after Academician A.N. Zavaritsky*, 2009, no. 156, pp. 318–322. (In Russian).

8. Novak N.V. Fluorescence of Teeth and Filling Materials. *Problemy zdorov'ya i ekologii = Health and Ecology Issues*, 2009, no. 4 (22), pp. 67–70. (In Russian).

9. Dyakonenko E.E., Verdiyana S.A., Sakhabieva D.A., Lebedenko I.Yu. Fluorescence of Zirconia-Based Ceramic Materials. *Stomatologiya = Stomatology*, 2021, no. 3 (100), pp. 109–114. (In Russian).

10. Yanushevich O.O., Sarycheva I.N., Minakov D.A., Shulgin V.A. Photoluminescence of Dental Hard Tissues. Academy of Natural Sciences Publ., 2014. 53 p.

11. Swaraldahab M.A.H., Christensen A.M. The Effect of Time on Bone Fluorescence: Implications for Using Alternate Light Sources to Search for Skeletal Remains. *Journal of Forensic Sciences*, 2016, no. 2 (61), pp. 442–444.

12. Miranda G.E., Melani R.F.H., Francisquini Júnior L., Daruge Júnior E. Use of an Alternate Light Source to Detect Tooth and Bone. *Brazilian Dental Journal*, 2017, no. 1 (28), pp. 78–81.

13. Lessard A.B. Fluorescein Compound as an Analogue of Luminol. Possibilities and Prospects of Use in Forensic Practice. In G.Yu. Gulyaev (ed.). *Legal Sciences: Current Issues of Theory and Practice. Collection of Conference Papers*, Penza, June 15, 2024. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2024, pp. 46–58. (In Russian).

14. Moiseeva T.F. Innovative Technologies for Inspection of the Scene of the Accident. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2021, no. 3, pp. 170–173. (In Russian).

15. Khafizov R.G., Zhitko A.K., Azizova D.A., Khafizova F.A., Khairutdinova A.R. Dental Radiology. Kazan, 2015. 64 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лессард Алек Браен – руководитель учебного центра криминалистических экспертиз кафедры криминалистики, аспирант кафедры криминалистики.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lessard Alek Bryan – Head of the Criminalistic Examinations Training Center of the Chair of Criminalistics, Postgraduate Student of the Chair of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 21.05.2025. The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.

Научная статья
УДК 342.9
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.17

Original article

МАКУШЕВ Дмитрий Евгеньевич
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dmi-makushev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-6246-0870>

MAKUSHEV Dmitry Evgenievich
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russia.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ

ADMINISTRATIVE LAW MEANS OF ENSURING PUBLIC
SAFETY IN THE AREA OF TRAFFICKING IN ARMS

Аннотация. В настоящее время растет число преступлений, совершенных с применением оружия. Это обуславливает необходимость строгого контроля за его оборотом и пересмотра системы профилактики и противодействия административным правонарушениям как предикторам совершения тяжких и резонансных преступлений. Цель: анализ средств и форм административно-правовой профилактики в сфере оборота оружия. Методы: теоретические методы анализа, синтеза, обобщения, формальной и диалектической логики; частнонаучные: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить необходимость пересмотра действующего механизма административного регулирования оборота оружия в части усиления ответственности за совершение правонарушений в рассматриваемой области. Необходимо не только тщательно исследовать причины и условия, способствующие их совершению, но и анализировать личность правонарушителя, лиц, проживающих совместно с ним и имеющих вероятную возможность получения беспрепятственного доступа к оружию, прогнозировать наличие возможности совершения с применением оружия более тяжкого правонарушения.

Ключевые слова: административно-правовое обеспечение, административная ответственность, общественная безопасность, административное правонарушение, оружие, органы внутренних дел

Для цитирования: Макушев Д.Е. Административно-правовые средства обеспечения общественной безопасности в сфере оборота оружия / Д.Е. Макушев. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 150–156.

Abstract. Currently, the number of crimes committed with the use of arms is increasing. This necessitates strict control over its trafficking and revision of the system of prevention and counteraction to administrative offenses as predictors of serious and high-profile crimes. Purpose: to analyze the means and forms of administrative law prevention in the area of trafficking in arms. Methods: theoretical methods of analysis, synthesis, generalization, formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study reveals the need to review the current mechanism of administrative regulation of trafficking in arms in terms of strengthening responsibility for committing offenses in this field. It is necessary not only to thoroughly investigate the causes and conditions contributing to their commission, but also to analyze the personality of the offender, the persons living with him or her who are likely to have unhindered access to arms, and to predict the possibility of committing a more serious offence with the use of arms.

Keywords: administrative law support, administrative responsibility, public safety, administrative offense, arms, internal affairs bodies

For citation: Makushev D.E. Administrative Law Means of Ensuring Public Safety in the Area of Trafficking in Arms. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2025, no. 2, pp. 150–156. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.17.

ВВЕДЕНИЕ

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина как ведущий принцип правового государства, коим провозглашена Российская Федерация в соответствии с Конституцией, предполагает ориентацию системы государственного управления на защиту прав и свобод личности от противоправных посягательств, что определяет направленность государственной деятельности на укрепление правопорядка и минимизацию противоправного поведения и его последствий в соответствии с конституционными принципами. Общественная безопасность – одно из ключевых условий обеспечения качества жизни и благополучия граждан.

Статистические данные свидетельствуют о ежегодном увеличении количества правонарушений и преступлений¹. Правонарушения, совершаемые в общественных местах, представляют повышенную опасность и реальную угрозу жизни и здоровью граждан, поскольку речь идет о неограниченном количестве участников – потенциальных потерпевших от противоправных действий. Административные правонарушения, связанные с нарушениями правил оборота оружия, выступают в качестве предикторов уголовных преступлений, способствуя трансформации оборота оружия из регулируемого в нелегальный. На сегодняшний день в законный оборот оружия вовлечено более 3,9 млн граждан, владеющих не менее 6,6 млн единиц оружия, в год оформляется около 1 млн новых разрешений на его хранение и ношение². Сказанное обуславливает необходимость выработки и внедрения наиболее эффективных мер предупреждения и противодействия административным правонарушениям в сфере оборота оружия и привлечения к ответственности виновных лиц.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

В соответствии с Конституцией РФ обеспечение безопасности – одна из основных за-

1 Генеральная прокуратура РФ : сайт. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

2 Росгвардия: на руках у россиян находится более 6,6 млн единиц зарегистрированного оружия [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7474587> (дата обращения: 25.09.2024).

дач государства. Именно поэтому и со стороны уполномоченных органов, и со стороны общества предъявляются высокие требования к организации деятельности правоохранительных органов в общественных местах, на транспорте, в ходе проведения всех видов публичных мероприятий.

В.Ю. Вержиховский подчеркивает, что совершение большинства административных правонарушений связано с пребыванием правонарушителя в общественном месте. Однако законодательством не закреплены ни понятие, ни сущность данной правовой категории, что вызывает определенные трудности при привлечении лица к административной ответственности. Исследователь полагает, что ведущими критериями общественного места являются нахождение в нем людей и свободный доступ к нему неограниченного числа граждан [1].

Вместе с тем один из ведущих нормативных актов федерального уровня в сфере безопасности – Федеральный закон «О безопасности» – не содержит определения общественной безопасности, что негативно сказывается на отсутствии единого подхода к ее пониманию и сущности³. Отсутствует определение общественной безопасности и в Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴. В соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации «под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁵.

В.Г. Ляшко под общественной безопасностью понимает состояние защищенности общества от угроз, связанных с преступностью,

3 О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20.11.2013) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стихийными бедствиями, техногенными катастрофами и другими опасностями, обеспечиваемое посредством правовых, организационных и технических мер [2]. И.Е. Ильичев и Э.В. Богмарцева называют общественной безопасностью комплекс мер и механизмов, направленных на предотвращение, выявление и нейтрализацию угроз, способных нанести ущерб здоровью, жизни, имуществу граждан и общественным институтам, а также на поддержание правопорядка и стабильности в обществе [3]. Ю.Б. Басова полагает, что это система социально-правовых отношений и государственных мер, обеспечивающих защиту населения и инфраструктуры от противоправных действий, аварий, катастроф и чрезвычайных ситуаций [4]. С.М. Микаилов и А.Н. Богомоллов считают, что общественная безопасность – это состояние общества, при котором его граждане, имущество и общественные блага защищены от любых форм насилия, опасностей и вредных воздействий, создаваемое с помощью государственного регулирования и взаимодействия различных институтов общества [5].

Ключевая роль в обеспечении общественной безопасности принадлежит государственному контролю за оборотом оружия. Эффективная система контроля в настоящее время представлена лицензированием и регистрацией оружия, установлением требований к его хранению, ношению и транспортировке, а также надзором за деятельностью организаций, занимающихся производством и продажей оружия, ограничением доступа к владению им лиц с криминальным опытом и психическими отклонениями.

ФОРМЫ ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ

В ст. 17 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁶ обозначены формы профилактики административных правонарушений.

1. Правовое просвещение и информирование. В сфере оборота оружия данные формы

⁶ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

профилактики важны для обеспечения безопасности общества, регулирования оборота оружия и предупреждения административных правонарушений. Они направлены на обеспечение соблюдения законов и норм, регулирующих оборот оружия, повышение осведомленности граждан в вопросах, связанных с теми или иными аспектами оборота оружия. К данному направлению следует отнести организацию семинаров, лекций и кампаний по распространению информации о соответствующих нормах, проведение специального обучения, распространение памяток и методичек по безопасному обращению с оружием, обеспечение открытого доступа граждан к соответствующим информационным ресурсам и т. д.

Анализ мероприятий по правовому просвещению и информированию показал, что в данном направлении ведется действительно существенная работа. Сотрудниками правоохранительных органов проводятся лекции в различных учреждениях, в ходе которых доводится информация о необходимости соблюдения законодательства в сфере оборота оружия. К примеру, воронежскими полицейскими данные мероприятия проведены в образовательных учреждениях⁷.

Официальные сайты органов прокуратуры содержат вкладку «Правовое просвещение», на большинстве сайтов опубликована информация о необходимости соблюдения законодательства в сфере оборота оружия. К примеру, на официальном сайте Прокуратуры г. Санкт-Петербурга размещена Памятка для граждан по вопросам приобретения, ношения, хранения, транспортирования гражданского огнестрельного оружия на территории Российской Федерации⁸.

На официальных сайтах подразделений Росгвардии размещены видеоролики, посвященные правовому просвещению граждан в вопросе обращения с оружием. Например, видеолекция «Оружейная грамотность» размещена на сайте Управления федеральной

⁷ Полицейские провели лекции в воронежских школах по теме незаконного оборота оружия [Электронный ресурс]. URL: <https://36.мвд.рф/news/item/11445224/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ Памятка для граждан по вопросам приобретения, ношения, хранения, транспортирования гражданского огнестрельного оружия на территории Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/activity/legal-education/materials/pm?item=72396008 (дата обращения: 25.09.2024).

службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Самарской области⁹. Отдельные интернет-ресурсы муниципальных образований также содержат соответствующую информацию. Например, на сайте муниципального района Булунский улус представлена Инструкция гражданам по соблюдению правил оборота огнестрельного оружия¹⁰.

2. Профилактическая беседа (ст. 19 КоАП РФ). Данная форма профилактики реализуется в ходе индивидуальной работы участковых уполномоченных полиции, инспекторов лицензионно-разрешительных подразделений, оперуполномоченных уголовного розыска и других сотрудников правоохранительных органов. Информация о проведенных мероприятиях может размещаться на официальном сайте, а также заноситься в учетно-профилактические дела.

3. Объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо о недопустимости продолжения антиобщественного поведения регулируется рядом ведомственных нормативных актов. К примеру, в системе МВД России – приказом МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения». Однако в доступных источниках не выявлено фактов вынесения подобных предостережений в сфере оборота оружия.

Также сотрудниками полиции не реже раза в год проводятся проверки условий обеспечения сохранности оружия гражданами по месту их жительства, которые, как показывает анализ правоприменительной и судебной практики, являются действенным способом

профилактики и выявления административных правонарушений, связанных с хранением оружия. Так, изучив решение Советского районного суда г. Красноярск от 24 сентября 2018 г. № 12-943/2018 по делу № 12-943/2018, можно заключить, что в результате проверки по месту жительства владельца оружия В. инспектором лицензионно-разрешительной работы выявлен факт изменения места жительства и регистрации гражданина. При этом в установленный срок документы переоформлены не были, что квалифицировано должностным лицом как административное правонарушение¹¹.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Административная ответственность за правонарушения в сфере оборота оружия предусмотрена ст. 20.8–20.14 КоАП РФ и является ключевым элементом системы профилактики уголовно-правовых деяний, связанных с незаконным оборотом оружия. Выявление, пресечение и рассмотрение административных правонарушений в области оборота оружия, применение административного наказания к лицам, их совершившим, обладают не только карательной, но и превентивной сущностью, обеспечивая предупреждение дальнейших правонарушений как со стороны лица, привлеченного к ответственности, так и иных участников общественных отношений в рассматриваемой сфере.

В соответствии со структурой профилактики, предлагаемой в рамках классических теорий административного права, привлечение к административной ответственности следует отнести к третичному уровню профилактики, реализуемому уже после совершения правонарушающего деяния в ходе применения меры наказания, а также к вторичному уровню, представляющему систему мер, направленных на сдерживание совершения деликта (например, конфискация оружия при выявлении нарушений правил его хранения и (или) ношения).

⁹ Управление федеральной службы войск национальной гвардии по Самарской области [Электронный ресурс]. URL: <https://63.rosguard.gov.ru/page/index/oguzhejnaya-gramotnost> (дата обращения: 25.09.2024).

¹⁰ Инструкция гражданам по соблюдению правил оборота огнестрельного оружия [Электронный ресурс]. URL: <https://mr-bulunskij.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).

¹¹ Решение № 12-943/2018 от 24.09.2018 по делу № 12-943/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N50QFeZu115u/?ysclid=lr2ebrjeir23406639> (дата обращения: 25.09.2024).

К органам, осуществляющим работу по профилактике административных правонарушений в России, относятся в первую очередь две силовые структуры – Росгвардия и полиция, деятельность которых в данной области предусмотрена как ведомственными, так и совместными нормативными актами. Например, взаимодействие по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия, регулируется приказом Федеральной службы войск национальной гвардии РФ и МВД России от 23 июня 2023 г. № 216/440. Также к субъектам профилактики следует отнести Прокуратуру РФ, подразделения Следственного комитета, органы государственного охотничьего контроля, государственных охотничьих инспекторов и др.

Сущность административной ответственности предполагает применение к лицам, нарушившим нормы административного права, предусмотренных законом санкций, которые выступают как профилактическими, так и репрессивными мерами. Профилактический характер определяется сдерживанием потенциальных нарушителей от противоправных действий, что напрямую способствует поддержанию правового порядка и общественной безопасности, предотвращая правонарушения до их совершения. Репрессивный характер в обеспечении справедливого наказания виновных лиц, совершивших административное правонарушение, не только восстанавливает нарушенный правопорядок, но и служит примером для других, укрепляя уровень правового сознания.

Эффективность института административной ответственности как правового средства охраны общественного порядка определяет особое внимание к его совершенствованию, что позволит оперативно реагировать на малейшие изменения в общественных отношениях, внедрять механизмы защиты прав граждан и исключать случаи недобросовестного функционала со стороны правоохранительных органов.

Усиление превентивного воздействия способствует и более сознательному соблюдению правовых норм гражданами, приведению отечественного законодательства в соответствие с международными стандартами, что способствует оптимизации механизма применения государственных ресурсов, ускорению про-

цедур рассмотрения административных дел, укреплению общественного порядка и повышению эффективности системы административного права.

Ведущая роль в обеспечении административно-правового регулирования оборота оружия в Российской Федерации принадлежит Росгвардии, в то время как на полицию в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» возложен ряд обязанностей, осуществляемых преимущественно по «направлению федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия...» (п. 22 ч. 1 ст. 12). Полномочия по осуществлению производства по административным правонарушениям, их пресечению и предупреждению в равной степени возложены на оба ведомства.

В соответствии с КоАП РФ за совершение нарушений в сфере оборота оружия в зависимости от степени общественной опасности совершенного деяния предусмотрен ряд мер административной ответственности, среди которых конфискация оружия (а также приспособлений к нему, его частей, патронов и т. д.), имеющая безвозмездный характер и представляющая собой принудительное обращение предметов, отчужденных в собственность государства. Данная мера ответственности не реализуется в отношении физических лиц. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 конфискуемое и изъятое оружие должно передаваться в уполномоченные органы для проведения историко-культурной и искусствоведческой экспертизы (п. 82), однако, как отмечают исследователи, на практике эту процедуру трудно реализовать ввиду недостаточной проработанности вопроса в нормативной базе уполномоченных органов, несмотря на то что данная мера предусмотрена в целях предотвращения уничтожения имущества, представляющего особую культурную или историческую ценность [6].

Постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1238 регулируются общие правила реализации конфискованного имущества (в том числе оружия). Орган, упол-

номоченный осуществлять распоряжение (учет, оценку, экспертизу, реализацию) конфискованным оружием – Росимущество, в которое соответствующие объекты передаются по акту приема-передачи. Однако, как отмечает О.С. Гоман, при реализации данного вида административной ответственности на практике в ряде регионов возникают определенные проблемы. Так, исследователь приводит пример обращения в суд по вопросу наделения государственного органа (Росимущество) правом распоряжения конфискованным оружием. Ленинским районным судом действия Росгвардии по передаче в Росимущество оружия для обращения в доход государства признаны незаконными, что вызвало еще больше противоречий и непонимание, какому органу государственной власти принадлежит право реализации конфискованного оружия [7]. В результате данного законодательного пробела на склады отдельных регионов только за последние годы поступило более 1500 единиц изъятого оружия.

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей порядок отчуждения, обращения в собственность государства и реализации имущества показал, что оружие не включено в законодательно утвержденный Перечень движимого имущества, обращенного в собственность государства и передаваемого Минобороны России, МЧС России и Общероссийскому общественному движению «Народный фронт "За Россию"», утвержденный постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2023 г. № 1470. Кроме того, ст. 14 постановления Правительства РФ от 23 сентября 2019 г. № 1238 «О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства» указывает, что в случае принятия решения об уничтожении такого имущества оно не подлежит оценке. Это вызывает определенную обеспокоенность в связи с тем, что отдельные виды оружия могут являться коллекционными или иметь историческую, культурную или общественную значимость. На данную проблему обратила внимание В.В. Балакеев. Она отмечает, что как минимум следует законодательно закрепить необходимость признания оружия ценным исходя из временно-возрастного признака [8].

Применяемое в отношении физических лиц лишение права на приобретение и хра-

нение или хранение и ношение оружия, регулируемое ст. 3.8 КоАП РФ, имеет оговорку о недопустимости лишения права осуществлять охоту при условии, что охота для нарушителя является единственным средством, обеспечивающим существование и жизнеспособность, за исключением ряда условий, однако из диспозиции указанной правовой нормы не следует, что данные лица не могут не быть лишены права приобретения, ношения, хранения оружия, что предполагает невозможность ведения охоты в данном случае. Обозначенное противоречие требует законодательного уточнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время состояние поднятой проблемы свидетельствует о существенной социальной опасности правонарушений в сфере оборота оружия, выражающейся в росте выявляемых правонарушений и числа лиц, привлеченных к ответственности, в расширении субъектов, их совершающих (за счет несовершеннолетних, мигрантов и т. д.). Общественная опасность кроется и в причинах, обусловленных трансформацией ценностно-смысловой сферы, потребностью молодого поколения в поведении, выражаемом в намеренном нарушении прав, свобод и границ посторонних граждан, избыточной терпимостью государства к правонарушителям.

Профилактическая работа в части контроля за оборотом оружия проводится системно всеми подразделениями органов внутренних дел, а также иными субъектами профилактики, на которые возложены указанные функции. В настоящее время наиболее распространенными формами профилактической работы на уровне первичной профилактики (предотвращения административных правонарушений) являются правовое просвещение и информирование, а также профилактические беседы. Кроме того, владельцы оружия не реже раза в год посещают по месту жительства сотрудники органов внутренних дел с целью проверки соблюдения условий хранения оружия как источника повышенной опасности.

Для обеспечения эффективной деятельности правоохранительных органов по профилактике и предупреждению правонарушений в сфере оборота оружия необходимо

пересмотреть действующий механизм административного регулирования оборота оружия в части усиления ответственности за совершаемые административные правонарушения в рассматриваемой области. Необходимо не только тщательно исследовать причины и условия, способствующие

их совершению, но и анализировать личностные правонарушения, лиц, проживающих совместно с ним и имеющих вероятную возможность получения беспрепятственного доступа к оружию, прогнозировать наличие возможности совершения с применением оружия более тяжкого правонарушения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вержиховский В.Ю. Административная ответственность за мелкое хулиганство / В.Ю. Вержиховский // Меридиан. – 2019. – № 10 (28). – С. 105–107.
2. Ляшко В.Г. Безопасность жизнедеятельности: монография / В.Г. Ляшко. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. – 236 с.
3. Ильичев И.Е. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий / И.Е. Ильичев, Э.В. Богмарцева // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 1. – С. 11–18.
4. Басова Ю.Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности / Ю.Ю. Басова // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 61–66.
5. Микаилов С.М. Общественная безопасность как понятие и как стратегический национальный приоритет в сфере обеспечения национальной безопасности / С.М. Микаилов, А.Н. Богомолов // Молодой ученый. – 2017. – № 39 (173). – С. 68–71.
6. Фаисханов Р.Р. Некоторые проблемы реализации мер административного принуждения лицензионно-разрешительными подразделениями Росгвардии в области оборота оружия / Р.Р. Фаисханов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 10 (279). – С. 89–96.
7. Гоман О.С. Исполнение административного наказания в виде конфискации оружия: проблемы и перспективы / О.С. Гоман // Актуальные проблемы полицейского права: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». – Омск, 2021. – С. 118–120.
8. Балаклеец В.В. Правовой режим оружия, имеющего историко-культурную ценность / В.В. Балаклеец // Science Time. – 2016. – № 5 (29). – С. 52–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макушев Дмитрий Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makushev Dmitry Evgenievich – Postgraduate student of the Chair of Criminal Law and Procedure.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 15.03.2025. The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 15.03.2025.

Научная статья
УДК 349.6
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.18

Original article

УШАКОВ Вячеслав Николаевич
Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
Иркутск, Россия,
e-mail: ushakov-sl@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5186-8737>

USHAKOV Vyacheslav Nikolaevich
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia.

ПРАВОВЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ В РОССИИ

LEGAL, SOCIAL AND ECOLOGICAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT
TO A FAVORABLE ENVIRONMENT IN RUSSIA

Аннотация. В ходе реализации права на благоприятную окружающую среду возникает большое количество проблем. В существующих исследованиях обращается внимание главным образом на экологический момент. В этой связи необходим комплексный анализ реализации данного права с опорой вместе с тем на правовую и социальный аспекты. Цель исследования – оценка реализации права на благоприятную окружающую среду с правовой, социальной и экологической позиций. Методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, логический и диалектический. Результаты: обоснована необходимость рассматривать право на благоприятную окружающую среду как самостоятельное и не зависящее от других правовых возможностей, перечисленных в ст. 42 Конституции РФ; предлагается определение благоприятной окружающей среды с учетом ее влияния на человека; с целью повышения эффективности реализации анализируемого права отмечается целесообразность повышения правовой грамотности населения и его активного участия в ходе судебного разбирательства; на примере ряда территорий экологического неблагополучия предложена возможность смены места жительства, как, например, по программе переселения из ветхого и аварийного жилья.

Ключевые слова: благоприятная окружающая среда, механизмы реализации, ликвидация объектов накопленного вреда, государственная экологическая политика

Для цитирования: Ушаков В.Н. Правовые, социальные и экологические аспекты реализации права на благоприятную окружающую среду в России / В.Н. Ушаков. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 157–165.

Abstract. While implementing the right to a favorable environment, a lot of problems arise. Existing studies mainly focus on the ecological moment. In this regard, a comprehensive analysis of the implementation of this right is needed, while at the same time drawing on legal and social aspects. The purpose of the study is to assess the implementation of the right to a favorable environment from legal, social and ecological positions. Methods: comparative-legal, formal-legal, logical and dialectical. Results: the study substantiates the need to consider the right to a favorable environment as autonomous and independent of other legal opportunities listed in Article 42 of the Constitution of the Russian Federation. The article proposes a definition of a favorable environment taking into account its impact on human beings. In order to increase the effectiveness of the implementation of the analyzed right, the article notes the expediency of increasing the legal literacy of the population and its active participation in court proceedings. On the example of a number of areas of ecological disadvantage, the article proposes the possibility of changing the place of residence, such as, for example, under the program of resettlement from dilapidated and emergency housing.

Keywords: favorable environment, implementation mechanisms, elimination of objects of accumulated harm, state environmental policy

For citation: Ushakov V.N. Legal, Social and Ecological Aspects of the Implementation of the Right to a Favorable Environment in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 157–165. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.18.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время экологическое состояние в мире вызывает беспокойство. Окружающая среда оказывает негативное влияние на жизнь и здоровье людей, что обусловлено различными причинами. В некоторых ситуациях – естественными факторами, такими как радиационное воздействие из-за наличия радиоактивных элементов в почве. Есть причины, которые носят антропогенный характер и обусловлены деятельностью человека, приводящей к изменению климата, что влечет опасные и разрушительные последствия для всех сфер жизни.

В условиях неблагоприятного экологического состояния регулятором безопасности окружающей среды является система правовых норм экологического характера. Базовые нормы содержатся в Конституции РФ и Федеральном законе «Об охране окружающей среды»¹. В соответствии со ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Отметим, что это право как на национальном, так и на международном уровнях было установлено относительно недавно, что обосновывает его многоаспектное изучение в длительной перспективе, а эколого-правовая специфика требует учитывать текущее состояние окружающей среды.

Реализация права на благоприятную окружающую среду осложнена многочисленными проблемами, которые целесообразно классифицировать. Существующие исследования на данную тематику, как правило, ограничиваются оценкой экологического состояния, особо выделяя известные экологические факторы (загрязнение атмосферного воздуха, низкое качество питьевой воды, несанкционированные свалки мусора, малая степень благоустройства территорий или же его отсутствие и др.). Во многих работах раскрываются трудности правового регулирования данного права. Значительно реже проводятся комплексные исследования, опирающиеся на несколько аспектов. Разумеется, экологическая составляющая в данном случае является основной, главным образом по причине явно видимых последствий. Но реализация права

на благоприятную окружающую среду осложнена и другими факторами. В существующих исследованиях на данную тематику в сравнительно меньшей степени делается упор на тенденции социального развития, притом что они не менее важные.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В ст. 42 Конституции РФ одновременно с собственно правом каждого на благоприятную окружающую среду закреплены возможности на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением здоровью или имуществу. Конструкция данной нормы дает повод для разногласий при определении содержания регулируемого права.

Так, в научных исследованиях отмечается одно всеобъемлющее право – на благоприятную окружающую среду, которое включает совокупность всех положений, указанных в ст. 42 Конституции РФ. В частности, такой позиции придерживается Е.Ю. Разуваева, отмечая, что «право на благоприятную окружающую среду состоит из трех дополняющих его элементов, которые раскрыты и конкретизированы в природоохранном законодательстве». При этом интересно и то, что, по мнению автора, отмеченные положения «одновременно являются и самостоятельной юридической возможностью, правом, и своеобразной гарантией права на благоприятную окружающую среду, и структурными элементами его содержания» [1, с. 556–557]. Здесь следует согласиться лишь с отмеченной автором самостоятельностью анализируемых положений, так как с субъективной точки зрения они действительно имеют разную направленность [2, с. 199].

Существует противоположная позиция, которая основывается на строгой самостоятельности и индивидуальности положений, закрепленных в ст. 42 Конституции РФ. Таким образом, они приобретают статус отдельных друг от друга прав, хотя и взаимосвязаны. В частности, по мнению Д.В. Герасимова, в контексте ст. 42 Конституции РФ следует говорить о наличии именно «трех самостоятельных прав» [3, с. 61].

Ранее нами уже были изложены соображения по этому вопросу [2, с. 199]. Представляется, что анализируемые правовые конструкции

¹ Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133.

все же обладают некоторой самостоятельностью. При этом право на благоприятную окружающую среду является основным, обеспечивающим и предопределяющим весомую долю природоохранного законодательства. Гарантии достоверной информации о состоянии окружающей среды и возмещения ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, являются дополнительными возможностями, которые вытекают из действия основного права. Кроме того, следует заметить, что у всех трех положений совершенно разные непосредственные объекты правового регулирования.

Такая иерархически построенная система, когда существует одно основное право и вытекающие из него правовые возможности, представляется логически выверенной. Подобное разграничение может показаться жестким. Однако благодаря этому подходу можно более четко определить содержание каждого элемента ст. 42 Конституции РФ. Тем не менее на сегодняшний день обозначенное противоречие до конца не решено.

Существуют и другие трудности правового регулирования данного права. В частности, некоторые специалисты эколого-правовой сферы отмечают отсутствие конкретных критериев благоприятности окружающей среды [4, с. 47; 5, с. 8; 6, с. 75–77]. На сегодняшний день в доктрине экологического права нет единой позиции по поводу понятия «благоприятная окружающая среда». Согласно ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» под благоприятной окружающей средой понимается «среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов».

А.П. Анисимов характеризует указанное определение как сформулированное в узком смысле. При этом вполне справедливо замечено упущение значительных характеристик благоприятной окружающей среды, прямо установленных законодательством. В этой связи предложено трактовать такую среду в широком смысле как «состояние среды обитания человека, которое соответствует нормативам, касающимся ее чистоты, ресурсоемкости, экологической устойчивости, видового разнообразия, способности удовлетворять потребности граждан в отдыхе, туризме,

лечении, а также включать в себя эталонные участки природы, не тронутой человеческой жизнедеятельностью» [7, с. 75–76].

Отметим, что термин «устойчивое функционирование» в установленном федеральным законом значении несколько размыт. В условиях благоприятной окружающей среды это предполагает для естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов лишь некую стабильность существования и, при наличии возможности, способность осуществлять деятельность. При этом какое-либо качественное, стадийное развитие не является обязательным; отсутствует также прямое ограничение негативного воздействия на организм человека, являющееся, на наш взгляд, ключевым показателем определения благоприятности среды.

Представляется, что законодателем сознательно выбран данный подход, при котором экологической теме не может уделяться большое внимание. Социально-экономическое развитие Российской Федерации и государственно-политические институты в конце 1990-х – начале 2000-х годов находились в слабом положении, что позволяло государству решать лишь задачи по стабилизации отношений в данных сферах. Однако конституционно-правовое закрепление права на благоприятную окружающую среду не позволяет игнорировать обеспечение его реализации. Соответственно, был сделан выбор в пользу более легкого подхода, принципы которого заложены в федеральном законе в понятии благоприятной окружающей среды и реализуются по настоящее время.

В исследованиях отмечаются и многочисленные коллизии правовых норм системы экологического права, неудобство правоприменения в силу отсутствия единого акта – экологического кодекса и др. [8, с. 7–8; 9, с. 37]. Нерешенность отмеченных проблем также не позволяет обеспечивать высокий уровень реализации анализируемого права.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ФОРМЫ САМОЗАЩИТЫ И НЕПОПУЛЯРНОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

Для раскрытия социального аспекта сначала рассмотрим существующие механизмы

реализации права на благоприятную окружающую среду. На сегодняшний день она включает два механизма.

Первый механизм – неюрисдикционный – заключается в реализации гражданами своего субъективного права в форме самозащиты. Основополагающим в данном случае является их участие в принятии экологически значимых решений [10, с. 17]. Отметим, что традиционно самозащита осуществляется без обращения в государственные органы.

Понятие самозащиты трактуется по-разному. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25, разъясняющему положения ст. 14 ГК РФ, «лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения»². В науке существуют многочисленные трактовки данного термина. Относительно емким является определение, согласно которому самозащита выражается в «осуществлении субъектом гражданско-правовых отношений самостоятельных действий фактического и правового характера, целью которых является устранение существующего правонарушения или предупреждение угрозы его совершения» [11, с. 84].

Второй механизм – юрисдикционный – содержит набор обязанностей и властных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления, осуществляемых ими в сфере природоохраны и природопользования. В данном случае активная реализующая роль возлагается на правоохранительные органы, которые в силу закона обязаны защищать права и свободы человека и гражданина. К данному механизму, в частности, относится судебная форма защиты, реализующаяся путем подачи исков в суд (ст. 46 Конституции РФ).

Право на благоприятную окружающую среду по причине своей относительной новизны и узкой экологической специфики зачастую не воспринимается всерьез наделенными этим правом субъектами. Это объясняется низким уровнем правовой грамотности, а также сравнительно малой заинтересованностью общества. Здесь следует отметить чрезвычай-

ную редкость обращений в суд самими гражданами за защитой данного права. Проведенный нами анализ судебной практики показал, что подавляющее число обращений поступает от органов прокуратуры в целях защиты права на благоприятную окружающую среду в интересах граждан (как определенного, так и неопределенного круга лиц)³.

Недостаточность механизма самозащиты в контексте реализации права на благоприятную окружающую среду отмечается и в научной литературе. В частности, в работе Т.Ю. Сорокиной рассмотрены механизмы защиты права на благоприятную окружающую среду, обозначены проблемные моменты применительно к самозащите данного права общественными объединениями [12, с. 53–73].

Н.В. Жукова обращает внимание не только на недостаточную степень самозащиты исследуемого права, но и защиты с задействованием юрисдикционного механизма. Сформулированы выводы о малой заинтересованности государства в данном вопросе и соответствующей такому положению государственной экологической политике [13, с. 324–329].

Рассматривая возможные способы реализации исследуемого права, следует отметить, что такие действия, как проведение демонстраций, шествий, пикетирований, являются важными средствами обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Однако переносить их эффективно применять в первую очередь для защиты прав политических. По нашему мнению, эти действия слабо применимы для защиты права на благоприятную окружающую среду. Проведение разного рода пикетов и демонстраций на экологическую тему возможно, и это с определенной частотой осуществляется. Но в конечном счете, как правило, подобные действия не влекут конкретных юридических последствий.

По нашему мнению, более эффективно участие в судебном процессе, которое воз-

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³ Решение Свердловского районного суда г. Иркутска от 07.06.2021 по делу № 2-2157/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.03.2025) ; Решение Свердловского районного суда г. Иркутска от 21.05.2020 по делу № 2-708/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.03.2025) ; Решение Свердловского районного суда г. Иркутска от 29.08.2019 по делу № 2-3911/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.03.2025).

можно осуществлять в рамках второго механизма защиты права на благоприятную окружающую среду. Одна из целей судебного разбирательства – достижение истины в рассматриваемом деле с опорой на действующее законодательство. Отличительным от других форм и способов защиты в данном случае является наступление конкретных юридических последствий, которые обеспечиваются законной силой решения суда. Это возлагает на стороны определенные обязанности и в конечном счете позволяет достичь консенсуса в оспариваемом вопросе. Для обеспечения эффективности реализации права на благоприятную окружающую среду в ходе судебного разбирательства возможно участие субъектов данного права как лично, так и через представителя. Отметим, что возможность участия в суде через представителя реализуется в ходе защиты других прав и вполне применима для защиты прав экологических.

Таким образом, в ходе реализации права на благоприятную окружающую среду на сегодняшний день с преобладающей частотой применяется лишь один механизм – защита с помощью действий органов государственной власти и местного самоуправления. При этом отмечается чрезвычайно малое количество обращений в суд гражданами самостоятельно. Такие тенденции и в целом малая заинтересованность населения существенно затрудняют полноценную реализацию одного из основных прав человека.

Эффективность реализации права обеспечивается задействованием и активным функционированием всех осуществляющих его механизмов. В противном случае обеспечение полноценного уровня правовой защиты значительно затрудняется. При этом возлагается дополнительная нагрузка на активно действующие институты, что в дальнейшем не сказывается положительно на их результативности.

СОБСТВЕННО ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Экологическая направленность права на благоприятную окружающую среду приводит к неминусовому столкновению системы права

и сферы экологии. В силу того, что право на благоприятную окружающую среду закреплено в Конституции РФ, которая имеет высшую юридическую силу, оно должно действовать постоянно и без каких-либо неправомерных ограничений, а все возможные нарушения должны пресекаться и наказываться.

Однако на сегодняшний день в России имеется большое количество экологических проблем. Решение большинства из них до сих пор не найдено. Их влияние на многие права и свободы человека и гражданина неоспоримо.

По нашему мнению, наиболее существенное негативное воздействие на организм человека оказывает проживание людей на территориях экологического неблагополучия. Бесспорно, существуют и другие негативные ситуации экологического характера. Однако опасность указанной причины обуславливается длительностью воздействия неблагоприятных факторов. Постоянное проживание в неблагоприятных с экологической точки зрения условиях имеет кумулятивное свойство и негативно влияет на здоровье и качество жизни человека.

Так, в городе Балеи Забайкальского края некоторые граждане проживают в домах, находящихся на территории выхода радиоактивного газа радона. Ряд зданий имеют общественное назначение [14, с. 15; 15, с. 43]. Повышенный радиационный фон от радона обуславливается геологическими особенностями данной местности и промышленным загрязнением. Некоторые дома построены с использованием монацитсодержащих песков. Монацит – это минерал, в состав которого входит радиоактивный элемент торий. Залежи монацитовых песков остались от деятельности предприятия п/я А-1084, действовавшего с 1947 по 1964 г. [16, с. 98; 17, с. 150]. Длительное нахождение в таких зданиях опасно в силу повышенного радиационного фона. Территория города подвергается воздействию и многих других факторов, обуславливающих горнорудной деятельностью: некультивируемые разработки, нехватка и низкое качество питьевой воды и др. Проживание в подобных условиях отрицательно сказывается на здоровье местного населения, что подтверждается государственными докладами

о состоянии окружающей среды⁴ и результатами проведенных исследований.

Аналогичный пример в Иркутской области. В городе Усолье-Сибирское ранее функционировал завод «Усольехимпром». Предприятие оставило большое количество ядовитых отходов на значительной площади. Экологически обусловленные факторы негативно влияют на здоровье местного населения [18, с. 900]. Ситуация находится на контроле у высших органов государственной власти. На сегодняшний день ликвидация данного объекта накопленного вреда⁵ продолжается [19, с. 1304].

Любая территория экологического неблагополучия по-своему специфична и оказывает негативное влияние на здоровье людей и животных. Однако право на благоприятную окружающую среду действует на всей территории Российской Федерации, а значит, должно распространяться и на территории экологического неблагополучия, находящиеся в границах страны. Контроль высокого качества окружающей среды на охраняемой местности в итоге положительно скажется на качестве жизни и оздоровлении населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами обозначены не все имеющиеся в сфере природоохраны и природопользования проблемы. Существует большое количество

4 О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в Забайкальском крае в 2023 г. : государственный доклад [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Забайкальскому краю. URL: https://75.rospotrebnadzor.ru/docs/gos_doclads/ (дата обращения: 07.03.2025) ; О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в Забайкальском крае в 2022 г. : государственный доклад [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Забайкальскому краю. URL: https://75.rospotrebnadzor.ru/docs/gos_doclads/ (дата обращения: 07.03.2025) ; О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения в Забайкальском крае в 2021 г. : государственный доклад [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Забайкальскому краю. URL: https://75.rospotrebnadzor.ru/docs/gos_doclads/ (дата обращения: 07.03.2025).

5 Государственный реестр объектов накопленного вреда. Сведения, содержащиеся в ГРОНВОС по состоянию на 23.01.2025 [Электронный ресурс] // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/likvidatsiya_nakoplennogo_vreda_okrurzhayushchey_srede/ (дата обращения: 07.03.2025).

других сложностей как правового, так и социального и экологического характера. Однако в рамках одного исследования охватить столь широкий круг вопросов не представляется возможным. Все отмеченное в разной степени влияет на эффективность реализации права на благоприятную окружающую среду.

В качестве решения проблемы конституционно-правового характера (разграничение либо единство положений ст. 42 Конституции РФ) представляется необходимым рассматривать право на благоприятную окружающую среду в качестве самостоятельного и не зависящего от таких правовых возможностей, как получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В этой связи предлагаем авторскую редакцию указанной нормы:

«Статья 42.

1. Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду.

2. В Российской Федерации гарантируется обеспечение достоверной информации о состоянии окружающей среды.

3. В Российской Федерации гарантируется возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

Предложенное разграничение позволит отсечь существующее право на благоприятную окружающую среду, обладающее определенной степенью самостоятельности и безусловности, от вытекающих из него других правовых конструкций. Как отмечалось ранее, такое жесткое разделение необходимо, так как право на благоприятную окружающую среду и возможности получения достоверной информации о состоянии окружающей среды и возмещения ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, имеют разные объекты правового регулирования. Четкое разграничение исключит неопределенность и двоякое толкование, что позволит определять содержание каждого элемента и обеспечить необходимый высокий уровень реализации. Однако в силу нахождения ст. 42 в гл. 2 Конституции РФ ее положения не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Целесообразны исследовательские изыскания и обсуждения по

этому поводу с последующими законодательскими инициативами.

В настоящее время реализация права на благоприятную окружающую среду обеспечивается в несколько упрощенном порядке. Это происходит в силу узкого подхода к пониманию благоприятной окружающей среды. Полагаем, необходимо зафиксировать в понятии благоприятной окружающей среды невозможность ее отрицательного влияния на жизнь и здоровье человека. В связи с этим представляется возможным внести изменение в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», изложив абз. 13 в следующей редакции: «благоприятная окружающая среда – окружающая среда, качество которой не оказывает отрицательного влияния на жизнь и здоровье человека, обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» [20, с. 53–54].

Закрепление указанного положения, наряду с обеспечением устойчивого функционирования естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов, позволит сделать шаг на пути к дальнейшему реформированию экологического законодательства. Это предопределяет изменение государственной экологической политики, позволит обеспечивать реализацию права на благоприятную окружающую среду в приоритетном порядке.

Для решения социальных вопросов представляется необходимым повышение правовой грамотности населения путем привлечения государственных образовательных учреждений к проведению мероприятий по эколого-правовому просвещению. Повыше-

ние правовой грамотности в дальнейшем приведет и к активному применению механизма самозащиты права на благоприятную окружающую среду, использованию одного из эффективных способов в рамках юрисдикционного механизма – в ходе судебного разбирательства. Для этого, в частности, необходима популяризация судебной деятельности среди населения.

Решение экологических проблем в каждом случае конкретно. Применительно к проживанию людей на территориях экологического неблагополучия возможна смена места жительства, как, например, по программе переселения из ветхого и аварийного жилья. В частности, это применимо к домам, построенным с использованием монацитсодержащих песков и (или) находящихся на территории выхода радиоактивного газа радона. Для этого необходимо приравнять такие дома к аварийным и внести необходимые изменения в региональную адресную программу по переселению из ветхого и аварийного жилья.

Предложенный подход к реализации права на благоприятную окружающую среду с позиции трехаспектного анализа позволяет всецело раскрыть существующие тенденции и барьеры. Однако требуется проведение дальнейших исследований по выявлению проблем реализации данного права и нахождению их решений. Целесообразно взаимодействие общественного и научного сообществ с органами государственной власти и местного самоуправления. Приветствуются всесторонние оценки, касающиеся представленной позиции расширения толкования благоприятной окружающей среды с учетом ее влияния на человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разуваева Е.Ю. Содержание права на благоприятную окружающую среду по законодательству РФ / Е.Ю. Разуваева // E-Scio. – 2022. – № 9 (72). – С. 551–558.
2. Ушаков В.Н. Обеспечение права на благоприятную окружающую среду в современных экологических условиях / В.Н. Ушаков // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 280-летию со дня рождения Г.Р. Державина, Иркутск, 29 сентября 2023 г. – Иркутск : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – С. 198–202.

REFERENCES

1. Razuvaeva E.Yu. The Content of the Right to a Favorable Environment Under the Legislation of the Russian Federation. E-Scio, 2022, no. 9 (72), pp. 551–558. (In Russian).
2. Ushakov V.N. Ensuring the Right to a Favorable Environment in Modern Environmental Conditions. *Problems of Modern Legislation of Russia and Foreign Countries. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 280th Anniversary of the birth of G.R. Derzhavin, Irkutsk, September 29, 2023. Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice Publ., 2023, pp. 198–202. (In Russian).*

3. Герасимов Д.В. Конституционно-правовые основы регулирования права на благоприятную окружающую среду / Д.В. Герасимов // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 60–64.
4. Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права / М.М. Бринчук // Журнал российского права. – 2008. – № 9 (141). – С. 37–52.
5. Васильева М.И. Право граждан СССР на здоровую окружающую среду : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / М.И. Васильева. – Москва, 1990. – 26 с.
6. Сорокина Т.Ю. Юридические критерии благоприятности окружающей среды (анализ проблемы) / Т.Ю. Сорокина // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 2. – С. 75–78.
7. Анисимов А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду / А.П. Анисимов // Гражданин и право. – 2009. – № 2. – С. 72–80.
8. Вронская М.В. Актуальные проблемы реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду в российском правовом порядке / М.В. Вронская, А.В. Симоненко // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2023. – Т. 15, № 1 (65). – С. 101–111. – DOI 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-1/101-111.
9. Балашова Т.Н. Конституционное право на благоприятную окружающую среду и его реализация в Российской Федерации / Т.Н. Балашова // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 4 (20). – С. 35–42.
10. Сорокина Т.Ю. Механизмы защиты права на благоприятную окружающую среду : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Т.Ю. Сорокина. – Москва, 2010. – 32 с.
11. Парковская М.И. Самозащита права в гражданском праве России: понятие, история становления, проблемные аспекты / М.И. Парковская // Философия права. – 2024. – № 1 (108). – С. 83–87.
12. Сорокина Т.Ю. Механизмы защиты права на благоприятную окружающую среду : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Т.Ю. Сорокина. – Москва, 2010. – 188 с.
13. Жукова Н.В. Проблемы обеспечения органами внутренних дел реализации права граждан на благоприятную окружающую среду / Н.В. Жукова // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2016 г. – Краснодар, 2016. – С. 324–329.
14. Стамат И.П. Уровни облучения детей за счет природных источников излучения в детских образовательных учреждениях на территории отдельных субъектов Федерации / И.П. Стамат, Т.А. Кормановская, А.В. Световидов, И.А. Ракитин, Г.А. Горский // Радиационная гигиена. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 14–19.
15. Лашенова Т.Н. Радиационно-гигиенический мониторинг на потенциально радоноопасных территориях / Т.Н. Лашенова, Л.Э. Карл, А.М. Маренный // Медицинская радиология и радиационная безопасность. – 2021. – Т. 66, № 4. – С. 42–50. – DOI 10.12737/1024-6177-2021-66-4-42-50.
16. Корольков А.Т. Монашья проблема города Балея / А.Т. Корольков // Известия Сибирского отделения РАН. Геология, поиски и разведка рудных месторождений. – 2016. – № 1 (54). – С. 96–103.
17. Ушаков В.Н. Ториевая ядерная программа в Забайкальском крае: результаты и экологические последствия / В.Н. Ушаков // Общество. Среда. Развитие. – 2024. – № 1 (70). – С. 149–152. – DOI 10.53115/19975996_2024_01_149_152.
3. Gerasimov D.V. Constitutional and Legal Foundations for Regulating the Right to a Favorable Environment. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2012, no. 1 (38), pp. 60–64. (In Russian).
4. Brinchuk M.M. Favorable Environment Is the Most Important Category of Law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 9 (141), pp. 37–52. (In Russian).
5. Vasilyeva M.I. The Right of Citizens of the USSR to a Healthy Environment. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1990. 26 p.
6. Sorokina T.Yu. Legal Criteria of Favourable Environment (Problem Analysis). *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2009, no. 2, pp. 75–78. (In Russian).
7. Anisimov A.P. The Right of Man and Citizen to a Favorable Environment. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2009, no. 2, pp. 72–80. (In Russian).
8. Vronskaya M.V., Simonenko A.V. Actual Problems of Realizing the Rights of Citizens to a Favorable Environment in the Russian Legal Order. *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 101–111. (In Russian). DOI 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-1/101-111.
9. Balashova T.N. Constitutional Right on Healthy Environment and its Realization in the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*, 2017, vol. 5, no. 4 (20), pp. 35–42. (In Russian).
10. Sorokina T.Yu. Mechanisms for Protecting the Right to a Favorable Environment. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2010. 32 p.
11. Parkovskaya M.I. Self-Defense of Law in Russian Civil Law: The Concept, the History of Formation, Problematic Aspects. *Filosofiya prava = Philosophiya Prava*, 2024, no. 1 (108), pp. 83–87. (In Russian).
12. Sorokina T.Yu. Mechanisms for Protecting the Right to a Favorable Environment. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2010. 188 p.
13. Zhukova N.V. Problems of Ensuring the Implementation of the Right of Citizens to a Favorable Environment by Internal Affairs Bodies. *Actual Problems of Development of Civil Law and Civil Procedure at the Present Stage. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, February 18, 2016*. Krasnodar, 2016. pp. 324–329. (In Russian).
14. Stamat I.P., Kormanovskaya T.A., Svetovidov A.V., Rakitin I.A., Gorsky G.A. Levels of Children Exposure from Natural Ionizing Sources at Child Educational Institutions in the Territory of Some Russian Federation Subject Territories. *Radiacionnaya gigiena = Radiation Hygiene*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 14–19. (In Russian).
15. Lashchenova T.N., Karl L.E., Marennyy A.M. Radiation-Hygienic Monitoring in Potentially Radon-Hazardous Territories. *Medicinskaya radiologiya i radiacionnaya bezopasnost' = Medical Radiology and Radiation Safety*, 2021, vol. 66, no. 4, pp. 42–50. (In Russian). DOI 10.12737/1024-6177-2021-66-4-42-50.
16. Korolkov A.T. Monazite Problem of the City of Baley. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya RAEN. Geologiya, poiski i razvedka rudnyh mestorozhdeni = Proceedings of the Siberian Department of Earth Sciences, Russian Academy of Natural Sciences. Geology, Prospecting and Exploration of Ore Deposits*, 2016, no. 1 (54), pp. 96–103. (In Russian).
17. Ushakov V.N. Thorium Nuclear Program in the Trans-Baikal Territory: Results and Environmental Consequences. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*, 2024, no. 1 (70), pp. 149–152. (In Russian). DOI 10.53115/19975996_2024_01_149_152.

18. Кудяева И.В. Состояние липидного обмена у лиц, проживающих на территории экологического неблагополучия / И.В. Кудяева, А.А. Лысенко // Гигиена и санитария. – 2023. – Т. 102, № 9. – С. 896–901. – DOI 10.47470/0016-9900-2023-102-9-896-901.

19. Катаманова Е.В. Нейрофизиологические и психологические показатели ликвидаторов химического загрязнения окружающей среды / Е.В. Катаманова, Д.В. Русанова, П.В. Казакова // Гигиена и санитария. – 2023. – Т. 102, № 12. – С. 1303–1308. – DOI 10.47470/0016-9900-2023-102-12-1303-1308.

20. Ушаков В.Н. Терминологический анализ понятия права на благоприятную окружающую среду: некоторые предложения по изменениям в экологическом законодательстве / В.Н. Ушаков // *Ius Publicum et Privatum*. – 2024. – № 3 (27). – С. 50–55. – DOI 10.46741/2713-2811.2024.27.3.006.

18. Kudaeva I.V., Lysenko A.A. The State of Lipid Exchange in Persons Living in the Territory of Environmental Illusion. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and Sanitation*, 2023, vol. 102, no. 9, pp. 896–901. (In Russian). DOI 10.47470/0016-9900-2023-102-9-896-901.

19. Katamanova E.V., Rusanova D.V., Kazakova P.V. Neurophysiological and Psychological Indicators of Liquidators of Chemical Pollution of the Environment. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and Sanitation*, 2023, vol. 102, no. 12, pp. 1303–1308. (In Russian). DOI 10.47470/0016-9900-2023-102-12-1303-1308.

20. Ushakov V.N. Terminological Analysis of the Concept of the Right to a Favorable Environment: Some Proposals for Amending Environmental Legislation. *Ius Publicum et Privatum*, 2024, no. 3 (27), pp. 50–55. (In Russian). DOI 10.46741/2713-2811.2024.27.3.006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ушаков Вячеслав Николаевич – аспирант кафедры юриспруденции Института экономики, управления и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ushakov Vyacheslav Nikolaevich – Postgraduate student of the Chair of Jurisprudence of the Institute of Economics, Management and Law.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 15.04.2025. The article was submitted 15.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication 15.04.2025.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 2 (80) 2025.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, каб. 319.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 27.06.2025 г. Вышел в свет 11.07.2025 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 19.3. Уч. изд. л. 16.52. Тираж 65. Заказ 96.
Свободная цена.

Отпечатано в управлении публикационной деятельности
Уфимского университета науки и технологий
450008, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 12

